

30-31

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

карта — ВРАГУ
ПОМОГАТЬ

ЭПИДЕМИЯ СЕКРЕТНОСТИ

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес:

390000, Россия, г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912)77-51-17
E-mail: andy@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Сергей Романов
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают
с точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, С. Романов,
Ю. Середа, Т. Поспелова

Компьютерная верстка:

Ю. Середа

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"

Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ N 186.

Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 3.03.2001

Только для бесплатного
распространения

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "KARTA", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

«Необходимы совместные действия во имя защиты прав человека» <i>Резолюция Всероссийского чрезвычайного Съезда в защиту прав человека</i>	3
С. КОВАЛЕВ Угроза правовому государству и основам демократии в стране <i>Стенограмма выступления на Съезде</i>	4
Всероссийский чрезвычайный Съезд в защиту прав человека <i>Фоторепортаж С. РОМАНОВА и С. СМЕРНОВА</i>	8
Эпидемия секретности <i>От редакции</i>	10
Секретность: терминология	10
Из истории «системы и органов защиты информации»	11
С. ЧЕРТОПРУД Зарождение и становление системы защиты государственной тайны	15
А. СОЛДАТОВ Правительство и секретность <i>Принцип засекречивания гос. тайн оставится вполне советским</i>	17
Ю. ШМИДТ Безразмерная секретность <i>Гос. тайна и права человека. Взгляд адвоката</i>	17
И. АНДРЕЕВ Знает ли государство, что у него тайна, а что нет? <i>«Секретомания» вместо законности</i>	18
Ф. ВУЙЕР, С. ПИТЕРСОН Что в России не секрет? <i>«Секретомания» тормозит социально-экономическое развитие страны</i>	19
М. ДЕЙЧ Пенза: чекисты в компьютерные игры не играют... <i>Произвол в регионах России</i>	21
А. ОСТРОВСКИЙ Черная метка профессора Сойфера <i>ФСБ против ученого-океанолога</i>	24
О фабрикации ФСБ «шпионских» дел и насаждении в стране шпионмании <i>Из резолюции Всероссийского чрезвычайного Съезда в защиту прав человека</i>	26
Интернет и права человека	27
Е. КРОССЕР Криптография и наше право на приватность	30
А. БЛИНУШОВ, О. ОРЛОВ, А. ЧЕРКАСОВ Чечня: Контртеррористическая операция или война? «Конституционный порядок» или беззаконие? Возрождение государства или коллапс права? <i>Доклад на Съезде</i>	32
Острова ГУЛАГа в современной России. Северный Кавказ <i>Фотодокументы</i>	40
И. РАТУШИНСКАЯ Серый — цвет надежды <i>История инакомыслия</i>	43
Ф. КОХРИХТ Признания Ирины Ратушинской <i>«Черта оседлости: до и после» Фотографии с выставки в Амстердаме</i>	58
Н. КОН Благословение на геноцид <i>Из истории антисемитизма</i>	59
Й. КНИСМЕЙЕР, Д. С. БРЕХЕР Евреи Советской России: между войнами <i>Исторический очерк</i>	64
В. БАЛАН Дальневосточный эксперимент <i>История создания Еврейской автономной области (ЕАО)</i>	65
Т. БАЛАНИНА-ПЕЧЕРСКАЯ Город, в котором жил идиш <i>Из жизни евреев в ЕАО</i>	68
А. ЦИРУЛЬНИКОВ Дом в лесу <i>Из жизни евреев в ЕАО</i>	69
Счастливые повороты судьбы <i>Интервью с Президентом Института Демократии в Восточной Европе Ирзой ЛЯСОТОЙ</i>	72
Ю. ТЕЛЕГИН Клуб друзей Евы <i>Общая судьба — Восточная Европа</i>	82
А. ГУРЬЯНОВ Порочная арифметика <i>Трудные вопросы истории</i>	83
История в документах	86
А. СУСЛОВ Протокол одного заседания <i>Спецпереселение крестьян на Урал</i>	89

На 1 стр. обложки: плакат В. Корецкого, 1954 год.

На 4 стр. обложки: Людмила Вахмина. Москва, январь 2001 года. Фото С. Смирнова

«НЕОБХОДИМЫ СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ИМЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

Резолюция Всероссийского чрезвычайного Съезда в защиту прав человека

Действующая Конституция провозглашает Россию федеративным, правовым, социальным, светским и демократическим государством. Однако сейчас ситуация с демократическими свободами и правами человека в стране стала чрезвычайной: на наших глазах идет эрозия демократических основ Конституции, в последние месяцы можно говорить о ползучем конституционном перевороте. Ограничения и нарушения прав и свобод человека и гражданина в самых различных областях формируют отчетливую тенденцию к авторитаризму. Исторический опыт свидетельствует, что такого рода режимы ведут к массовым репрессиям и провоцируют широкомасштабные военные действия.

Особую опасность правам и свободам человека и гражданина в Российской Федерации представляют:

— антиконституционные военные операции в Чечне, вызвавшие гибель тысяч людей, повсеместные нарушения прав человека, военные преступления и преступления против человечности;

— поощряемая представителями власти практика этнической и расовой дискриминации, рост нетерпимости и насилия по отношению к этническим меньшинствам и мигрантам, насаждение государством образа врага в лице выходцев из кавказского и других регионов;

— нетерпимое положение людей, лишенных жилья и прописки, — как беженцев и вынужденных переселенцев, так и ставших бездомными в самой России в мирное время; государство как бы вычеркивает их из жизни — они лишены не только социальных прав (на жилище, на медицинскую помощь и т.п.), но и гражданских, и политических прав, а подчас и права на жизнь;

— стремление бюрократии регламентировать личную инициативу граждан и ограничить деятельность общественных объединений, делая граждан бессильными, запуганными и бесправными;

— массовые нарушения социальных и трудовых прав граждан, угроза их еще большего законодательного ограничения;

— расширяющееся наступление властей на право граждан на благоприятную окружающую среду, давление на общественные экологические организации, демонстративное пренебрежение волей миллионов граждан, поддерживавших проведение экологического референдума;

— стремление президентской администрации получить чрезвычайные полномочия и создать управляемое номенклатурное Конституционное собрание, чтобы иметь возможность якобы законного изменения конституционного строя;

— политика подчинения законодательной и судебной властей администрациям разного уровня;

— демонстративное пренебрежение всех ветвей власти к международным обязательствам в области прав человека, взятым на себя Россией;

— нарастающая противоправная подмена Конституции и законов России подзаконными актами, нарушающими права человека;

— монополизация властью информационной, общественной и финансово-экономической сфер;

— давление на независимые СМИ, стремления к цензуре и возрождение государственно-идеологической пропаганды;

— многочисленные нарушения избирательных прав граждан, манипулирование избирательным законодательством на всех уровнях, использование властью СМИ, избиркомов и судов для устранения неугодных кандидатов;

— фактическая остановка судебной реформы, отсутствие эффективной судебной защиты от нарушения прав человека и произвола властей, повсеместное невыполнение судебных решений;

— неэффективность защиты прав граждан правоохранительными органами, более того — превращение силовых структур в один из основных источников нарушений прав человека;

— чрезмерное усиление роли спецслужб в обществе и государстве, закрытость властных структур от общества, ограничение доступа граждан к информации;

— превращение Генпрокуратуры, ФСБ и других силовых структур в инструменты политической борьбы, инспирирование «шпионских процессов»;

— милитаризация власти и общества, опасное вмешательство силовых структур в вопросы внутренней и внешней политики страны.

Участники Всероссийского чрезвычайного Съезда в защиту прав человека считают такое положение вещей угрожающим стабильности и безопасности нашего общества, мирному и демократическому развитию нашей страны.

Мы призываем структуры гражданского общества России к консолидации и совместным действиям во имя защиты прав и свобод человека и гражданина.

Нарастание угроз основам конституционного строя и гражданского общества, верховенству права и прав личности требует от нас выступить в качестве конструктивной гражданской неполитической оппозиции этому режиму. Усиление государства должно быть сбалансировано консолидированным и эффективным гражданским обществом.

Всероссийский чрезвычайный Съезд в защиту прав человека постановляет:

1. Сформировать постоянно действующие рабочие группы по следующим направлениям:

— антивоенные действия;

— гражданский контроль;

— судебная реформа;

— тюремная реформа и защита прав заключенных;

— социальные и экономические права граждан;

- военная реформа и защита прав военнослужащих и их семей;
- право граждан на свободу предпринимательской деятельности;
- защита избирательных прав граждан;
- защита граждан от этнической и расовой дискриминации;
- защита экологических прав граждан;
- защита свободы слова и независимости СМИ;
- защита права на интеллектуальную собственность;
- по защите прав детей.

2. Сформировать специальную рабочую группу по законодательному обеспечению прав человека в России и подготовке пакета проектов федеральных законов, направленных на обеспечение в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина. Координацию деятельности группы поручить инициативной группе «Общее действие».

3. Организовать проведение мониторинга политико-правового обеспечения прав человека, который бы включал в себя анализ:

— голосований в Государственной Думе РФ по законопроектам и иным вопросам, связанным с правами человека;

- законопроектов, внесенных фракциями и другими субъектами законодательной инициативы;
- реакции политиков на предложения, исходящие от правозащитных организаций.

По результатам мониторинга правозащитное сообщество должно решать, какие политические силы могли бы рассчитывать на его поддержку и какие рекомендации целесообразно предложить структурам гражданского общества и избирателям.

Съезд поручает инициативной группе «Общее действие» координацию выполнения данной резолюции и проведение мониторинга политико-правового обеспечения прав человека.

Москва, 21 января 2001 года

**Страницы чрезвычайного Съезда
в Интернете:**

<http://www.hro.org/ngo/congress>

Сергей КОВАЛЕВ

УГРОЗА ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ И ОСНОВАМ ДЕМОКРАТИИ В СТРАНЕ

Стенограмма выступления на Съезде

Инициаторы Съезда решили назвать его чрезвычайным, и это название было утверждено большинством организационного комитета. Как и полагается в интеллигентном обществе, вокруг слова немедленно возникла дискуссия. Одни утверждают, и эти утверждения

имеют немалые основания, что чрезвычайность Съезда отражает чрезвычайную политическую ситуацию в стране. Они полагают, что новая власть намерена выстроить некий отчетливо новый режим. Приход новой администрации рассматривается ими как перелом в отечественной политике, как событие чрезвычайное. Другие — и их аргументы вполне серьезны — говорят: «Ничего чрезвычайного в стране не происходит». Новая власть предпринимает не более чем попытку последовательно реа-

лизовать некоторую тенденцию, которая возникла, хотя и импульсивно и непоследовательно, развивалась и набирала силу еще при Ельцине. Да, страна переживает довольно печальную политическую эволюцию. Но эволюция эта естественна. Бывшая сверхдержава неуклонно превращается во второстепенную страну третьего мира. А в этом случае неизбежно нарастает волна национализма, шпиономании, возникает печаль по утраченному могуществу и энергичное желание противостоять неким врагам.

Я готов согласиться и с этой версией. Я вообще считаю, что в определенном смысле спор вокруг слова «чрезвычайность» не слишком содержательный. В самом деле, пусть правы те, кто рассматривает провинциальный византизм со всеми его последствиями как определяющую характеристику момента. Ну и что из этого? Позволю себе рискованное сравнение. Нацизм в Германии ведь не с неба же свалился. Есть веские основания рассматривать это событие как естественное развитие в побежденной послевоенной Германии, барахтавшейся в разрухе. Так что, если бы осенью 1932 года немецкие интеллектуалы решили созвать чрезвычайный Съезд, стали бы мы сегодня над ними смеяться?

Дело в ином. Нам необходимо спокойно и без истерик проанализировать остроту и масштабы опасностей,

возможно ожидающих нас в ближайшем будущем. Какова природа этих опасностей?

Самая общая, и вместе с тем самая яркая, самая выразительная характеристика состоит в том, что без серьезных фальсификаций уверенное большинство населения нашей страны по доброй воле, в здравом уме и твердой памяти проголосовало за никому до того неизвестного подполковника КГБ Путина, избрав его на пост Президента России. Конечно, мы можем говорить, что 55% голосов, отданных за Путина, — это еще не подавляющее большинство. Но вспомните, куда ушли остальные голоса. Эти выборы состоялись в стране, миллионы граждан которой погибли в результате репрессий. А репрессии эти были организованы партией, набравшей большинство голосов в парламенте, и проводились организацией, представитель которой был недавно избран нами Президентом. Вот что страшнее всего. В массовую поддержку Путина энергично включилась интеллектуальная элита страны. Нового Президента выдвигали писатели, артисты, ученые. Кажется, до сих пор многие из них не вспоминают об этом выдвигении как о наваждении, как о дурном сне. Не скрою от вас, дорогие коллеги, что лично я рассматриваю это избрание и это доверие как национальный позор. Страна с такой кровавой и грязной историей не может позволить себе подобных предпочтений. Вместе с Путиным на ключевые посты в нынешнюю кремлевскую команду идут его коллеги из того же ведомства. Этой службы не стесняются, ею публично и откровенно гордятся. Гордится ею и сам Президент.

Какова же идеология этой новой команды? Какие навыки они вынесли из своей alma mater? Каковы базисные ценности этой идеологии?

Ничего нового для нас в этих ценностях, увы, нет. Это — державность, то есть представление о государстве как о мистической сверхценной сущности, которой служат все общество и каждый гражданин. Это так называемый «порядок», который все чаще откровенно называют «управляемой демократией». Вдумайтесь в этот термин, коллеги. Демократия — это власть народа, власть граждан. А что же, в таком случае, управляемая демократия? Управляемая кем? Это — «патриотизм», выражающийся, главным образом, в поисках внешних и внутренних врагов России. Нынешний официоз любит говорить об «ответственности». Ответственность — замечательное слово, и суть его тоже замечательная. Как же, например, согласно печально известной концепции об информационной безопасности Совета безопасности России осуществляется ответственность средств массовой информации? И перед кем, интересно, должны быть ответственны СМИ? На первый вопрос концепция отвечает очень просто: необходим контроль над прессой. Ну, отсюда ясен ответ и на второй вопрос: не перед нами — читателями, слушателями и зрителями ответственны журналисты, а перед начальством. И так повсюду. Не власть отвечает перед обществом, а наоборот, требует от него ответственности перед некими общегосударственными целями и ценностями, то есть перед собой.

Под стать ценностям и методы проведения в жизнь новой политики. Все делается тихо и технично, подчас даже не очень заметно для не слишком пристального наблюдателя. Подготовка любой операции по отстраиванию механизмов византийской системы управления

окружается покровом тайны и сопровождается операцией по дезинформации противника (то есть нас, граждан России) и операцией прикрытия. Тактика, вполне приемлемая для резидента, но не для Президента.

Возьмем для примера историю с так называемым реформированием исполнительной вертикали. Вся кампания прошла под лозунгом: «Унять региональных баронов». Что, разве плохо унимать баронов? Конечно, хорошо. И даже необходимо. И нам ли с вами, особенно активистам правозащитного движения из регионов, заступаться за правовой феодализм ельцинской эпохи? И разве основы федерализма не прописаны в действующей Конституции из рук вон плохо? Все так. При этом все выше названные соображения, активно тиражировавшиеся правительственной пропагандой, — не более чем операция прикрытия. Это ясно хотя бы из того, что не сделано даже попытки разрешить главную проблему — разграничение компетенции между федерацией и ее субъектами. Вместо этого с маниакальным упорством тянут куда-то вниз какую-то властную вертикаль. В нынешнем году, кажется, собираются дотащить ее до муниципальных образований. Жизнь коротка, и я буду краток тоже. На самом деле это предпринимается вовсе не против региональных баронов, а для того чтобы уничтожить любой федерализм и установить в России унитарное государство. И то, какой может быть федерализм в Византии? А героическая борьба с олигархами, почему-то ограничивающаяся исключительно владельцами оппозиционных СМИ? Но ведь многие верят. А как тихо и технично превращена в назначаемую верхняя палата парламента? Да, ее члены назначаются не непосредственно федеральной властью, но они назначаются властью, которая отныне контролируется федеральным центром, и, в любом случае, они не избираются населением.

Вот еще примеры тихих и незаметных шагов. Существовал у нас Госкомприроды, федеральный комитет Госкомприроды — экологический контроль. Он, прямо скажем, работал не блестяще. Он, прямо скажем, требовал реорганизации. И эта реорганизация была осуществлена. Госкомприроды перестал существовать и превратился в управление министерства. Публике объяснили, что это делается ради сокращения аппарата. Ну, еще бы! Кто же будет против политики сокращения аппарата! Политика, которая вполне в духе правильных политико-экономических ценностей (таких, как дешевое правительство)! Все замечательно. Только почему-то ненавязчиво избегают упоминаний, управлением какого именно министерства стал бывший Госкомприроды. Не знаете? А я вам скажу. Теперь это управление в составе Министерства природных ресурсов. Вы представляете себе контроль за состоянием леса, порученный лесорубам? И рыбнадзор в недрах рыболовственных концернов? Комментарии нужны?

Намерения и планы, вынашиваемые новой властью, становятся совершенно прозрачными, если проанализировать законопроекты, вносимые в Думу или непосредственно администрацией президента, или ее резидентами в парламенте. Остановлюсь на одном из них, поскольку он имеет прямое отношение ко всему, чему вы, уважаемые коллеги, посвятили всю жизнь.

Конституция Российской Федерации категорически запрещает парламенту изменение 1, 2 и 9 глав Консти-

туции. Конституция полагает, что изменение этих концептуальных глав равносильно принятию новой конституции. Новый же основной закон, согласно действующим конституционным нормам, может быть принят только специальным учредительным органом — Конституционным собранием. Записано, что Конституционное собрание создается и работает в соответствии с конституционным федеральным законом. А закона этого не существует. Естественно восполнить этот пробел. Вот он и восполняется. Президентская команда предложила, по сути дела, учредительную власть, назначаемую властью исполнительной. Назначаемое Конституционное собрание из 400 человек. Вот что это такое. Во-первых, в собрание входит сам Президент. Гарант действующей Конституции становится автором Конституции новой. Далее. Вместе с Президентом в собрание входят 100 назначенных им лиц. Далее. В Конституционное собрание входит вся верхняя палата целиком. Как я уже говорил, эта палата даже формально не состоит теперь из людей, выбираемых населением. Дальше я рассказывать не буду, и так все ясно. Если вы хотите написать новый основной закон по принципу «чего изволите», то лучшей схемы не придумаешь. А об остальных законопроектах лишь коротко упомяну, на эту тему здесь будет специальный доклад. Законопроект об административных судах устанавливает специальную ветвь правосудия для разрешения споров гражданина с властью. Легко себе представить, как эти немногочисленные отобранные судебные составы будут разрешать подобные споры в рамках хорошо нам известной отечественной традиции. Стремительно продвигается в парламенте новый закон о политических партиях, выстраивающий политически активных граждан по ранжиру. Инициатор этого закона совершенно не скрывает своей сверхзадачи: внедрить в стране двух-, трех-, вообще малопартийную систему. Она и в самом деле очень удобна и вовсе не только для власти. Забывают лишь, что те цивилизованные страны, где господствуют подобные системы, и не думают вводить законодательных ограничений на число партий, участвующих в выборах. Малопартийная система в этих странах создается самими избирателями, выражающими свои предпочтения. А участвовать в выборах может любое количество партий. И участвует. Я не буду останавливаться на аналогичных тенденциях столь важных законопроектов, как закон об уголовно-процессуальном, трудовом, административном кодексах. Хочу только декларировать, что новации и в этом случае выстроены в том же направлении.

Это законопроекты. Но мы можем судить о природе нового политического режима не только по его намерениям, декларированным явно или неявно. За эти полтора года под аккомпанемент деклараций о диктатуре закона уже сделан ряд шагов, приведших к серьезным и массовым нарушениям прав человека. Начнем с того, что нынешняя администрация не просто ведет на территории страны разрушительную и истребительную войну. Она, эта администрация, родом из этой войны. Силы, получившие в ходе выборов поддержку большинства населения, получили ее благодаря им же развязанной истерии вокруг так называемой войны с терроризмом. Я вовсе не хочу сказать, что с терроризмом не надо бороться или что в борьбе с этим злом недопустимы

силовые методы. Отнюдь нет. Более того, я прекрасно помню, что первый акт, или точнее, пролог этой войны — вторжение в Дагестан — был организован, скорее всего, не из Москвы. Исполнителями этого преступного вторжения были исламские экстремисты и фанатики-националисты, не получившие должного отпора со стороны официальных властей Чечни. Я хочу сказать, что команда Путина цинично разыграла эту ситуацию как козырную карту для победы на парламентских и президентских выборах. И при этом их совершенно не волновало, чем обернется эта война для России, не говоря уже о Чечне. Означает ли развязывание террора в Чечне, что репрессии вновь станут основным орудием управления по всей России? Не думаю. Но избирательное точечное применение репрессий для достижения властью своих целей считаю вполне возможным. Разумеется, политический характер этих репрессий будет тщательно маскироваться. Присутствующие здесь активисты экологических движений могут многое рассказать нам о том, как это делается. Сегодня главный удар направлен именно против них. Впрочем, параллельно растет и общая независимость органов МВД, прокуратуры, ФСБ, других силовых структур не только от гражданского контроля, но и от соблюдения законности и прав личности вообще. А это уже касается не избранных, а всех.

Наконец, к числу уже осуществленных компонент общественного проекта, который новый президент предложил избравшей его стране, относится внешнеполитический курс его администрации. Фактически этот курс означает сближение России с самыми недемократическими режимами в мире, от Кубы до Северной Кореи. Сближение с диктаторами, которые открыто полируют права личности и политические свободы в своих странах и создают угрозы международному миру и международной безопасности. Вам, коллеги, решать, должно ли волновать российских правозащитников то, что делается за пределами наших границ и даже границ бывшего Советского Союза. Моя же точка зрения известна: права человека, как и мир в целом, неделимы. Однако было бы печально и смешно, если бы нынешний Съезд занялся декларациями и разоблачениями власти, не ответив на главный вопрос: как нам противостоять угрозам, исходящим от нынешней политической ситуации? Иначе говоря, нам следует, прежде всего, думать не о том, что должна депать власть, чтобы стать хорошей и удостоиться нашей похвалы, а о том, что должны делать мы, чтобы оказать хоть какое-нибудь влияние на дальнейшее развитие событий.

Прежде всего, надлежит ответить себе на общий вопрос: до какой степени и в каких аспектах правозащитнику надлежит заниматься политикой? Это вечный вопрос о соотношении права и политики, который занимал активистов движения за права человека еще в СССР. Наверное, разные люди ответят на него по-разному. Я отвечаю так. Правозащитник не может уйти от политики тогда, когда в политических событиях видит угрозу правам личности, основам демократического строя, господству права и гражданскому обществу. Впрочем, в столь общем виде эти критерии вряд ли так рациональны. Поэтому, касаясь конкретных политических тенденций, нам все равно придется каждый раз открывать дискуссию: является ли, например, унификация государствен-

ной власти нарушением прав граждан, и какие именно права при этом нарушаются? Какие формы может принять участие правозащитных организаций в политике? Мы должны совместными усилиями проводить серьезную экспертную работу, мы должны организовать систематический мониторинг событий, происходящих в политическом секторе, в частности, в Думе, затрагивающих права человека. Мы должны регулярно анализировать и оценивать такие события, а затем распространять наши выводы и оценки как можно шире. Возможно и участие правозащитников в открытых акциях ненасильственного гражданского сопротивления — от сбора подписей под петициями до митингов и пикетов. Другой вопрос, возможно ли на этом пути добиться каких-нибудь эффективных результатов. В любом случае, то, что я предлагаю — это, в сущности, гражданская и неполитическая, хотя и обращенная на политические цели, оппозиция «путинизму». Хочу сразу сделать оговорку: оппозиция, о которой я говорю, должна быть, пользуясь сегодняшней политической лексикой, не непримиримой, а конструктивной. Если власти паче чаяния пойдут навстречу нашим требованиям, если между нами и ними окажется возможным конструктивный диалог, было бы преступлением не пойти на этот диалог во имя соблюдения чистоты риз. Надежды на такой поворот событий, по правде говоря, маловато. Но вспомним, что пионеры правозащитного движения, в частности, Андрей Сахаров, настойчиво и добросовестно пытались вести подобный диалог еще с советским правительством, когда надежды не было вообще.

Далее. Говоря о необходимости для правозащитников не быть в стороне от политики, я должен сказать и другое. Если, увлекшись политикой, мы будем пренебрегать тем, что я назвал рутинной будничной работой правозащитных организаций, мы очень быстро превратимся в политиканствующих обывателей, неинтересных даже самим себе, не говоря уже о ком-то другом. В самом деле, почему хоть кто-то обязан с нами считаться, хоть кто-то должен принимать во внимание наше мнение? Это может быть только тогда, когда мы обладаем определенным общественным весом, а этот вес зависит от целого ряда факторов. И ни наша принципиальность, ни наша радикальность, ни красивый слог наших заявлений, ни интеллектуализм наших аналитических потуг к числу этих факторов не относятся. Общественный вес, повышение влияния в обществе могут возникнуть только в ходе того, что я назвал рутинной работой правозащитника.

Я прекрасно понимаю, что участие активистов правозащитных организаций в гражданской неполитической оппозиции может оказаться серьезной помехой для будничной работы. Причины очевидны, и останавливаться на них нет нужды. Как выходить из этой коллизии? Честно говоря, я не могу привести никакого рецепта. Искать ответ на этот вопрос придется в повседневной работе. Для меня ясно только одно: именно теперь оба этих направления нашей деятельности стали для нас обязательными. Ситуация такова, что полный отказ от одной из задач в пользу другой губителен для обеих. Если мы откажемся от будничной правозащитной «пахоты» в пользу политики, то станем ничтожной кучкой людей, неуважаемых обществом и способных лишь к деклара-

циям. Если же мы откажемся от идеи гражданской оппозиции в пользу исключительно будничной рутинной мелкой работы (вроде помощи беженцам), то мы очень быстро придем к ситуации, когда никакой помощи беженцам мы реально оказать не сможем. Хотя бы потому, что и этой рутинной работой тоже раздражаем власти, и, значит, надо балансировать между двумя крайностями. Если угодно, в этом и состоит чрезвычайность настоящего момента. Но какие бы решения мы ни принимали в той или иной ситуации, надо принимать их с открытыми глазами. Уверю вас, власть не обманешь. А на мудрость власти, которая терпела бы наше фрондерство и в тоже время не мешала бы нам в повседневной работе, мы, увы, рассчитывать не можем. Хотя бы потому, что эта власть вовсе не мудрая.

И еще одна задача есть у российского правозащитного движения, которое неслучайно ведь исторически было первенцем независимой общественности, первым (и на многие годы практически единственным) всходом, который дали семена гражданского общества на выжженной советской властью земле. Это позиционирование себя в общественном процессе. Тоже рутинная работа, длительная, даже, пожалуй, постоянная и нелегкая. Выше я говорил о позиционировании себя по отношению к правительству Путина. Но неизмеримо более важной является задача определить себя по отношению к другим агентам общественного процесса: масс-медиа, бизнесу, политическим партиям, а также к нашим собратьям из других гражданских организаций.

Остановлюсь на последнем вопросе. Мы должны четко понять, что правозащитные (в узком смысле этого слова) организации — лишь небольшая, хотя и весьма значимая, часть совокупности неправительственных гражданских организаций самого различного профиля, активно работающих сегодня в России. Именно гражданские неправительственные организации и другие структуры гражданского общества являются нашими естественными союзниками в противодействии авторитарным тенденциям. Это естественно. Фундамент гражданского общества — право, и оно же, право, является первой жертвой авторитаризма. Конечно, речь не идет ни о каких организационных объединениях. Да, я надеюсь, что в рамках правозащитного сообщества, в самом деле, об этом речь не пойдет. Мы должны обсуждать с нашими коллегами систему горизонтальных связей, причем, не организационных, а корпоративных, выстраиваемых вокруг конкретных дел, имеющих общую для всех значимость.

И, наконец, последнее. Наш Съезд — чрезвычайный. Чрезвычайной ситуации можно противопоставить многое. Но одно чрезвычайной ситуации противопоставлять бессмысленно — истерику. Наша работа легко может стать соревнованием в криках, обличениях и хлестких эпитетах по адресу власти. Благо, это пока еще почти безопасно для обличающих и, главное, не требует никакой систематической работы в дальнейшем. Вот тогда точно можно будет сказать, что мы потерпели крах. Я призываю съезд ни в коем случае не идти по этому пути. Спасибо за внимание.

Москва, 20 января 2001 года

Всероссийский чрезвычайный Съезд в защиту прав человека

Олег Орлов.

Александр Черкасов.

Григорий Явлинский.

Александр Никитин.

Иван Паникаров, Николай Середа.

Алексей Яблоков.

Светлана Ганнушкина.

Олег Миронов.

Александр Горелик.

Лидия Графова.

Фоторепортаж Сергея РОМАНОВА и Сергея СМЕРНОВА

Юрий Орлов.

Заседание редакционной комиссии съезда.

Виктор Попков.

Заседание секции по свободе средств массовой информации.

Сергей Григорьянц.

Сергей Смирнов.

Елена Русакова.

Юрий Вдовин, Носиф Дзялошинский.

ЭПИДЕМИЯ СЕКРЕТНОСТИ

От редакции

... Речь идет о настоящей "эпидемии" шпиономании, которая охватила целый ряд региональных подразделений российских спецслужб и некоторых представителей органов власти Российской Федерации.

В настоящее время в России идут судебные процессы или ведется следствие по обвинению в шпионаже или создании угрозы государственной и военной безопасности страны против военного журналиста Григория Пасько, ученых Игоря Сутягина, Владимира Соифера, Владимира Щурова, дипломата Валентина Моисеева, инженеров Виктора Лимонова и Владимира Шибавва. Абсолютно беспочвенно в сотрудничестве с иностранными спецслужбами огульно обвиняются активисты экологического движения России.

Нашу крайнюю обеспокоенность вызывает то, что прямые фальсификации, подлоги, искажение фактов и использование недопустимых законом доказательств в этих делах становятся для спецслужб, а в ряде случаев и для прокуратуры, чуть ли не нормой.

Приходится констатировать, что зачастую преследованиям подвергаются даже адвокаты подсудимых по "шпионским делам".

Высшие государственные деятели в своих заявлениях до суда называют граждан "шпионами и преступниками", выступают с беспочвенными обвинениями в адрес плодотворно работающих российских и зарубежных общественных гуманитарных, благотворительных и правозащитных организаций. Такие заявления воспринимаются спецслужбами, прокуратурой и судами как целевая установка. Силы государства практически отвергли основополагающий принцип презумпции невиновности.

Из материалов экспертов можно сделать несколько предварительных выводов:

Первое. Высшие эшелоны новой российской власти, желая обрести управленческую "харизму" и используя для этого инструменты манипулирования массовым сознанием, пытаются внедрить мифы о необходимости "управляемой демократии"; о необходимости возрождения российского государства как "великой державы" (империи?) в качестве противовеса Западу; о необходимости укрепления военно-экономических отношений с режимами Ирана, Ирака, Сирии, Кубы, Северной Кореи, Китая; о наличии внешних враждебных России сил на Западе, прежде всего в США; о возможности наведения в стране порядка усилиями спецслужб; о "внутренних врагах" в лице кавказцев, независимых средств массовой информации и активистов общественных объединений.

Второе. Одной из главных причин обострения ситуации являются участвовавшие нарушения российского законодательства и ратифицированных международных документов рядом государственных структур России.

Третье. Обострилось противоречие между системными ценностями гражданского общества (открытость, свобода слова, прозрачность власти, общественный контроль) и атрибутами посттоталитарного государства (избыточная секретность и администрирование, стремление силовых структур к доминированию в экономике, политике, общественной жизни, желание спецслужб доказать свою необходимость и незаменимость).

Сможет ли общество противостоять этой эпидемии? Вопрос пока остается открытым...

Секретность: терминология

Государственные секреты — это сведения политического, экономического, военного и научно-технического характера, утрата или разглашение которых создает угрозу безопасности и независимости государства или наносит ущерб его интересам. Государственные секреты включают в себя государственную, служебную и военную тайны.

Служебная тайна — это сведения, утрата которых наносит ущерб интересам государства или одного из его ведомств.

Военная тайна — это сведения, охраняемые государством, чисто военного характера.

Предпринимательские секреты включают в себя промышленную, финансовую и коммерческую тайны.

Промышленная тайна — это секреты производства, открытия, изобретения, новые технологии и т.д.

Финансовая тайна — это бухгалтерские и финансовые документы, деловая переписка и т.д.

Коммерческая тайна — это все свойственные данному предприятию особенности, детали коммерческой деятельности, партнеры, источники сырья, особенности сбыта продукции.

Источники: Агентура.ру, энциклопедия «Кирилл и Мефодий», исторический справочник «ГРУ, КГБ и другие...»

Из истории «системы и органов защиты информации»

Май 1921 года

Постановлением Малого Совнаркома от 5 мая 1921 года при ВЧК создан специальный отдел под руководством Г. И. Бокня.

Октябрь 1921 года

13 октября 1921 года декретом СНК утвержден перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Сведения делились на:

- 1) военные;
- 2) экономические.

Октябрь 1921 года

Постановлением СНК РСФСР от 13 октября 1921 года утверждено «Положение о военной цензуре ВЧК», по которому «для ограждения политических, экономических и военных интересов РСФСР» вводились «цензура печатных произведений, почтово-телеграфной корреспонденции и контроль за радиотелеграфными связями».

Июнь 1922 года

Создано Главное управление по делам издательств (Главлит) при Наркомате просвещения (Наркомпросе).

Август 1922 года

30 августа 1922 года Секретариат ЦК РКП(б) принял постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». Постановлением от 30.08.22 предусматривалось создание секретных частей для организации и ведения секретного делопроизводства.

Ноябрь 1922 года

Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП(б)».

Январь 1923 года

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 года о создании при ГПУ специального межведомственного бюро по дезинформации (Дезинфбюро) в составе представителей от ГПУ, ЦК РКП(б), НКВД, РВС, РУ Штаба РККА.

Задачи бюро:

«— учет поступающих в ГПУ и Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России;

— учет и характеристика сведений, интересующих противника;

— выявление степени осведомленности противника о нас;

— составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противнику;

— снабжение противника вышеуказанными материалами и документами производить через соответствующие органы ГПУ и Разведупра».

Апрель 1926 года

Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 года «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной».

Апрель 1926 года

27.04.26 СНК СССР утвердил «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» (первый открытый перечень). Сведения делились на 3 группы:

- 1) сведения военного характера;
- 2) сведения экономического характера;
- 3) сведения иного рода.

Особенности перечня: к сведениям, являющимся государственной тайной, относятся сведения — СС, С,* не подлежащие оглашению.

Июнь 1926 года

Спецотделом при ОГПУ издан «Перечень вопросов совершенно секретной, секретной и не подлежащей оглашению переписки». Содержание этого перечня более детально раскрывает вопросы, отраженные в перечне СНК.

Структура перечня:

- 1) вопросы военного характера;
- 2) вопросы финансово-экономического характера;
- 3) вопросы политического (в том числе партийного)

характера;

4. Вопросы общего характера.

1926 год

Приняты общесоюзные инструкции:

«Инструкция по ведению секретного и шифровального делопроизводства»;

«Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства»;

«Инструкция по ведению архивного делопроизводства и сдаче дел в органы Центрархива»;

«Инструкция о порядке заготовления и конвертования корреспонденции, пересылаемой дипломатической почтой».

Май 1927 года

СНК СССР принял постановление о создании военизированной охраны для охраны предприятий и сооружений, имеющих особое значение для государства, и об организации силами войск ОГПУ военной охраны предприятий и сооружений, имеющих исключительное значение для обороны страны.

1928 год

Приняты отдельные «Инструкция по секретному делопроизводству» и «Инструкция по шифровальному делопроизводству».

1929 год

Принята «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций».

Конец 1920-х годов

Проведена унификация состава секретных органов и установлена стандартная номенклатура должностей секретных аппаратов учреждений и организаций. В централь-

* СС — Совершенно секретно, С — секретно.

ных аппаратах ВСНХ и НКВД, НКТ, НКПС созданы секретные отделы, в остальных наркоматах — секретные части, а в главках, управлениях и отделах секретные части и секретные отделения соответственно. Номенклатура должностей секретных органов была следующей:

- заведующий;
 - инструкторы;
 - секретари (помощники секретарей);
 - корреспонденты;
 - старшие машинистки (машинистки);
 - помощники секретарей — архивариусы.
- Структура секретных органов предусматривала:
- секретное делопроизводство;
 - машбюро;
 - чертежное бюро;
 - стенографическое бюро;
 - группу контроля;
 - группу по учетно-распределительной работе;
 - бюро пропусков и справок.

Конкретный состав секретных органов определялся наркоматами по согласованию со спецотделом ОГПУ. Службы защиты информации назывались по-разному:

- секретные части;
- подотделы секретного делопроизводства;
- шифровальные отделы и т.д.

Сентябрь 1930 года

Приказом Наркомвоенмора СССР №070 от 25 сентября 1930 года введено «Наставление по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА».

1937 год

Приказом НКО СССР №024 утверждено «Положение о центральной военной цензуре РУ».

Приказ НКО СССР №0043 «Об основах и организации скрытого управления войсками».

Приказ НКО СССР №0105 «О мероприятиях по зашифровке наименований войсковых частей и сохранению в тайне дислокационных сведений».

Август 1939 года

Постановление СНК СССР от 17 июня 1939 года №884-145с «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР», по которому «перевозка секретной и совершенно секретной корреспонденции ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, НКО, НКВМФ и НКВД от Москвы до республиканских, краевых и областных центров и обратно» возлагалась на фельдъегерскую связь НКВД (пункт 1), а «перевозка от всех ведомств (за исключением учреждений и организаций, указанных в пункте 1) секретной, совершенно секретной корреспонденции и драгоценных металлов от центра до районов и обратно» возлагалась на специально созданную специальную связь Наркомата связи.

Сентябрь 1939 года

Приказом НКО СССР №0150 от 4 сентября 1939 года введено «Наставление по секретному делопроизводству в РККА».

Июнь 1940 года

Приказом НКО СССР №0130 от 20 июня 1940 года введено «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений КА».

1940 год

2.01.40 года постановлением СНК утверждена «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Она регламентировала следующие вопросы:

- категорирование сведений по степени их секретности, порядок разработки перечня сведений, подлежащих засекречиванию, и порядок установления и изменения грифа секретности;
- функции 7-го отдела УГБ, функции и ответственность руководителей учреждений за состояние режима секретности;
- название секретных органов, порядок их создания и ликвидации, основные задачи;
- требования к работникам, допущенным к секретной информации;
- порядок оформления допусков к секретным работам и документам;
- требования по ограничению доступа к секретной информации;
- порядок ведения секретного делопроизводства и работы с документами в секретных библиотеках и архивах;
- порядок обращения с шифротелеграммами в учреждениях, не имеющих шифровальных органов;
- порядок хранения секретных и мобилизационных документов;
- порядок учета, хранения спецпродукции и обращения с ней;
- требования к производству кино- и фотосъемки;
- порядок проведения секретных заседаний.

Март 1941 года

Приказом НКО СССР №095 от 5 марта 1941 года введено «Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР».

Декабрь 1946 года

Постановление Совмина СССР «Об упорядочении ведомственной охраны и ее оперативном подчинении войскам МВД».

1946 год

Приказом МВД СССР создано 5 комендатур по охране особо важных объектов промышленности (положено начало войскам по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов).

Июнь 1947 года

Постановление СМ СССР от 8 июня 1947 года «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону».

Июнь 1947 года

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну».

1947 год

На объектах ПГУ при Совмине СССР вводятся должности замов (помощников) начальника объекта по режиму.

Март 1948 года

Постановлением Совета Министров СССР от 1 марта 1948 года утверждены «Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну» и «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР». В Инструкции 1948 года установлены три степени секретности (— С, — СС, — СС ОВ*), порядок определения степени секретности сведений, проведена унификация названий секретных органов. В Перечне 1948 года сведения разбиты на:

- 1) мобилизационные вопросы и сведения о резервах;
- 2) сведения военного характера;
- 3) сведения экономического характера:
 - промышленность;
 - полезные ископаемые;
 - сельское хозяйство;
 - транспорт и связь;
- 4) финансы;
- 5) внешняя политика и внешняя торговля;
- 6) вопросы науки и техники:
 - атомная энергия;
 - радиолокационная техника;
 - реактивная техника;
 - открытия и изобретения;
 - сведения по картографии, геологии, гидрологии;
- 7) сведения об Арктике;
- 8) разные сведения.

Апрель 1948 года

Специальные части внутренних войск (по охране особо важных объектов) переданы из МВД СССР в ведение МВБ СССР.

Октябрь 1952 года

Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1952 года «Об использовании в промышленности, строительстве и других отраслях народного хозяйства работников, высвобождающихся из охраны, и мерах по улучшению дела организации охраны хозяйственных объектов министерств и ведомств».

Март 1954 года

Образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР.

1956 год

Председателем КГБ при СМ СССР утверждена «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР». Разделы:

- 1 — общие положения;
- 2 — задачи секретных отделов, секретных частей;
- 3 — помещения секретных отделов и частей и их охрана;
- 4 — допуск лиц к ОВ, СС и С документам;
- 5 — обязанности лиц, допущенных к ОВ, СС и С документам;
- 6 — определение степени секретности;
- 7 — ведение ОВ, СС и С работ;
- 8 — разработка, учет и размножение, хранение ОВ СС и С чертежей и технической документации;

- 9 — размножение СС и С изданий в типографиях;
- 10 — ведение ОВ, СС и С делопроизводства;
- 11 — составление и прохождение шифротелеграмм;
- 12 — пользование ОВ, СС и С сведениями в командировках;
- 13 — совещания по ОВ, СС и С вопросам;
- 14 — библиотеки СС и С изданий и т.д.

1958 год

Постановление ЦК КПСС «О мерах по сохранению государственной тайны».

1958 год

Постановление СМ СССР «О мерах по усилению секретности работ по специальным вооружениям и оборонной тематике».

1959 год

Постановлением СМ СССР утвержден «Перечень сведений, составляющих государственную тайну».

Принята «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР».

1963 год

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об усилении режима секретности проводимых работ».

1964 год

Постановление СМ СССР «О мерах по дальнейшей зашифровке действующих и строящихся объектов оборонных отраслей промышленности».

Октябрь 1965 года

1.10.65 утверждена «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны и режима секретности проводимых работ». В Инструкцию 1965 года добавлены вопросы:

- порядок разработки, хранения и использования мобилизационных документов;
- порядок учета, хранения, использования и уничтожения материалов счета задач на вычислительных машинах;
- порядок оформления и передачи СС и С документов, секретных изделий, товарно-сопроводительной и перевозочной документации за границу;
- порядок приема руководителями учреждений и предприятий делегаций из иностранных государств.

Инструкция 1965 года оставила название «секретные отделы или секретные части», но добавила те, которые именовались «первыми отделами или первыми частями».

Июль 1966 года

Указ Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злоупотребления правилами движения по территории СССР».

Октябрь 1970 года

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах усиления режима секретности».

Июль 1972 года

11.7.72 утверждена «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны и режима секретности проводимых работ». Инструкция 1972 года предусматривает отделы или группы режима и секретные отделы или части.

* СС ОВ — Совершенно секретно. Особой важности

Декабрь 1973 года

Постановление ЦК КПСС «О мерах противодействия иностранным техническим разведкам».

1973 год

Создана Государственная техническая комиссия по противодействию иностранным техническим разведкам (Гостехкомиссия СССР).

Ноябрь 1976 года

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 ноября 1976 года № 941-323 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы сохранения государственных секретов».

Февраль 1980 года

Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 12 февраля 1980 года утверждена «Инструкция по работе с секретными документами в аппарате ЦК КПСС».

Декабрь 1980 года

Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1980 года № 1121-387 утверждены «Перечень главных сведений, составляющих государственную тайну» и «Положение о порядке установления степени секретности категорий сведений и определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях».

Июль 1984 года

Постановлением Совета Министров СССР от 10 июля 1984 года № 733-162 утверждено «Положение по противодействию иностранным техническим разведкам».

Май 1987 года

Постановлением Совета Министров СССР от 12 мая 1987 года № 556-126 утверждена «Инструкция по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР» № 0126-87. В ней записано, что режимно-секретные органы создаются на правах структурных подразделений, в состав которых входят подразделения режима и подразделения секретного делопроизводства.

Декабрь 1987 года

21 декабря 1987 года Главлитом утверждены «Единые правила печатания несекретных изданий».

Март 1988 года

25 марта 1988 года Главлитом утверждено «Положение о порядке подготовки материалов, предназначенных для открытого опубликования и издания с грифом "Для служебного пользования"» (Положение-88).

Апрель 1990 года

Постановлением Совета Министров СССР от 30 апреля 1990 года № 439-67 утверждено «Положение о разработке, изготовлении и обеспечении эксплуатации шифровальной техники, государственных и ведомственных систем связи и управления и комплексов вооружения, использующих шифровальную технику» (ПШ-89).

1990 год

Главным управлением по охране государственных тайн в печати (ГУОТ) при Совете Министров СССР утверждены «Методические рекомендации по охране сведений, подлежащих защите от разглашения в печати и других средствах массовой информации».

Февраль 1994 года

Распоряжением Президента РФ № 730-РП от 11.02.94 утвержден «Перечень должностных лиц органов государственной власти, наделенных полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне».

Апрель 1994 года

Совместным решением Государственной технической комиссии при Президенте РФ и Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РФ от 27 апреля 1994 года № 10 утверждено «Положение о государственном лицензировании деятельности в области защиты информации».

Ноябрь 1994 года

Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 года утверждено «Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти».

Апрель 1995 года

Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1995 года № 333 утверждено «Положение о лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны».

Июнь 1995 года

Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 года № 608 утверждено «Положение о сертификации средств защиты информации».

Сентябрь 1995 года

Постановлением Правительства РФ от 4 сентября 1995 года № 870 утверждены «Правила отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности».

Ноябрь 1995 года

Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года № 1203 утвержден «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне».

Январь 1996 года

20.01.96 утверждено «Положение о Межведомственной комиссии по защите государственной тайны» № 71.

*Источники: Агентура.ру,
Ассоциация историков спецслужб
им. А. Х. Артузова*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОБОБЩАЮЩАЯ ТАБЛИЦА

Сергей ЧЕРТОПРУД

Зарождение и становление системы защиты государственной тайны

В Российской империи не существовало централизованной системы защиты государственной тайны. МИД, Военное ведомство и Департамент полиции самостоятельно прилагали усилия по обеспечению сохранности государственной тайны. При этом Департамент полиции славился своей системой конфиденциального делопроизводства, а МИД и Военное ведомство имели достижения в области криптографии.

В то же время предпринимаемые мероприятия носили хаотичный характер и не могли обеспечить эффективной защиты государственных секретов. Советской республике пришлось разработать и создать эффективную систему защиты государственной тайны, которая, в модифицированном состоянии, продолжает существовать и в наши дни. Ее основные принципы и структура были сформированы в 20 – 30 годы. Затем только редактировались руководящие документы и менялись названия органов защиты информации.

(Конечно же, в царской России существовала довольно серьезная система секретности. Советской власти, изначально тоталитарной, такой системы оказалось мало. Только избыточное засекречивание, шпиономания, невероятное разрастание аппарата и репрессивных функций спецслужб устраивало т-во Ленина и К^о – прим. редакции "Карты").

Первым шагом в создании централизованной системы защиты государственной тайны можно назвать организацию органов контрразведки. Об эффективности их работы написано достаточно много. Была введена система паспортного контроля для упорядочения процесса въезда и выезда на территорию Советской республики. В частности, в ноябре 1917 были утверждены декретом СНК «Правила въезда и выезда из России». А 24 апреля 1919 года был издан декрет СНК «О порядке выдачи заграничных паспортов». Правда, эффективность этих мер в тот период была не высокой. Почти любой желающий мог оформить себе фальшивые или поддельные документы.

В 1920 году НКВД, согласно Постановлению Совета труда и обороны от 18 августа 1920 года, было предоставлено исключительное право определять порядок въезда и выезда в отдельные местности. Таким образом, впервые в истории России, было введено понятие территории или района с особым режимом. Позднее эти районы и территории трансформируются в «закрытые» города.

В принципе, в Уголовном уложении Российской империи 1903 года в статье 112 было введено понятие укрепленного района. Нахождение в этом районе человека с поддельными документами или скрывающим свою национальность, подданство и воинское звание являлось уголовным преступлением и грозило гражданским лицам

заключением в тюрьму на срок от двух недель до одного года, а военным — отдача в арестантские роты на срок 3 — 4 года. Но при этом никто не контролировал режим въезда и выезда из данного района.

До 1921 года не предпринимались попытки упорядочить обработку и хранение документов, содержащих государственную тайну. Например, в изданном Управлением военно-учебных заведений Западного фронта в 1921 году учебном пособии «Военная тайна» рассматривались не только простейшие методы организации секретного делопроизводства, но и перечень сведений, которые могли являться военной тайной. Автор учебного пособия, бывший офицер военной разведки царской армии Н. Е. Какурин, пытался, таким образом, решить проблему с защитой военной тайны в действующей Красной Армии.

Одновременно с этой книгой, 13 октября 1921 года декретом СНК был утвержден перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Сведения делились на две группы: военного и экономического характера.

Еще одним важным мероприятием было создание 5 мая 1921 года 8 спецотдела при ВЧК. С 6 февраля 1922 года по 25 декабря 1936 года этот орган будет называться просто спецотдел при ГПУ – ОГПУ – ГУ ГБ НКВД СССР. А с 25 декабря 1936 года по 9 июня 1938 года — 9-й спецотдел при ГУ ГБ НКВД СССР. Первое отделение этого спецотдела занималось «наблюдением за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны». Именно спецотдел являлся головной организацией, координирующей все мероприятия по защите государственной тайны. Хотя основной его задачей была разработка руководящих документов, регламентирующих различные аспекты организации защиты государственной тайны.

Первая попытка навести порядок в сфере обработки и хранения секретных документов была предпринята 30 августа 1922 года. Тогда Секретариат ЦК РКП (б) принял постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». В этом документе впервые было зафиксировано, что для организации и ведения секретного делопроизводства необходимо создание секретных частей.

В том же году Оргбюро ЦК РКП (б) приняло постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП (б)». Аналогичный документ был издан и в Красной Армии. Приказ РВСР № 2011 определял порядок обращения с совершенно секретной корреспонденцией.

Правда, в изданном в 1924 году учебном пособии «Техника штабной службы. Оперативная служба войсковых штабов (в военное время)», предназначенном для

слушателей военной академии, вновь, как и три года назад, автор посвятил целый раздел вопросам секретного делопроизводства.

Вышло постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 11 января 1923 г. о создании при ГПУ специального межведомственного бюро по дезинформации (Дезинформбюро) в составе представителей от ГПУ, ЦК РКП (б), НКВД, РВС, РУ Штаба РККА. Основными задачами бюро были:

— учет поступающих в ГПУ и Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России;

— учет и характеристика сведений, интересующих противника;

— выявление степени осведомленности противника о нас;

— составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противнику;

— снабжение противника вышеуказанными материалами и документами производить через соответствующие органы ГПУ и Разведупра».

Тем самым была заложена многолетняя практика многочисленных эффективных операций по дезинформации противника. Кроме этого, информация об уровне осведомленности противника позволяла органам контрразведки оперативно выявлять факты утечки секретной информации и нейтрализовывать агентов противника.

Постановлением СНК от 27 апреля 1926 года был утвержден новый открытый «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной». Все сведения были разделены на три группы: сведения военного характера, сведения экономического характера и сведения иного характера. Кроме этого было введено три категории секретности. Согласно перечню, указанным в нем сведениям был присвоен один из трех грифов секретности: совершенно секретно, секретно и не подлежит оглашению.

Перечень имел ряд недостатков. Поэтому, через два месяца, спецотдел при ОГПУ издал секретный «Перечень вопросов совершенно секретной, секретной и не подлежащей оглашению переписки».

В данном перечне были учтены все недостатки предыдущего перечня. Изменилась и сама структура перечня. Теперь все сведения были разделены на четыре категории: вопросы военного характера, вопросы финансово-экономического характера, вопросы политического (в том числе партийного) характера, вопросы общего характера.

В 1926 году был принят набор общесоюзных инструкций, которые регламентировали отдельные вопросы организации и ведения секретного делопроизводства:

— «Инструкция по ведению секретного и шифровального делопроизводства»;

— «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства»;

— «Инструкция по ведению архивного делопроизводства и слаче дел в органы Центрархива»;

— «Инструкция о порядке заготовления и конвертирования корреспонденции, пересылаемой дипломатической почтой»;

— «Инструкция о порядке стенографии на секретных совещаниях и заседаниях»;

— «Инструкция о порядке ведения и хранения секретной переписки».

Правда, эти инструкции действовали недолго. В 1928 было принято решение о том, что необходимо разделить секретное делопроизводство и шифровальное делопроизводство.

А в 1929 году была принята новая «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций». Тем самым были подтверждены функции ОГПУ по контролю и соблюдению требований секретного делопроизводства.

В конце 20-х годов была проведена унификация состава секретных органов и установлена стандартная номенклатура должностей секретных аппаратов учреждений и организаций. В центральных аппаратах ВСНХ и НКВД, НКТ, НКПС созданы секретные отделы, в остальных наркоматах — секретные части, а в главках, управлениях и отделах секретные части и секретные отделения соответственно.

Номенклатура должностей секретных органов включала: заведующего, инструкторов, секретарей (помощников секретарей), корреспондентов, старших машинисток (машинисток), помощников секретарей, архивариусов.

Структура секретных органов предусматривала: секретное делопроизводство, машбюро, чертежное бюро, стенографическое бюро, группу контроля, группу по учетно-распределительной работе, бюро пропусков и справок.

Конкретный состав секретных органов определялся наркоматами по согласованию со спецотделом при ОГПУ. Службы защиты информации назывались по-разному: секретные части, подотделы секретного делопроизводства, шифровальные отделы и т.д.

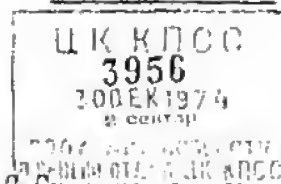
Принятые в конце 20-х годов инструкции действовали до 1940 года, а номенклатура должностей и структура режимно-секретных органов просуществовала без изменений значительно дольше.

Наиболее эффективно централизованная система защиты государственной тайны работала в 60-80-е годы, хотя в тот период не предпринималось почти никаких радикальных мер по ее модификации — так эффективны и оптимальны были принципы, заложенные еще в 20-е годы.

Источник: Агентура.ру

ОСОБАЯ ПЯТКА

Секретно

Ц К К П С С

Андрей СОЛДАТОВ

Правительство и секретность

Президент Путин утвердил новый перечень министров, наделенных правом относить сведения к гостайне. Фактически это формальность, потому что новый список лишь закрепляет статус-кво, сообразуя перечень министров с ныне действующей структурой правительства. В список включили министра промышленности, науки и технологий Александра Дондукова, сельского хозяйства — Алексея Гордеева, экономического развития — Германа Грефа, энергетики — Александра Гаврина, руководителя Росземкадастра Сергея Сая и гендиректора Российского агентства по обычным вооружениям Александра Наздрачева.

В советские времена у нас существовала избыточная система засекречивания информации. Если в других странах исходили из принципа открытости (в Германии, например, существует специальная должность «уполномоченного по рассекречиванию», который следит за тем, чтобы с документов вовремя снимался гриф) и засекречивали лишь отдельные куски, в СССР считали, что любая информация потенциально «достойна» грифа, и лишь потом из общей системы делали исключения, открывая избранным доступ.

Многие, вероятно, уже забыли, что на некоторых предприятиях существовали так называемые режимно-секретные органы, состоящие из органов секретного документирования (оформление бумаг) и подразделений режима (определение формы доступа для сотрудников). Кроме того, стоит вспомнить так называемые вторую («секретно») и первую («совершенно секретно») формы допуска, которые выдавались исходя из действующей и поныне инструкции № 0126-87 Совмина СССР от 1987 года «По обеспечению секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, учреждениях и организациях СССР».

После распада Союза эта стройная система секретности, конечно, пострадала. В первую очередь от приватизации. Дело в том, что в начале 90-х защита государственной тайны советского образца в глазах реформаторов автоматически означала сокрытие от потенциальных инвесторов стратегически важной информации. И гостайной решили пожертвовать. Достаточно сказать, что закон о гостайне в России был принят только в 1993 году, при этом первый перечень министров, имеющих право относить сведения к гостайне, появился только через год — в 1994 году. Кроме того, правила отнесения сведений к различным степеням секретности, то есть рабочий документ, были приняты только 4 сентября 1995 года постановлением правительства № 870, и еще через месяц был утвержден список сведений. Таким образом, даже после принятия закона о гостайне еще два года было непонятно, что и как относить к госсекретам.

В результате приватизация наполовину уничтожила советскую систему секретности, при этом не изменив сам принцип. К середине 90-х система зашла в полный тупик, оставшись лицом к лицу, с одной стороны, с экологами, обвиняемыми в шпионаже, а с другой — с массой «инициативников», ищущих, кому бы продать истинные или мнимые секреты родного предприятия.

В последнее время ситуация стала меняться. Снова стали платить надбавки за секретность, а контрразведчики получили больше полномочий. Однако сам принцип системы засекречивания государственных тайн так и не изменился, оставшись вполне советским. В результате сегодня при формальном улучшении положения с сохранением наших секретов в перспективе мы опять наступим на те же грабли, на которые налетали еще в начале 90-х.

Юрий ШМИДТ

Безразмерная секретность

Принятый в июле 1993 г. закон впервые в новую российскую эпоху определил, какого рода информация может быть отнесена к государственной тайне. Конституция России закрепила эту норму, указав, что соответствующий перечень определяется федеральным законом. Одновременно был сформулирован запрет на применение любых нормативных актов, затрагивающих права и обязанности граждан, если эти акты не были опубликованы официально.

Два года спустя Конституционный суд принял постановление, в котором подчеркнул, что ни одно правоприменительное решение (в том числе и приговор суда), связанное с обвинением в разглашении сведений, составляющих государственную тайну, не может быть основано ни на каком ином перечне таких сведений, кроме утвержденного федеральным законом. Такова же позиция Верховного Суда РФ.

Следуя хорошей советской традиции, наш славный генералитет воспринял Конституцию, закон «О государственной тайне» и другие правовые акты как ширму или декорацию, т.е. как нечто, совершенно не имеющее отношения к действительности и предназначенное лишь для создания видимости.

Так, закон «О государственной тайне» принят 21 июля 1993 г. 7 сентября того же года министр обороны издал приказ № 071 «Об утверждении временного перечня сведений, подлежащих засекречиванию в ВС РФ». Через три года ему на смену пришел новый, действующий и поныне, приказ № 055, отличающийся от прежнего лишь тем, что утвержденный им перечень не называется временным. Что же касается сведений, подлежащих засекре-

чиванию согласно министерскому приказу, то их объем в сравнении с тем, что может быть отнесено к государственной тайне по закону от 21 июля 1993 г., больше раз в сто.

Если следовать приказу, то секретным в Вооруженных Силах является абсолютно все. А если что-то и не является (т.е. по недосмотру составителей не попало в конкретные пункты перечня), все равно с легкостью может быть подведено под безразмерные, всеобъемлющие формулировки вроде: «Сведения об эксплуатации и использовании вооружения и военной техники». В результате практически все, что сообщает пресса о военных действиях в Чечне и Дагестане, об авиакатастрофах, взрывах складов с оружием, гибели личного состава, дезертирстве, «неуставных отношениях» и т.п., — сплошная государственная измена. И никаких исключений, специально оговоренных Конституцией и законом «О государственной тайне». Сам приказ, разумеется, тоже с грифом (как же без этого), хотя действительных секретов в нем не больше, чем в книге о вкусной и здоровой пище.

Кстати, ни Конституция, ни вышеупомянутый закон, ни другие законы в армии не действуют. Не объявлены приказом министров обороны. В этом аспекте любопытна реакция сотрудников 8-го управления Генерального штаба, которым всегда поручается проведение экспертизы по секретности.

За три с половиной года работы по делу Александра Никитина я много раз слышал упрек: так что же, по-вашему, государство не имеет права на тайну, на защиту секретов, разглашение которых может нанести вред его безопасности? Имеет. Вопрос лишь в том, что безусловно следует считать тайной и чему отдавать приоритет в неочевидных ситуациях.

Когда по делу Никитина следователь назначил повторную экспертизу, причем специально попросил экспертов руководствоваться законом «О государственной тайне», те прислали гневную телеграмму (не просто секретную — шифрованную), в которой объявили, что «по действующему в Вооруженных Силах порядку при даче заключений надлежит руководствоваться приказами министра обороны». И до сих пор руководствуются ими...

Для того чтобы допущенные к государственной тайне уважали ее и хранили, необходимо несколько условий. Во-первых, засекречиваться должны только те сведения, которые могут быть отнесены к государственной тайне в соответствии с Конституцией и законом.

Во-вторых, тайна не должна быть размытой и безразмерной. В противном случае ее и защитить будет невозможно (как удержать в тайне все?!), да и охоты ни у кого не будет хранить секреты полишинеля. Особенно у тех, кто имеет хоть некоторое представление о современных возможностях и методах разведки. Тем более осознавая, какую опасность представляет сокрытие экологических сведений для всего живого. При соблюдении этих двух условий практически не будет возникать «пограничных» ситуаций, в которых действительно придется выбирать приоритеты: или жить, или умереть, но сохранить тайну. Я говорю спасибо тем, кто делает, уже сделал выбор в пользу жизни.

Игорь АНДРЕЕВ

Знает ли государство, что у него тайна, а что нет?

... В советские времена секретили все напраполюю, но все-таки регулярно снимали гриф с устаревшей или подлежащей экспорту техники. Любое действие в том или ином направлении по оси «секретно-несекретно» сопровождалось ворохом серьезнейших бумаг. Именно они, эти документы, хранившиеся на заводе-изготовителе, в соответствующем главке соответствующего министерства, ведомства и т.д. и т.п., и определяли, «открыты» или «закрыты» информация, исследования, материальные объекты.

Вот, к примеру, новый боевой самолет. В нем до поры секретно все скопом, что зафиксировано в документах и ОКБ, его создавшем, и в армейских штабах. За режимом следит так называемый «первый» отдел, и горе тому, кто разгласит тайну. Со временем, в ходе передачи этой модели истребителя на экспорт, для изучения в гражданские вузы, в тот же МАИ, например, рассекречивают его отдельные элементы, оставляя по-прежнему закрытыми модернизированные узлы и агрегаты.

Не подлежит разглашению система «свой — чужой», если именно ее до сих пор используют ВВС. В строжайшем секрете еще долго может содержаться технология изготовления особо важных деталей, таких, например, как лопатки газовых турбин, лопасти боевых вертолетов, титановые составляющие фюзеляжа.

Даже если полностью рассекретят знаменитый камовский вертолет «Черная акула», закрытый для посторонних глаз, полагаю, останется сама методика проектирования соосных несущих систем. Весьма соблазнительная теоретически, соосная схема оказалась твердым орешком для американских фирм, понедших было по этому пути. Ее судьбу за океаном решили многочисленные случаи схлестывания в полете лопастей. С тех пор на Западе остерегались располагать один несущий винт над другим — в отличие от ОКБ имени Камова, сумевшего блистательно справиться с бедой и реализовать все преимущества этой компоновки...

Сколь долго ни перечисляй секретное или открытое, каждый шаг на пути «туда» или «обратно», повторюсь, был подтвержден документами. Ими, в частности, так называемыми перечнями государственных или ведомственных тайн, пользовался цензор, решая судьбу практически любого материала в тогдашних газетах, журналах, на телевидении. Он мог потребовать от редактора акта о несекретности, составлявшегося на том предприятии, в том НИИ или ином учреждении, которое имело статус головного в определенной тематике.

Визу военной цензуры, например, неизменно требовали буквально на любой снимок, запечатлевший панораму Москвы с высоты хотя бы многоэтажного дома. Пред-

полагалось, что по фотографии потенциальный агрессор привяжется к местности, готовя ракетно-ядерный удар...

Плоха ли, хороша ли царившая тогда секретомания, в ней, даже при полной абсурдности критериев, господствовал порядок. Чтобы определить, подпадает ли под действие грифа конкретный образец ракеты, самолета, корабля, торпеды, технология их производства, достаточно было перерывать кучу документов, подчас покрытых пылью десятилетий, отслеживающих полную или частичную отмену или сохранение секретности. И найти соответствующие бумаги можно было в весьма ограниченном числе учреждений, отвечавших за «свой» объект.

Что-то непонятное происходило на судебном процессе Эдмонда Поупа. Суд то и дело упирался, по сути, в один-единственный вопрос: секретны ли материалы, полученные им от российских контрагентов. От ответа на него и зависело, наказуема ли любознательность американского гражданина, получит ли подтверждение в суде версия следствия о том, что он — шпион.

Нет ничего необычного в затягивании судебных процессов. То открываются новые, не известные ранее обстоятельства дела. То суд требует от следствия более веских доказательств преступления обвиняемого, что вынуждает обвиняющих искать новых свидетелей, вещдоки, иные аргументы. Иначе говоря, в процесс вовлекаются дополнительные пласты информации, подкрепляющие или, наоборот, ослабляющие позиции обвинения и защиты. Но вот что нового может появиться в доказательствах секретности или, напротив, несекретности текстов, таблиц, графиков, самих так называемых «изделий»?

Когда в деле Поупа, а перед ним — военных Пасько и Никитина, обвинения и защита предъявляют на свет божий взаимоисключающие друг друга доказательства секретности или несекретности конкретного образца вооружения, приводят в зал суда говорящих совершенно разное экспертов, не хочется верить ни тем, ни другим. Дело, по большому счету, не в дальнейшей судьбе американца, явно вляпавшегося в неприятную историю. Беспокойство должно само состояние «секретной» сферы, которое, похоже, столь запутанно и неоднозначно, что загреметь под суд может любой инженер или бизнесмен, передавший иностранцу, скажем, чертежи обыкновенной, давно устаревшей морской торпеды, работающей на сжатом воздухе.

При желании нетрудно доказать, что, раз она еще состоит на вооружении, значит, секретна. А вот утверждением другой стороны, защиты, о том, что ее предком была так называемая торпеда Уайтхеда, созданная в Англии еще перед первой мировой войной, суд может и пренебречь. Ибо акт о снятии секретности мог с тех времен и не сохраниться. А новый, уже в наши времена, могли и не составить. Так почему, скажите, этот любой, даже законопослушный гражданин должен подвергаться риску быть обвиненным в разглашении государственных секретов и отвечать за безалаберность государства, уже не знающего, что у него тайна, а что нет?

Фред ВУЙЕР, Скотт ПИТЕРСОН

Что в России не секрет?

Газета «Крисчан Сайенс Монитор» опубликовала статью Фреда Вуйера и Скотта Питерсона «Что в России не секрет?».

В ней, в частности, говорится, что в российских научных и журналистских кругах испытывают все большую тревогу по мере того, как начинают понимать, какими последствиями грозит тот ключевой принцип, который лежит в основе процесса о государственной измене, инициированного ФСБ: почти из-за любой информации, переданной иностранцу, вас могут посадить в тюрьму.

Сейчас все внимание привлечено к делу Игоря Сулягина — сотрудника престижного московского Института США и Канады, которого обвиняют в шпионаже за сотрудничество (которое кажется самым обыкновенным) в научной области с канадскими и британскими коллегами.

Сулягина, никогда не имевшего доступа к секретной информации, ФСБ в течение 15 месяцев держит под стражей. Процесс над ним уже дважды откладывался.

«Речь идет о новой концепции, применяемой властями: эксперт может «создать секрет», даже работая с несекретными материалами, — говорит ведущий российский политический эксперт Андрей Пионтковский, по словам которого, он был вызван на беседу в ФСБ, поскольку как-то участвовал вместе с Сулягиным в работе одной конференции. — Мы ждем, затаив дыхание, найдет ли это подтверждение в суде. Если да, то мы все в любое время по прихоти ФСБ можем быть признаны виновными в «создании секретов»».

Волна процессов о государственной измене, срежиссированная в ФСБ, глубоко встревожила журналистов, ученых и экологов, в чью сферу деятельности входят военные вопросы, а также вопросы, касающиеся национальной безопасности.

В декабре американский бизнесмен Эдмонд Поул был приговорен российским судом к 20-ти годам колонии строгого режима за попытку приобрести документы, которые были названы секретными лишь после его ареста. Поул был помилован Президентом Владимиром Путиным.

Видный эколог Григорий Пасько, успешно отбившийся от обвинений в передаче информации о захоронении в Тихом океане ядерных отходов российского флота, в конце прошлого года вынужден был вновь предстать перед судом по тем же самым обвинениям.

Президент Путин явно одобрительно относится к этим процессам. На состоявшемся в конце прошлого года в Кремле совещании прокурорских работников бывший агент КГБ призвал его участников «сохранить важные аспекты, которые всегда имелись в работе органов безопасности нашей страны».

Одна из причин, из-за которой дело Сутягина получило такой большой резонанс, заключается в том, что, похоже, такие процессы становятся повседневной практикой. Он был арестован после того, как — совместно с профессорами из канадских университетов Карлтона и Йорка — принял участие в исследовании (оно финансировалось правительством Канады) отношений между военными и гражданскими лицами в России и других посткоммунистических странах.

В других странах, в которых проводилось это исследование, никаких проблем не возникло. Сутягина обвиняют также в составлении для британской компании дайджеста из статей военного характера, опубликованных в российской прессе.

Адвокат Сутягина Владимир Васильцов говорит, что ФСБ предъявляет ему обвинение за то, что он анализировал информацию, полученную из открытых источников. «Вы можете читать, что хотите, но не вздумайте сравнивать и анализировать полученную информацию, поскольку тем самым вы можете создать государственный секрет», — говорит он.

Эксперт московского независимого исследовательского Центра по контролю над вооружениями Павел Подвиг, в настоящее время проходящий обучение в Принстонском университете, тоже находится под следствием из-за книги о российских стратегических ядерных арсеналах, которую он издал в 1998 году.

Одним из соавторов этой книги был Сутягин. «Я обеспокоен», — говорит Подвиг. — В нынешней политической обстановке в России почти невозможно объяснить, почему деятельность независимых, неправительственных экспертов в военной области — благо для страны. В России чуждо понятие научной свободы. Понимание секретности находится на уровне каменного века, даже среди образованных людей». По словам экспертов, судебные процессы представляют собой скоординированную по-

пытку ФСБ вновь ввести ограничения после десятилетия, когда проведение исследований в военной области практически не контролировалось.

«Государство пытается ввести ограничения, поскольку их вообще не было», — говорит председатель Владивостокского отделения Организации по ядерной безопасности (это московская независимая экологическая группа). По его словам, в прошлом году во Владивостоке, где находится база Тихоокеанского флота, были арестованы несколько экологов, занимавшихся вопросами загрязнения окружающей среды, — всем им было предъявлено обвинение в разглашении военных секретов. «После развала СССР экологи посчитали, что все должно быть открыто и обо всем можно говорить. Был полный хаос. Теперь государство показывает нам, что говорить нельзя ни о чем».

По словам военного эксперта Павла Фельгенгауэра, из-за сложившейся в стране новой атмосферы он отказался от нескольких предложений от западных изданий, таких как престижный лондонский «Jane's Defense Weekly». «Это слишком похоже на сбор разведсведений — как и то, чем занимался Сутягин, — подчеркивает он. — Я предпочитаю анализ, и зарубежные издания проявляют большой интерес к техническим аспектам. Многие из российских СМИ уже практикуют самоцензуру».

В то время как некоторые предупреждают, что характерное для советских времен ограничение научной и журналистской свободы уже не за горами, другие говорят, что кампания ФСБ обречена на провал, поскольку она тормозит социально-экономическое развитие страны.

«С приходом к власти Путина ФСБ упрочила свои позиции», — считает военный эксперт Института США и Канады Геннадий Кочетков. — Это позволило им активизировать свои попытки повернуть время вспять».

«Дело Сутягина свидетельствует о необходимости предоставить обществу право контроля за деятельностью государства», — говорит он. — Наше высшее политическое руководство должно это понять. От этого слишком сильно зависит дальнейшее развитие России, чтобы позволить пережиткам прошлого стать на пути обмена информацией с другими странами».

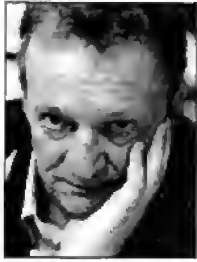
Однако некоторые опасаются, что кампания может получить поддержку в обществе. «Самое тревожное — что общество, видимо, поддерживает действия ФСБ в данном направлении», — отмечает Подвиг. — Повсеместный поиск «шпионов» позволяет россиянам чувствовать себя так, словно они опять живут в сверхдержаве. А это, в свою очередь, делает ФСБ более агрессивной».

Сов. секретно

СВОБОДА ПРАКА

Приложение

к и. 4420, 1955

Марк ДЕЙЧ

Пенза: чекисты в компьютерные игры не играют...

«Военные услуги» для Южной Кореи

Честно говоря, с таким термином мне еще сталкиваться не приходилось. Что это такое — «военные услуги»? Сексуальные — понимаю. Или, скажем, дружеские. Или еще какие. А «военные» — это как? Сотрудничество с оккупантами? Называется — коллаборационизм. Тоже, конечно, своего рода оказание услуг. Или, к примеру, продажа военных секретов иностранной разведке. Тоже ведь услуги. Словом, термин оказывается весьма многозначным. Под него много чего подгрести можно.

Ну, это все разговоры, скажете вы. Небось, статья Уголовного кодекса имеется. Имеется. Под номером 189. Читаем: «Незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники и в отношении которых установлен специальный экспортный контроль, — наказывается штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда либо лишением свободы на срок от трех до семи лет».

Могут быть использованы. А могут быть — НЕ использованы. Как повернуть.

Житель Пензы Виктор Лимонов и Владимир Шибаев из Подмосковья были арестованы сотрудниками УФСБ по Пензенской области в марте 1999 года. Им вменялась — и вменяется — вышеприведенная статья УК. Конечно, не пресловутая «измена Родине», но статья тоже не легкая. Я бы даже сказал — тяжелая статья. А главное — абсолютно безгласная. Следствие велось закрыто (наши славные чекисты очень это любят), адвокатам пришлось дать подписку «о неразглашении». При этом сами чекисты сохранением следственной тайны себя не утруждали. По их инициативе в местных СМИ была распространена подробная информация о том, за что и почему были арестованы Лимонов и Шибаев.

Чекистская версия

Пензенское конструкторское бюро моделирования, хорошо известное среди авиастроителей и в России, и на Западе, в последние годы, по мнению «специалистов» от ФСБ, дышало на ладан. Не было ни заказов, ни, соответственно, денег. И тогда некоторые сотрудники ПКБМ, предав национальные интересы, пошли на сотрудничество с... Нет, не с Западом. С Востоком. А конкретно — с Южной Кореей. Пензенские журналисты, распространившие версию ФСБ, называют эту страну «азиатским тигром», а ее жителей — «азиатками». Это без злого умысла, без расистского оттенка. Простая констатация: дескать,

продалась наша российские инженеры «азиаткам» за американские доллары...

Суть дела — в чекистском изложении — проста.

Правительство Южной Кореи якобы давно уже озабочено созданием собственных военно-воздушных сил. То есть вообще-то они, эти самые силы, у Южной Кореи имеются. Но как бы не свои: на «Фантомах» летают. А хочется им — чтобы свои были. Так сказать, национальные.

Короче говоря, смастерили корейцы собственный самолет. Называется — «КТХ-1». Но нужны еще летчики, которые на нем летать будут. А летчиков нужно обучить. Для этого создается авиатренажер — невероятно дорогостоящая штука, цена которого — несколько миллионов долларов.

Авиатренажер южнокорейцы тоже собрали. Но — без компьютерного обеспечения, на которое у них то ли денег не хватило, то ли мозгов. А без этого обеспечения авиатренажер — совсем никчемная штука.

Программно-математическое обеспечение корейцы купили у англичан. Хотя англичане предупреждали: возьмите вместе с тренажером, надежнее будет. Однако корейцы пожмотились: всю эту компьютерную чертовщину купили (заплатив за нее, между прочим, 1.148.000 фунтов стерлингов), а сам тренажер — не стали. Дескать, не нужны им западные железки, у них собственные имеются. Ну, «азиаты», чего с них взять... Между тем англичане оказались правы: программное обеспечение с «чужим» тренажером работать не захотело. Чего-то там такое не состыковалось. И тогда вместо того, чтобы все-таки купить у англичан авиатренажер, южнокорейцы решили сэкономить.

В 1995 году они, по выражению следователей ФСБ, «вышли» на заместителя главного конструктора ПКБМ Лимонова и на бывшего работника Центрального аэрогидродинамического института Шибаева, жившего в подмосковном Жуковском. Те вроде бы взялись помочь. А в мае 1999 года их преступную деятельность пресекли наши славные чекисты. Сначала арестовали Лимонова. Через несколько дней очень вежливо вызвали в Пензу Шибаева. Ясное дело, в качестве свидетеля. И тоже арестовали. Статью УК вы уже знаете.

Лирическое отступление

Доблестным чекистам в последние годы как-то не слишком везет. Уж так они стараются наши военные секреты охранить... Не получается. А почему? Может, потому, что эти секреты несколько поувяли? Кого нынче интересует наша сенокосилка с вертикальным взлетом?

А если сенокосилка никому не нужна, за что, скажите на милость, наши доблестные рыцари щита и меча будут зарплату получать? Вот и получается: нужно охранять. И чем больше сена с га эта косилка настрижет, тем строже. К тому же — вертикальный взлет. Тут расслабляться никак нельзя.

И ЧК-ГБ-ФСБ не дремлет. В 1996 году был арестован Александр Никитин — сотрудник инспекции ядерной безопасности ядерных энергетических установок. На свою беду Никитин занимался еще и экологией. Он подготовил

пространный доклад: «Северный флот: потенциальный риск радиоактивного заражения». И мало того что подготовил.

Ну, подготовил и подготовил. И отдал бы в наши славные органы — там «экологи в штатском» разобрались бы. Вместо того он этот доклад норвежцам передал. Ясное дело — измена Родине. Причем чекисты так замечательно провели следствие, что на суде прокуроры даже не смогли внятно сформулировать, в чем, собственно говоря, обвиняется Никитин. Пришлось его оправдать и выпустить. Правда, после трех лет отсидки. Тоже неплохо.

Потом — военный журналист Григорий Пасько. Этот тоже с экологами сотрудничал. С японскими. Нет чтобы с теми, которые «в штатском». И что б вы думали? Правильно: государственная измена. И опять — прокол: следствие, суд, оправдательный приговор. Но и Пасько два года в тюрьме отсидел. Хотя так. Виноват — не виноват, а неповадно будет. Слава чекистам!

(Кстати говоря, в случае Пасько чекисты свое поражение не признали, дело против него открыто вновь.)

Но зато уж Валентин Моисеев, который из МИДа, прямо-таки настоящим шпионом оказался. Этот на «азназов» работал. Между прочим, все с той же Южной Кореей снюхался. Ну и получил по заслугам: 12 лет с конфискацией.

Однако и тут у чекистов не все складно получилось. Выяснилось, что во время обыска у Моисеева нашли что-то около 4000 нудных денег. То есть долларов. Не слишком значительная сумма. Вот и следователям ФСБ тоже так показалось. И на суде уже фигурировали 14000 долларов, причем разложенных... по конвертам со штампами южнокорейского посольства.

Неаккуратно. Я бы даже сказал — полный идиотизм. Я еще могу себе представить, что обвиняемый был не совсем здоров. Нашпионил и хранил полученные за это денежки в конвертах с посольскими штампами. Ну, мидовец же, ничего удивительного. Но чтобы хитрые «азназы» оказались такими лопухами — передавали своему шпиону гонорары в конвертах с обратным адресом, — это уж извините. Ни за что не поверю.

Как говаривал Михал Михалыч Жванецкий, тщательнее надо бы, дорогие товарищи чекисты. Тщательнее.

Теперь вот, похоже, дело Моисеева будет пересматриваться. Это надо?

Правда, еще не все потеряно. Как раз сейчас суд рассматривает дело американского гражданина Эдмунда Поупа. Тоже шпиона. Ну, это как раз понятно: ежели американец — обязательно шпион. Но и тут что-то такое не вытанцовывается. <...>

(Поуп был осужден на 20 лет лишения свободы, а затем помилован Президентом Путиным — прим. ред. «Карты»)

Ну и «пензенское дело» еще виушает некоторые надежды.

«Небесный тихоход»

18 июля нынешнего года в Пензенском областном суде началось слушание дела по обвинению Лимонова и Шиббаева. Судебное заседание было закрытым.

На первых же заседаниях выяснилось, что выводы следователей УФСБ не слишком адекватны. Прежде всего оказалось, что южнокорейский самолет «КТХ-1» — «одновинтовой учебно-тренировочный самолет первоначального обучения летчиков».

Более того, модель этого самолета испытывалась в Центральном аэрогидродинамическом институте им. Жуковского. Допрошенный в суде в качестве специалиста заместитель директора ЦАГИ Валерий Суханов расставил точки над «ё». Характеристики самолета «КТХ-1», заявил Суханов, сопоставимы с характеристиками российских самолетов «Як-18» и «Як-52», используемых в аэроклубах. Южнокорейский самолет «КТХ-1», считает Суханов (замечу в скобках — крупнейший российский авторитет в области самолетостроения), не может быть использован в качестве военного, поскольку не способен нести на себе вооружение. Он просто развалится. Конструкция не выдержит веса оружия и отдачи при стрельбе из авиационных пушек.

Правда, заметил Суханов, переделка «КТХ-1» для военных нужд возможна. Но эта переделка будет означать создание совсем другого, нового самолета. Казалось бы, все ясно. Однако не будем радоваться прежде времени. Ибо нет таких крепостей, хоть бы и летающих, которые наши доблестные чекисты не смогли бы взять. Следовательно Пензенского УФСБ Кухарев и Погодин, в свою очередь, заверили суд в том, что «КТХ-1» — «учебно-боевой самолет». Следовательно, военный. Логика чекистов-специалистов такова: любому мало-мальски разбирающемуся в авиации человеку понятно, что, если на тренировочный самолет водрузить парочку пушек, получится военный штурмовик. Так себе мыслишка. Второй свежести. Потому как ежели наш «кукурузник» набить гранатами, которые летчик будет сбрасывать на головы врагов, то это будет уже не «кукурузник», а очень даже военный самолет.

На эту тему был даже фильм снят — советский супербоевик «Небесный тихоход». Но и это еще не все. Следователи УФСБ Кухарев и Погодин настаивают: авиатренажер, в создании которого принимали участие российские

специалисты, вполне может быть использован в военных целях. Например, для обучения южнокорейских военных летчиков. Следовательно — «экспорт военных услуг», ст. 189 УК РФ. Но и тут не сладилось. По мнению экспертов (их заключения запротоколированы судом), отечественное тренажеростроение — как ни грустно это признавать — отстает от западного на несколько десятилетий.

Специалисты Министерства обороны РФ и Государственного научно-исследовательского института авиационных систем категорически утверждают: разрабатываемый под «КТХ-1» тренажер мог быть использован только для гражданского самолета. К тому же Лимонов и Шибяев действовали совершенно легально: разрешение на сотрудничество с корейцами было дано Управлением авиационной промышленности Госкомоборонпрома. Более того: сотрудники Пензенского УФСБ, курировавшие выезжавших в Южную Корею работников ПКБМ, регулярно получали от этих работников отчеты о ведущихся исследованиях.

Ни разу за пять лет чекисты не попытались пресечь «незаконную деятельность» российских инженеров. «Кураторов» вызвали в суд — вероятно, чтобы услышать объяснение столь вопиющей беспечности. «Кураторы» в суд не явились.

Высокие договаривающиеся стороны

Пензенский судья Александр Терехов оказался в трудном положении. Где-то я ему даже сочувствую. С одной стороны — несколько абстрактные Правосудие и Закон, а с другой — вполне конкретные «органы». С которыми, как известно, всегда необходимо полное взаимопонимание. Во избежание.

Судья Терехов допросил свидетелей, специалистов, экспертов. Судебное следствие обнаружило полную несостоятельность обвинения. Уж ладно бы — кто виноват? Более актуальным был другой вопрос: что делать?

Из весьма информированного источника я узнал, что в ходе процесса Терехов даже консультировался по телефону с одним из членов Верховного Суда РФ. И получил ответ: по делу может быть только одно решение — оправдательный приговор.

Такого решения судья Терехов позволить себе не мог.

Несколько раз он просил защиту заявить ходатайство о направлении дела на исследование: по собственной инициативе судья не вправе это сделать. Взамен Терехов обещал освободить подсудимых под подписку о невыезде. Но защита на сделку не согласилась, поскольку сначала следователи, а потом и судья неоднократно обещали изменить Лимонову и Шибяеву меру пресечения. Врали.

В один из финальных дней процесса (дело слушалось полтора месяца) Терехов, отложив заседание на несколько часов, договорился с государственным обвинителем о том, что ходатайство о направлении дела на исследование поступит от обвинения.

Но прокурор, представлявший обвинение на процессе, побоялся взять на себя ответственность в одиночку. Над ним, над прокурором, тоже ведь начальство имеется.

Несколько часов шли интенсивные телефонные переговоры, в которых судья и обвинитель пытались получить поддержку прокурора области. Тот сначала не соглашался. Тогда в «переговорный процесс» было задействовано руководство Следственного отдела УФСБ. И прокурор сдался.

Предварительные итоги

Они неутешительные. Дело отправлено на исследование, обвиняемые продолжают сидеть в тюрьме. Они сидят уже более полутора лет.

В их судьбу попытались вмешаться наши народные избранники. В частности, депутат Государственной Думы Вячеслав Игрунов направил директору ФСБ запрос, в котором вполне обоснованно поставил под сомнение компетентность пензенских чекистов.

Депутату ответил заместитель директора, генерал-полковник Соловьев. Ответ деловой, короткий. В первом абзаце: «Ваше заявление рассмотрено». И во втором: «Обоснованности возбуждения уголовного дела и степень виновности указанных лиц будут определены судебными органами». Иными словами — не суйтесь куда не просят.

А каковы перспективы судебного решения проблемы, на которое так упирает генерал-полковник? Первое слушание закончилось ничем. Оно привело к выводу: услуги, предоставленные южнокорейской фирме по доработке программно-математического обеспечения для авиатренажера, не являются военными и не могут быть использованы для создания вооружения и военной техники.

В качестве жирной точки, я бы даже сказал — кляксы, на репутации пензенских чекистов приведу фрагмент экспертизы, проведенной еще одним известным российским ученым, доктором технических наук Бюшгенсом:

«Судя по «Отчету о командировке...» (единственный предоставленный мне документ технического содержания, дающий представление об объеме и характере выполненных работ), выполненная работа не имеет никакого отношения к военным применениям, поскольку программные блоки, аналогичные перечисленным в этом документе, содержатся в любой компьютерной игре «Flanker» разработки фирмы «Microsoft» и описаны в открытой литературе».

Нет, чекисты в компьютерные игры не играют. У них совсем другие игры. Вот весьма характерный пример того, как велось следствие. Весьма информированный источник, близкий к спецслужбам, рассказал мне о том, что следователь Пензенского УФСБ Кухарев запросил сведения из ГРУ относительно южнокорейского самолета «КТХ-1». Насколько мне известно, ответ гласил: «КТХ-1» не является военным самолетом.

Такой ответ, как вы понимаете, Кухарева не устроил, и потому в деле его нет. Зато есть другой — из Управления военной разведки ФСБ. Из него явствует: да, этот южнокорейский «кукурузник» вполне можно использовать в военных целях. Если очень захотеть. А чекисты, как вы понимаете, очень хотели.

Слышал ли кто-нибудь из вас, граждане, чтобы наши славные рышари щита и меча хоть раз признались в своей

ошибке? Дескать, извините, с кем не бывает... мы же все-таки люди, работа у нас нервная... Ну и так далее.

Уверен: такого вы не слышали никогда. А почему? Да потому что чекисты не ошибаются! Вот не ошибаются, и все тут. По определению.

Да и о какой ошибке может идти речь? Лимонова и Шибяева еще только-только арестовали, а директору ФСБ уже была послана победная реплика: поймали шпионов!

И благодарность высокого начальства не заставила себя ждать: начальник УФСБ по Пензенской области Гришин получил генерала, а следователь Кухарев стал заместителем начальника Следственного отдела.

Тут, знаете ли, не до признания ошибок. Вот потому-то, я думаю, Лимонову с Шибяевым сидеть предстоит еще долго.

*Впервые опубликовано в газете
"Московский комсомолец"*

Секретно

Экз. № 1
Проект

Андрей ОСТРОВСКИЙ

Черная метка профессора Сойфера

Похоже, Владивостоку просто суждено оставаться в центре внимания мировой общественности. Затанув дыхание мы еще ждем, какое новое решение вынесет самый справедливый в мире суд по делу Григория Пасько, а тем временем органы, которые почему-то принято называть «компетентными», уже в полный рост раскручивают очередное «шпионское» дело.

Следственными бригадами управления ФСБ по Приморскому краю были произведены обыски в квартире и в институтской лаборатории профессора, доктора наук Владимира Сойфера.

Я, признаться, не специалист в области госбезопасности и уж тем более не владею тайнами следствия, однако полагаю: чтобы понять механизм происходящего, нужно несколько углубиться в историю.

Владимир Николаевич Сойфер родился в январе 1930-го. В юности увлекся физикой — да и кто ею тогда не увлекался, когда взрывы первых атомных бомб провозгласили наступление новой эры.

После школы поступил в только что созданный МФТИ — вуз, чей диплом сегодня во всем мире воспринимается как высший знак качества. В начале пятидесятых Сойфер был среди первых выпускников института, причем окончил он его с красным дипломом.

Начал успешно делать научную карьеру в московских академических институтах, работал (имея специальный допуск) преимущественно над оборонной тематикой. Считался одним из лучших учеников ныне покойного академика Миллионщикова — знаменитого физика, со-

ратника Курчатова, участника советского атомного проекта, специалиста по разделению изотопов. Именно под руководством Миллионщикова Сойфер написал и с блеском защитил кандидатскую диссертацию.

Однако в семидесятых случился неприятный казус. Младший брат Владимира — Валерий Сойфер — к тому времени тоже видный ученый-биофизик, специализировавшийся в области молекулярной биологии, увлекся диссидентскими идеями и даже решил сменить историческую родину.

Однако на глубокую необдуманность такого шага ему незамедлительно указали все те же «компетентные» органы: «Вы участвовали в закрытых разработках, а потому по меньшей мере семь лет выезд из страны для вас закрыт». Весь отмеренный срок Валерий Сойфер проходил в безработных.

Заодно — на всякий, так сказать, случай — решили влупить и по старшему брату: Владимира Сойфера, который тогда был заведующим лабораторией Института водных проблем АН СССР, незамедлительно лишили допуска к закрытым темам и от греха подальше выгнали с работы.

...По большому счету спасло его тогда то, что люди высокого интеллекта всегда относились и относятся к деятельности спецслужб с известной долей брезгливости. Примеров масса — от поддержки физиками-ядерщиками гонимых в свое время генетиков до неудавшейся (несмотря на яростные усилия) попытки партийных и «компетентных» органов лишить Андрея Сахарова звания академика.

Так случилось и с Владимиром Сойфером, которого поддержали далеко не последние в отечественной науке люди: председатель ДВНЦ академик Андрей Капица и директор создаваемого Тихоокеанского океанологического института (ТОИ) академик Виктор Ильичев лично пригласили его во Владивосток.

Не просто принять на работу по заявлению, а персонально пригласить человека, лишённого допуска (о, это священное в устах секретчиков слово!) и находящегося под колпаком спецслужб, — это, согласитесь, поступок.

Тем не менее именно вот таким путем в 1974 году, с первого дня создания ТОИ — когда не было еще собственного здания, а ученые с мировыми именами работали по арендованному подвалу да школьным мастерским — Владимир Сойфер оказался во Владивостоке.

Тогда же практически на пустом месте он создал лабораторию ядерной океанологии, которую и возглавляет вот уже ровно 25 лет. Причем первую половину этого срока завлаб ядерной океанологии работал без допуска (исключительно советско-чекистский подход)!

Решить эту проблему не мог ни Капица, ни сменивший его на посту руководителя ДВНЦ АН СССР академик Николай Шило, тоже, к слову сказать, с огромным уважением относившийся к научной деятельности Сойфера.

И только с приходом Горбачева ставший к тому времени председателем ДВО академик Виктор Ильичев смог «пробить» ему допуск по форме № 3 — низшая, так сказать, степень доверия. Впрочем, Сойфера, как настоя-

щего ученого, мало занимали «игры» госбезопасности: в то время его волновала куда более серьезная вещь — он предложил изучать процессы глобальных циркуляций в океане, используя такие «метки», как тритий, который выпадает после ядерных испытаний в Китае (проводимых в те годы весьма регулярно). Дальше надо говорить сугубо научными терминами, в чем, надо полагать, нет смысла; скажу лишь, что идея Сойфера имела признанное мировое значение.

А в 1985-м «случилась» Чажма. Сегодня многие люди, которых без натяжки можно назвать не просто экспертами, а ведущими специалистами в этой области, говорят, что если бы тогда сразу, по горячим следам взрыв ядерного реактора на подводной лодке в доке Чажминского СРЗ был исследован и проанализирован, то чернобыльской катастрофы, возможно, удалось бы избежать.

Но в нашей стране дилемма «открыть» или «засекретить» всегда решается в пользу второй позиции. Тем не менее Сойфер, имеющий энциклопедические познания в той области, где соприкасаются понятия «море» и «радиация», незамедлительно начал плотно заниматься изучением последствий чажминского взрыва.

Вскоре на помощь ему пришла и серьезная поддержка: коротко говоря, он стал «полномочным представителем» по Чажме федерального научного центра «Курчатовский институт», руководит которым академик Евгений Велихов. Во многом именно благодаря такой высокой «крыше» лаборатория Сойфера, в которой всего-то десяток сотрудников, по сей день осуществляет мониторинг ситуации вокруг Чажмы.

Помогал ученым в свое время и капитан 1-го ранга Валерий Данилян, бывший до недавних пор начальником службы радиационной и химической безопасности Тихоокеанского флота. (Пару лет назад Данилян по выслуге лет ушел в отставку, уехал в Москву, защитил диссертацию и работает сейчас в ФНЦ «Курчатовский институт».)

На смену Данилянцу пришел Александр Максимов, буквально месяц назад ставший контр-адмиралом. У ученых стали возникать проблемы с возможностью попасть в места их постоянных исследований. Сойфер — человек резкий, после очередной стычки с военными нынешней весной он плюнул и поехал в Москву. Встретился и поговорил с академиком Велиховым. Последний организовал ему встречу с главкомом ВМФ адмиралом Владимиром Куроедовым. Результатом московских встреч стало письмо из высоких инстанций на имя командующего ТОФ адмирала Михаила Захаренко о том, что ученым надо помогать, а не блокировать их усилия.

Но тема радиационной безопасности слишком скользкая, чтобы можно было беспрепятственно здесь разгуливать. Сначала на Северном флоте «поскользнулся» капитан Никитин, уголовное дело против которого ФСБ продолжает до сих пор; следом на Дальнем Востоке возникло и уже подходит к закономерному (так ли?) концу дело капитана Пасько. Последнее, которое вот-вот уже может быть завершено вынесением приговора, обещает расцвести новым цветом. Независимые наблюдатели усматривают прямую связь по линии Пасько — Данилян — Сойфер.

Так что вполне возможно, мы будем зрителями еще не одного громкого шпионского процесса.

Тем более — когда такой шлейф. Спецслужбы не любят выпускать добычу из лап. Полагаю, что Сойфер, имеющий четвертьвековой опыт общения с этими «специалистами», знает это лучше многих. К слову, о том, что кольцо вокруг него сужается, он наверняка догадывался — в 2000-м году его в очередной раз (!) лишили допуска.

Сейчас Владимир Николаевич находится в Москве (к счастью, с него пока не взяли подписку о невыезде). После проведенных обысков, после того как его доставили в известное здание на Алеутской, отобрали паспорт и «поимелн» беседу, ученый с мировым именем, готовящийся через полгода отметить 70-летие, почувствовал резкое ухудшение самочувствия.

Оно и немудрено, если учесть, что уже много лет Владимир Сойфер страдает от сахарного диабета. Местные врачи развели руками и выдали ему направление в московскую клинику Академии наук. О том, что он сбегал, говорить не приходится — Лубянка-то под боком...

...История эта будет неполной, если еще раз не вспомнить человека, которого мы лишь слегка коснулись вначале: брата Владимира Николаевича — Валерия Сойфера. Давным-давно он уехал в США, профессорствует в Вашингтоне, является одним из ведущих консультантов Джорджа Сороса в вопросах выделения грантов для российских ученых. Кетати, без этих грантов, просто и грубо говоря, российская наука давно бы уже подохла — спасибо родной стране. (К примеру, тот же ТОН, в котором работает Владимир Сойфер, раньше занимал ведущее положение по работам над закрытыми темами. Последние же 3 года институт не получает от Министерства обороны ни копейки. А значит — работает только над открытыми темами.) <...>

Что ж, иметь такого брата, да еще и с диссидентским прошлым, в глазах отечественных спецслужб уже само по себе криминал.

В этой связи по большому секрету могу сообщить местным чекистам, что в редакции газеты «Владивосток» тоже есть люди, имеющие родственников за границей. В том числе и в Америке. Когда прикажете ждать обысков?

*Впервые опубликовано в издании
«Владивосток-новости»*

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

29 декабря 1974 г.

№ 3599-А

гор. Москва

О фабрикации ФСБ «шпионских» дел и насаждении в стране шпиономании

Из резолюции Всероссийского чрезвычайного Съезда в защиту прав человека

<...>Не справляясь с задачами по борьбе с коррупцией и терроризмом, утечкой капиталов, заказными политическими убийствами и другими опасными преступлениями, ФСБ избрало в качестве «легкой добычи» экологов, журналистов, ученых, дипломатов.

Власти придумали новый состав преступления — «аналитический шпионаж» в качестве оружия, направленного против любого мыслящего гражданина России.

Сотрудники ФСБ, занимающиеся фабрикацией шпионских дел, поощряются, повышаются в званиях и должностях. Среди государственных служащих поощряется наушничество.

Избежавшие принципиальных реформ спецслужбы способны на любые беззакония и готовы к повторению прошлого.

Съезд с тревогой отмечает опасные последствия нагнетания шпиономании в стране: рост неуверенности среди государственных служащих, стимулирование эмиграции талантливых исследователей, ограничение международных экономических, научных и культурных связей.

Все это предвещает возникновение нового железного занавеса.

Съезд обращается к Президенту России с просьбой применить на практике «диктатуру закона» для безотлагательного прекращения сфабрикованных шпионских дел, организовать проведение официального расследования и наказания лиц, допустивших неправомерные аресты, обыски, фабрикацию доказательств, подлоги в отношении Александра Никитина, Григория Пасько, Игоря Сулягина, Валентина Моисеева, Владимира Соифера, Владимира Щурова.

Съезд просит Президента России использовать всю свою власть для того, чтобы разорвать порочный антиконституционный круг единства следствия, прокуратуры и судов.

Съезд требует от российских властей допустить в судебные процессы Пасько, Моисеева и Сулягина наблюдателей от российских и международных гуманитарных и правозащитных организаций, а также выполнения международных соглашений о ликвидации специзоляторов ФСБ.

Съезд обращается к Международной Амнистии с просьбой объявить узниками совести Валентина Моисеева и Игоря Сулягина, длительное время находящиеся в тюрьмах по сфабрикованным делам.

Москва, 21 января 2001 года

Дело Владимира Щурова. ФСБ против академика и ученого. Владимир Щуров (на фото) — эколог, журналист, ученый, дипломат.

<http://www.hro.org/actions/shurov>

Меньше ученых — больше заключенных?

- «ФСБ против профессора Владимира Щурова»
- Доклад М.М. Демидова о секретной информации
- Российские спецслужбы
- Заключенный Григорий Пасько — кто такой?
- ФСБ федеральный след?
- Деятельность спецслужб в отношении АНО РАН
- Голые факты: Оспаривая до формирования практики наложения
- «ФСБ обвиняет профессию в разглашении секретной информации»
- «Политический шпионаж»
- УФСБ на Дальнем Востоке
- «Моя роль является важным в политическом»
- «ФСБ не признает политическое значение информации»
- Владимир Щуров против ФСБ в зарплате на выкуп»
- «Продана работа — оспаривать нечего»
- В Правительстве тайно объявили о разглашении гостайны»

- Кто убивал академика Демидова?
- «Новый Владимир Щуров ушел в отставку»
- «Специальные операции»

Дело №52

<http://www.case52.org>

Дело №52

Суд состоялся 28 февраля 2001 г. - Деловая тайна - ФСБ закладывает записки в карманы

ФСБ фабрикует очередное «шпионское» дело

Игорь Сулягин, журналист, эколог, активист СПС и глава Российского Альянса «Свободная Россия», выдвинувший кандидатуру в депутаты Государственной Думы от партии «Свободная Россия»

Арестован федеральным следствием 27 октября 1999 г. по обвинению в разглашении государственной тайны. До настоящего времени содержится в специзоляторе ФСБ на территории Московской области.

ФСБ требует, что ученые должны сидеть в тюрьмах. Дело Игоря Сулягина расследовано следствием в течение 11 месяцев, но не выявлено никаких доказательств. Игорь Сулягин, журналист, эколог, активист СПС и глава Российского Альянса «Свободная Россия», выдвинувший кандидатуру в депутаты Государственной Думы от партии «Свободная Россия»

Интернет — уникальное средство сообщения. Как ни одно из ранее существовавших средств, он позволяет людям выражать свои идеи и мнения, общаясь напрямую с всемирной аудиторией и друг с другом, одновременно предоставляя доступ к множеству других идей, мнений и информации, намного большему, нежели могли предоставить ранее существовавшие средства. Следовательно, существует неразрывная связь между Интернетом и правами человека.

Опыт сообществ в разных странах показывает, что мало что может быть столь угрожающим для авторитарных режимов, как доступ и использование средства сообщения, не знающего границ, которое очень сложно поставить под контроль. Но хотя традиционные методы цензуры — запрет газет и закрытие типографий — к Интернету неприменимы, цензурные online-технологии, которые могут применять такие режимы, могут нанести не меньший вред.

Хотя технологически Интернет защищен от попыток

ИНТЕРНЕТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Интернет — демократизирующее средство общения, необычайно подходящее для просвещения в области прав человека, но ему угрожают ограничения со стороны государства.

При помощи Интернета граждане стран с самыми репрессивными режимами могут находить информацию, касающуюся правительств этих стран и прав человека, которую не осмелится опубликовать ни одна газета, а также сообщать миру об условиях, в которых они живут. Интернет позволяет лично взглянуть на другие страны, другие народы и их культуру, что прежде было доступно лишь для немногих. Эта возможность получать и распространять информацию, столь важная для любой концепции демократии, как никогда прежде может быть достигнута при помощи Интернета.

Кроме того, используя шифровальные технологии, граждане могут поддерживать мгновенную связь с людьми по всему миру, гораздо более защищенную от надзора со стороны правительств и частных лиц. В Интернете граждане — не только потребители содержания, но и его создатели.

Таким образом, содержание Интернета столь же разнообразно, сколь разнообразны мысли разных людей. Люди и их сообщества используют обретенную в Интернете online-свободу для того, чтобы связываться между собой, взаимодействовать и совместно работать.

Повсеместный доступ и использование этого глобального средства сообщения служат просвещению и защите гражданских и политических прав во всем мире. Эта беспрецедентная возможность, однако, может угрожать деятельности репрессивных режимов.

поставить его под правительственный контроль, он все же не иммунен к ним. Некоторые страны проявляют настоящую изобретательность и достигают в деле контроля и надзора огромной эффективности, по крайней мере в пределах короткого промежутка времени.

То, что более молодое поколение знает, как «взламывать» прокси-серверы и избегать цензуры, не означает, что молодежь в безопасности. Эти действия должны пониматься в технологическом контексте: работающие на правительство системные администраторы, возможно, замечают факты «взлома», и те, кто их совершает, могут быть идентифицированы и подвергнуты преследованию.

В то же время государства всего мира пытаются расширить потенциал своих средств слежки за этим новым средством сообщения, включая введение контроля за построением и развитием коммуникационных сетей.

По этим причинам правительства и региональные и международные организации должны дать гарантии свободы самовыражения, выполнения которых можно было бы от них требовать, распространять как можно шире доступ и использование мощных криптографических инструментов, которые делают возможным настоящую неприкосновенность переписки, и предусматривать законодательную защиту права на неприкосновенность частной жизни («прайвеси»), включая общественный контроль за государственными органами надзора.

Интернет и работа в сфере прав человека

Интернет — одно из лучших средств для обмена информацией по правам человека, поскольку он дешев и глобален. Электронная почта (e-mail) делает связь между правозащитниками и неправительственными организаци-

ями (NGO) дешевой и простой, что позволяет им лучше координировать свою деятельность.

Кроме того, Интернет дает потенциальную возможность обращаться к глобальной аудитории, включая людей, которым данная информация нужна больше всех. Интернет важен для правозащитников, поскольку может дать безопасное средство связи и координации работы правозащитных групп. Поэтому правозащитники одними из первых стали использовать Интернет для:

- Координации деятельности и завязывания контактов. Возможно, наиболее важное применение Интернета в сфере прав человека — это его использование как прекрасного инструмента для NGO и активистов, позволяющего им поддерживать связь друг с другом, тайно передавать друг другу сообщения и координировать свою деятельность.

- Демонстрации фактов нарушения прав человека и оповещения людей о них. Многие правозащитные организации по всему миру создали списки электронной рассылки для распространения своих пресс-релизов, сообщений и критики нарушений прав человека. Многие из этих групп также используют для публикации своей информации Usenet, или же информация публикуется там другими людьми. Также многие группы создали web-страницы и публикуют информацию на них.

- Организации подачи запросов. Многие организации используют электронную почту для распространения сообщений, призывающих в массовом порядке направлять письма с запросами по тем или иным темам в те или иные организации.

- Сбора информации. Объемы правозащитной информации в сети удивительно высоки — начав, например, с сайта «Права человека в России» (<http://www.hro.org>) или с сайта Amnesty International (<http://www.amnesty.org>), проводить исследования в области прав человека гораздо проще.

Делая возможным быстрый доступ к информации, немедленное распространение призывов к проведению тех или иных кампаний и организацию широкого международного давления, Интернет заметно повышает лоббистские способности правозащитных групп.

Поэтому жизненно важно пропагандировать свободу самовыражения и право на «прайвеси», являющиеся центральными элементами развития информационного общества.

Доступ к Интернету и просветительство в области прав человека

Одна из наиболее часто недооцениваемых помех для воплощения в жизнь демократического потенциала Интернета — проблема доступа. Для доступа к Интернету требуется либо иметь компьютер и платить провайдеру, либо иметь доступ туда, откуда можно к нему подключиться. Это обычно означает, что к Интернету имеют доступ лишь зажиточные люди.

Правительства могут контролировать свободу самовыражения некоторых слоев населения, затрудняя их доступ к Интернету. Это может быть сделано как напрямую, путем введения высоких налогов на компьютерные товары и поддержки телефонных монополий, устанавливающих цены на телефонные услуги на высоком уровне (повременка), что мешает пользоваться Интернетом, так и косвенно, путем отказа от поддержки общественных центров, где люди могли бы ненакладно иметь доступ к Интернету.

Однако наличие доступа к Интернету без технологических и законодательных гарантий гражданских свобод

может не идти на пользу людям и сочетаться с государственным контролем и самыми широкими возможностями слежки.

Свобода самовыражения

Всеобщая декларация, Европейская конвенция и другие международные соглашения в области прав человека делеют права на свободу самовыражения и доступа к информации. Эти основные документы прямо защищают свободу самовыражения «вне зависимости от государственных границ». Эти слова особенно хорошо применимы к глобальному Интернету.

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.» (Ст. 19 Всеобщей декларации прав человека.)

«Каждый человек должен обладать правом на свободу самовыражения; это право должно включать свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любого рода, независимо от государственных границ, устно, письменно или в печатной форме, в виде предметов искусства или посредством любых средств сообщения по своему выбору.» (Ст. 19 Международного соглашения о гражданских и политических правах.)

«Каждый человек имеет право на свободу самовыражения. Это право должно включать свободу придерживаться мнений и получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны властей и вне зависимости от государственных границ.» (Ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.)

Государственные ограничения на свободу слова или доступа к информации, распространяемой другими людьми, какие бы средства государство для этого ни применяло, являются нарушением этих положений, защищающих свободу самовыражения.

Помимо прямой государственной цензуры Интернет-коммуникаций и частной цензуры, свободе слова в Интернете угрожают и другие факторы. Техники блокирования, фильтрования и категоризации могут ограничивать свободу самовыражения и доступ к информации.

Одобренное правительством использование систем блокирования, фильтрования и категоризации нарушает основные международные положения по защите прав человека. Глобальные рейтинговые или категоризационные системы перекрывают свободный поток информации.

Попытки навязать всему содержанию Интернета категоризацию или рейтинги согласно одной системе классификации нарушают фундаментальное культурное разнообразие Интернета и приводят к доминированию одного набора политических или моральных точек зрения.

Разнообразие и наличие у пользователя возможности выбирать — основа всего: если человек решает применять те или иные фильтрационные инструменты, необходимо, чтобы он имел доступ к широкому спектру таких инструментов.

«Саморегулирующийся» контроль за содержанием Интернета, который неко-

Ссылки по теме:

<http://www.hro.org/gilc>
<http://www.libertarium.ru>
<http://www.russianlaw.net/>
<http://www.ksdi.ru/>
<http://censored.newmail.ru/>

торые защищают в качестве альтернативы государственному регулированию, не должен ставить частных провайдеров на место Интернет-полицейских.

Что касается содержания, то, что некоторые предлагают под названием «саморегулирующего», означает не то, что провайдеры как группа должны сами регулировать свое поведение, а скорее, что они должны регулировать самовыражение своих пользователей. Это не есть настоящее «саморегулирование».

Роль провайдера для доступа к Интернету является критической, и из-за этой роли во многих странах провайдеры попадают в поле зрения правоохранительных органов, желающих заставить их сделаться цензорами содержания. Хотя провайдеры и должны оказывать правоохранительным органам разумную помощь при расследовании последними преступной деятельности, путаница между ролью частных компаний и полицейских властей может привести к заметному нарушению индивидуальных гражданских свобод.

«Прайвеси»

Всеобщая декларация, Европейская конвенция и другие международные документы в области прав человека придают важное значение праву на «прайвеси». Эти документы в явной форме защищают неприкосновенность переписки и связи:

«Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». (Ст. 12 Всеобщей декларации прав человека.)

«Никто не может быть подвергнут произвольному или противозаконному вторжению в его частную или семейную жизнь, его жилище, его переписку, или противозаконным посягательствам на его честь и репутацию». (Ст. 17 Международного соглашения о гражданских и политических правах.)

«Каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, своего жилища и переписки». (Ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.)

В информационном обществе «прайвеси» становится для граждан особенно важно. Всякий желающий может легко перехватывать электронные сообщения. Поэтому посылка письма по электронной почте равносильно отправлению открытки.

Многие вопросы, обсуждающиеся в среде NGO, особенно — в сфере прав человека, крайне конфиденциальны. Имена свидетелей нарушения прав человека, например, должны оставаться тайной для тех, кто мог бы повредить этим людям. Службы государственной безопасности репрессивных правительств обычно прослушивают телефонные переговоры правозащитников и перлюстрируют их почтовую корреспонденцию. Весьма возможно, что электронную почту они тоже перехватывают.

Как можно защитить «прайвеси» в Интернете: в отличие от телефонных звонков и бумажной корреспонденции электронные сообщения можно с легкостью зашифровать, так что прочитать их сможет лишь непосредственный адресат.

Это означает, что каждый — например, неправительственные организации, — желающий передавать конфиденциальную информацию, может с легкостью так и поступить, не боясь последствий того, что информация попа-

дет в чужие руки, например, в руки государственных органов. Поэтому мы полагаем, что политика в области криптографии должна основываться на фундаментальном праве на приватность коммуникаций.

К сожалению, правительства разных стран уже предпринимали шаги по препятствованию деятельности пользователей и разработчиков криптографических инструментов. Тем не менее, правозащитники уже используют мощную криптографию, и ее дальнейшее распространение должно настойчиво поддерживаться.

Мы противостоим попыткам, которые могут привести к созданию коммуникационных инфраструктур, разработанных так, чтобы в них было удобно вести слежку.

Анонимность. В центре проблемы свободного самовыражения и защиты «прайвеси» стоит вопрос о праве человека выражать политические мнения, не опасаясь преследования, и самому контролировать раскрытие своей личной идентичности. Защита права на анонимность, таким образом, является необходимым компонентом защиты личных свобод в online-мире.

Право на анонимность признано законом и принято в обиходе. Оно было составной частью процесса роста и развития Интернета. Некоторые правительства работают над развитием технологий анонимности. Однако предпринимаются и другие усилия, ставящие своей целью ввести требования обязательной самоидентификации пользователя и ограничить использование технологий, защищающих анонимность.

Например, «Большая восьмерка» недавно обсуждала предложение о введении абонентских идентификаторов для пользователей Интернета. Некоторые местные правительства также пытались ввести в действие законодательные акты, которые запрещали бы доступ к Интернету без раскрытия личной идентичности.

Правительства не должны требовать самоидентификации пользователей Интернета или ограничивать анонимное выражение политических убеждений в Интернете. Попытки создания новых технологий, направленных на защиту и тайны идентичности, должны поощряться.

Провайдеры не должны устанавливать требования к идентификации своих клиентов сверх необходимых, а должны, где это возможно, защищать право своих пользователей на анонимный доступ к Интернету.

Заключение и рекомендации

Формулируя свою политику по отношению к Интернету, правительства должны руководствоваться следующими базовыми принципами:

- Запрет предварительного цензурирования online-коммуникаций.
- Требование того, чтобы законы, ограничивающие содержание online-информации, делали различие между ответственностью того, кто предоставляет содержание, и того, кто передает данные.
- Защита свободного online-самовыражения от ограничения косвенными методами, а именно ярко выраженного ограничительного государственного или частного контроля над компьютерной аппаратурой или программным обеспечением, телекоммуникационной инфраструктурой или другими важными компонентами Интернета.
- Включение в глобальный процесс развития Интернета граждан из стран и регионов, испытывающих в настоящее время экономическую нестабильность, имеющих недостаточную инфраструктуру или лишенных сложных технологий.
- С целью обеспечения того, чтобы доступ к услугам Интернета был всеобщим, правительства должны полнос-

тью раскрывать свои планы по развитию информационной инфраструктуры и поощрять демократическое участие граждан во всех аспектах такого развития.

- Они должны также поощрять как можно более широкое использование Интернета и предпринимать усилия к адекватному обучению людей пользованию Интернетом.

- Кроме того, правительства должны побуждать граждан принимать активное участие в общественных делах, предоставляя им online-доступ к правительственной информации.

- Запрет дискриминации на основании расовых, половых, языковых, религиозных признаков, политических или иных воззрений, этнического или социального происхождения, богатства, рождения и др.

- Обеспечение того, чтобы личная информация, собранная в Интернете для одной цели, не использовалась для целей, не имеющих к ней отношения, и не раскрывалась без информированного согласия того, к кому она относится, а также обеспечение человеку возможности просматривать относящуюся к нему личную информацию и исправлять ошибки.

- Разрешение пользователям сети шифровать свои сообщения и информацию без каких-либо ограничений.

- В целях гарантирования «прайвеси» при online-коммуникациях правительства должны вводить реальную законодательную защиту от несанкционированного просмотр

ра и использования частными или общественными лицами и организациями чужой личной информации в Интернете.

- Кроме того, правительства должны проводить исследования в Интернете лишь соответственно законным полномочиям и открыто для независимого юридического наблюдения.

Другие исследования

В ряде стран уже проводится много исследований, описаний и работы в сфере защиты применимости международного законодательства в сфере прав человека к Интернету.

Среди ключевых исследований по этой теме можно назвать сообщение EPIC/Privacy International «Прайвеси» и права человека в 1999 г.: международное исследование законодательства и развития ситуации в сфере «прайвеси»; сообщение CDT/GLIC «Независимо от государственных границ: защита права человека на свободу самовыражения во всемирном Интернете»; сообщение Human Rights Watch «Интернет на Ближнем Востоке и в Северной Африке: свобода самовыражения и цензура» и заявление членов GILC «Влияние саморегулирования и фильтрования на право человека на свободу самовыражения».

*Источник: The Center For Democracy & Technology.
Перевод с английского: Олег Мартынов.*

Евгений КРОССЕР

КРИПТОГРАФИЯ И НАШЕ ПРАВО НА ПРИВАТНОСТЬ

За годы, прошедшие после Второй мировой войны, произошло два немаловажных связанных между собой события в области обмена информацией. Это появление компьютеров и «сильной» криптографии.

Асимметричная криптография, или системы с открытым ключом, позволяют зашифровать сообщение для конкретного адресата без предварительного обмена ключами, то есть зашифровать письмо, телефонный разговор и т.п. с человеком, с которым вы общаетесь в первый раз, таким образом, что перехватить ключ к шифру принципиально невозможно.

С другой стороны, асимметричная криптография позволяет подтвердить, что сообщение передано владельцем конкретного ключа и никем иным (это так называемая электронная подпись).

Описание того, как это получается (а также тот факт, что в жизни асимметричная криптография применяется в сочетании с симметричной), выходит за рамки данной статьи. На эту тему написано немало доступных (и не очень) книг. Здесь нам достаточно знать, что эти средства — чисто математические. Надежность защиты информации обеспечивается

не секретностью алгоритмов, как раньше, а чисто математическими фактами (алгоритмической

неразрешимостью определенных математических задач).

Следует отметить, что рассматриваемые здесь алгоритмы надежны и доступны. То есть, например, письмо, зашифрованное за несколько минут на дешевом персональном компьютере, для «раскалывания» потребует многих дней, а то и лет, работы самых мощных суперкомпьютеров, которыми обладает КГБ и ЦРУ, даже если был использован «слабый» вариант защиты.

Криптографические методы годятся для любого носителя информации — можно диски по почте пересылать, можно шифровать голос при разговоре по телефону, можно даже телевизионное изображение шифровать, если понадобится. Основные, наиболее актуальные применения — электронная почта (e-mail) и телефон.

Другая сторона технического прогресса состоит в том, что новые носители увеличивают возможность перехвата информации. Сотовые телефоны прослушиваются приемником совершенно незаметно. Электронную почту можно сканировать на крупных узлах сети. При этом, во-первых, массовое прослушивание можно устроить при совсем небольших затратах, а во-вторых, легко избежать оставления улик.

Увеличивается и возможность подделать информацию. Например, автора электронного письма невозможно опознать по почерку или по голосу, поэтому всегда есть вероятность, что его отправил кто-то другой. Криптография и только криптография позволяет надежно решить

проблемы секретности и аутентичности информации.

Государство традиционно берет на себя защиту прав личности (неприкосновенность переписки, запрет подслушивания телефона, ответственность за подделку документов). И при этом оставляет за собой право нарушать

эти правила в оговоренных законом случаях для борьбы с преступлениями.

Появление общедоступной криптографии все меняет. Человек может самостоятельно обеспечить секретность и аутентичность своих связей с другими людьми. А государство теряет мощный способ выявления и доказательства преступлений.

Государство в лице правоохранительных структур страдает — оно лишается части функций, а выполнение другой части функций сильно затрудняется. Оно пытается затормозить жизнь и доказывает нам, что неконтролируемое использование криптографии принесет проблемы.

Резоны, выдвигаемые государством, звучат примерно таким образом: дайте нам возможность ловить преступников (не используйте криптографию), а мы обеспечим вам неприкосновенность информации (поймаем и накажем незаконно подслушивающих).

Иногда государство не говорит этого прямо, а предлагает нам пользоваться системами, прошедшими «проверку», «сертифицированными». При этом может подразумеваться (хотя и отрицаться официально), что «проверенные» системы доступны для взлома самим государством, будучи предположительно недоступны для злоумышленников. В таком случае говорят, что система содержит «back door» — «черный ход», или просто специально «ослаблена». Открыто проводят такую политику США (проект Clipper), завуалировано — Франция и Россия (запрещено использование «несертифицированных» систем).

Я утверждаю, что эти аргументы не выдерживают критики. Во-первых, государство не получит выгоды от того, что сможет подслушивать законопослушных людей. Потому что вполне надежные средства криптографии свободно доступны (и даже бесплатны), и злонамеренные люди, которые сознательно идут на нарушение законов, легко нарушат еще и запрет на криптографию. Их-то как раз государство не сможет подслушать.

С другой стороны, государство неспособно защитить нас от перехвата нашей информации злонамеренными людьми. Чисто технически. Найти приемник, прослушивающий сотовые телефоны, практически невозможно. Как почти невозможно найти и программу, сканирующую информацию, проходящую через Сеть. Это не «жучок» в квартире или «крокодилы» на клеммах телефонного щита, которые можно реально увидеть и снять с них отпечатки пальцев.

Есть еще причины не доверять аргументам государства, особенно актуальные в России, — коррупция и относительная политическая нестабильность. В любом государстве существуют нечистоплотные чиновники, готовые поделиться доступной им информацией за деньги. А в России уровень коррупции довольно высок. Так что информация, доступная по долгу службы чиновнику, может попасть к преступнику. А если власть в стране перейдет к

«лево» настроенным руководителям, законно собранная информация может быть использована для поиска инакомыслящих, слишком богатых и т.п.

Наконец, следует понимать, что джинн выпущен из бутылки. Даже если государство истратит кучу усилий и денег (из наших с вами налогов, заметим) на то, чтобы ограничить использование криптографии, ничего не выйдет. В своем программном воплощении криптографические системы доступны на тысячах серверов в Сети, расположенных во многих странах мира, и установлены на миллионах компьютеров. Просто нереально найти всех пользователей таких систем и принудить их отказаться от их использования.

Вы можете подумать: «Ну и что, мне нечего скрывать». Может быть, и нечего. А может быть, завтра понадобится. И уж во всяком случае, поверьте, что кое-кому это нужно. Например (самое очевидное) — банки. Ведь когда у Центробанка воруют деньги, расплачиваемся за это мы с вами: именно наши налоги идут на компенсацию ущерба. И когда рэкетеры заставляют магазин платить им дань, это выливается в те цены, которые мы платим в этом магазине. Мы видим, насколько «хорошо» государство защищает предпринимателей от преступников. Так пусть оно хотя бы не мешает им защищать свой бизнес самостоятельно. Хотя бы там, где это возможно сделать с минимальными затратами.

Отдельный вопрос — вопрос доверия к криптографической системе. Если система «закрытая», то есть пользователь не может (потенциально) изучить ее внутреннее устройство во всех деталях, то нет гарантии, что в нее не встроены уже упоминавшийся выше «черный ход». Государство эксплуатирует и эту тему, утверждая, что сертификация позволяет гарантировать отсутствие этого «черного хода». А иначе, мол, такой гарантии получить нельзя.

Я утверждаю, что это лукавство. Во-первых, есть объективные предпосылки, рассмотренные выше, к тому, чтобы государство само стремилось оставить «черный ход» в криптографических системах, именно для успешного выполнения своих законных функций. Во-вторых, есть способ очень хорошо (не на сто процентов, но действительно хорошо) проверить криптографическую систему — если она полностью открыта. Открытость системы не уменьшает ее надежности, поскольку, как указано выше, сам алгоритм не является секретом, обеспечивающим защиту. Зато после того, как систему проверят сотни любителей и профессионалов во всем мире, вероятность наличия в ней «черного хода» будет стремиться к нулю, и вероятность ошибок, нарушающих защиту, тоже станет весьма мала.

И такие открытые системы в виде компьютерных программ, доступных в исходных текстах, существуют. Одна из самых известных, PGP, позволяет шифровать и/или подписывать любые компьютерные файлы (электронные письма, тексты, картинки, что угодно) для дальнейшей передачи по сети, или на дискетах по почте, или как угодно. Другая, SpeakFreely, позволяет использовать компьютер, подключенный к сети, в качестве телефона с зашифрованной передачей звука (для этого достаточно обычного персонального компьютера с звуковой платой, подключенного к Internet через модем).

Включение подобных средств в сотовые и обыкновенные телефоны, пейджеры и т.п. не представляет в наше время технических проблем и не требует больших затрат. Этот процесс тормозится исключительно усилиями государства.

Андрей БЛИНУШОВ, Олег ОРЛОВ, Александр ЧЕРКАСОВ

Чечня: Контртеррористическая операция или война? «Конституционный порядок» или беззаконие? Возрождение государства или коллапс права?

Оргкомитет Всероссийского Съезда за права человека единодушно выступил за то, что одним из важнейших в ходе нашего обсуждения должен стать вопрос о массовых нарушениях прав человека в ходе незаконной и преступной войны в Чечне. Но почему, собственно говоря, мы характеризуем происходящее в Чечне именно так?

Во-первых, мы не можем оставаться равнодушными, когда тысячи мирных граждан убиты, а сотни тысяч превращены в беженцев, лишены крова и имущества под аккомпанемент официальных заявлений о «борьбе с терроризмом».

Выступаем ли мы в принципе против применения государством силы? Конечно, нет.

Государство может и обязано применять силу для защиты прав и свобод своих граждан. Мы разделяем точку зрения, согласно которой России необходимо вести жесткую борьбу с терроризмом и бандитизмом.

Следует признать, что руководители Чеченской Республики Ичкерия оказались не способны обеспечить на подконтрольной им территории жизнь, безопасность и гражданские права людей. Эти власти также не сумели пресечь грабежи, разбои, захват людей, осуществляемые незаконными вооруженными формированиями, которые базируются в Чечне и на сопредельных территориях. В результате Чечня превратилась в источник угрозы для соседних российских регионов.

Вместе с тем, мы должны констатировать, что федеральные власти России также несут ответственность за неблагоприятное развитие ситуации в Чечне и в прилегающих регионах.

После подписания в 1997 году в Москве Договора о мире и принципах взаимоотношений между Россией и Чечней ни Президент, ни правительство России не предприняли эффективных шагов для нормализации ситуации в Чечне. Более того, имеются свидетельства того, что федеральные органы власти, как минимум, не желали помогать попыткам правительства Масхадова бороться с бандами похитителей людей.

Вторжения вооруженных формирований с территории Чечни в Дагестан в августе и сентябре 1999 года вынудили руководство России принять серьезные меры, направленные на обеспечение безопасности и гражданских прав населения Дагестана, Чечни и прилегающих территорий. В этом случае могла быть применена — разумеется, в рамках закона — и вооруженная сила. При этом оправданными можно признать лишь избирательные и адекватные угрозам силовые меры.

Однако под видом «антитеррористической операции» в Чечне были начаты широкомасштабные военные действия, фактически направленные против всего населения этой республики. Эта военная операция не является, и в принципе не может являться, адекватным средством защиты жизни, безопасности и гражданских прав населения Чечни и прилегающих регионов.

Именно методы применения силы на Северном Кавказе, выбранные высшим руководством нашей страны и российскими силовыми ведомствами, сделали нынешнюю чеченскую кампанию тяжким преступлением, повлекшим за собой массовые жертвы.

Мы обеспокоены тем, что виновные в преступлениях остаются безнаказанными. Федеральное руководство последовательно выводит происходящее в Чечне за рамки как национального, так и международного гуманитарного права, из-под контроля национальных и международных организаций.

Грубые нарушения прав человека и норм гуманитарного права совершали и совершают обе стороны конфликта.

Тем не менее, число жертв среди гражданского населения и размер материального ущерба от действий федеральных войск несоизмеримо больше. Кроме того, действия федеральных сил — это действия военных и полицейских, находящихся под командованием *международно признанной* власти Российской Федерации, государства, которое, подписав целый ряд международных правовых документов, взяло на себя обязательства соблюдать права человека. Именно поэтому нарушения прав человека российскими федеральными силами являются особо тяжкими и особо циничными.

Азван Хасанов

Беженцы в Ингушетии. 31 января 2001 года.

Происходящее в Чечне развращает граждан России — и тех, кто творит преступления и остается безнаказанным, и тех, кто видит эту безнаказанность, и всех, на кого обращена националистическая и расистская риторика, обеспечивающая пропагандистское прикрытие. Не может не вызывать отвращения использование войны как «политтехнологии» в предвыборной борьбе. Мы убеждены, что все это ведет не к укреплению государства, а к распаду его основ.

Действия военных и служащих МВД на Северном Кавказе грубейшим образом нарушают нормы российской Конституции и законодательства. Неоправданно широко применяются меры, ущемляющие права граждан, такие как: введение комендантского часа; ограничение свободы передвижения; несанкционированные обыски; произвольные задержания и тому подобное. В условиях объявленного чрезвычайного положения некоторые из этих мер были бы допустимы. Однако федеральная власть чрезвычайное положение не объявляет, тем самым сознательно выводя действия российских силовых структур в Чечне и прилегающих районах из-под всякого контроля, а ситуацию в регионе в целом — за рамки права.

Действия федеральных сил в Чечне официальная пропаганда называет «борьбой с терроризмом». Строгий же юридический анализ показывает, что согласно положениям российского закона «О борьбе с терроризмом» происходящее никак нельзя квалифицировать как «антитеррористическую операцию». Даже если отвлечься от норм российского законодательства, все равно очевидно, что главной отличительной чертой подобных операций должна быть предельная избирательность действий. Первая цель борьбы с терроризмом — спасение и защита гражданского населения и лишь затем — задержание или уничтожение террористов.

Однако что происходит на самом деле?

Прежде всего, одна из главных характеристик действий федеральных сил в Чечне это — неизбирательность.

Мы с сожалением должны признать, что не только высшее руководство нашей страны, но и большинство политиков не отказались от советской традиции использовать неизбирательное насилие, то есть массовый террор для достижения политических целей.

На первой стадии нынешней военной кампании в Чечне, в ходе крупномасштабных военных столкновений федеральные войска повсеместно прибегали к массированным и неизбирательным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. Чтобы уничтожить нескольких боевиков, нередко приносились в жертву десятки и сотни мирных жителей. Приведем лишь два примера.

27 октября 99-го года российские информационные агентства сообщали, что в этот день федеральные войска нанесли ракетный удар по дому Шамиля Басаева на улице Лелина в Грозном. По-видимому, надеялись уничтожить этого известного террориста. Дом был разрушен, погибли четыре члена его вооруженного формирования. Удачная военная операция?! Однако нам не сообщили, что этим же ракетным ударом и последующей бомбардировкой были уничтожены еще и прилегающие кварталы — не менее пяти

Военная часть в Чечне.

двухэтажных 12-квартирных домов, один пятиэтажный дом и множество одноэтажных частных домов; уничтожен рынок, стоянка такси с машинами, шоферами и пассажирами. Сколько там погибло мирных людей — теперь уже никто не сможет определить.

И это называлось «точечным ударом»!

А подобных ударов по Грозному наносилось великое множество. Город буквально стерт с лица земли. И уничтожался он, когда там продолжали находиться мирные жители.

А вот еще один пример «победоносной» военной операции. В данном случае российское командование само завело чеченские вооруженные отряды в «зону безопасности», а потом уничтожало их там вместе с мирными жителями, находившимися в этой «зоне безопасности». Произошло это в феврале двухтысячного года. Тогда Грозный контролировали чеченские вооруженные отряды, а прилегающая к городу территория была занята федеральными силами. Федеральные власти призывали беженцев возвращаться в села, расположенные на этой территории. Некоторые из них, например крупное село Катыр-Юрт, были «зонами безопасности». В села начали возвращаться жители, бежавшие оттуда ранее от бомбежек и обстрелов. В Катыр-Юрте, кроме того, скопилось много беженцев из других районов Чечни.

Но, как мы все позже узнали, в это же время российские военные разрабатывали специальную сложную операцию по введению противника в заблуждение. Они решили выманить чеченские отряды из Грозного. Для этого они подбросили боевикам дезинформацию о том, что военные якобы готовы просто продать безопасный выход из Грозного в горы по определенному маршруту. Дезинформация сработала, и боевики пошли из Грозного по указанному маршруту, где вначале наткнулись на минные поля, а потом подверглись артиллерийским и авиационным ударам. Отряды боевиков все же прошли в горы, хотя и с огромными потерями.

Удачная операция? Именно так эти события комментировали российские генералы. Публично, по телевидению.

Но при этом они умалчали о том, какой именно маршрут ими был разработан для вывода боевиков из Грозного. Этот маршрут наши военные проложили через села Алхан-Калу, Закан-Юрт, Шаами-Юрт, Катыр-Юрт

Репортаж CNN

(объявленный ими же «зоной безопасности»), Гехи-Чу. И вот, по мере того как отряды боевиков входили в эти села, их систематически уничтожали. Вместе с селами и находящимися там жителями. Жителям не предоставляли никаких «гуманитарных коридоров» для безопасного выхода.

Только в Катыр-Юрте убито около двухсот мирных жителей. Хоронили их в вырытой экскаватором братской могиле...

Теперь нам говорят, что все это в прошлом, что война закончилась и началось строительство мирной жизни.

Это ложь!

Военные действия продолжаются, они приняли характер партизанской войны. Горные районы бомбят. Солдаты, в числе которых есть и военнослужащие по призыву, продолжают гибнуть. Реальные потери от нас утаиваются. Уже несколько месяцев, как генерал-пропагандист Манилов перестал сообщать стране еженедельные сводки потерь. Судя по данным, собранным комитетами солдатских матерей России, общие потери среди российских сил в Чечне значительно выше официально сообщаемых.

После прекращения крупномасштабных боевых действий федеральные войска по-прежнему действуют неизбирательно. Часто, в ответ на нападения боевиков на блокпосты и воинские подразделения, федеральные войска открывают беспорядочный огонь прямо в населенных пунктах. Оружие применяют при малейшем, часто необоснованном подозрении. От подобных действий в первую очередь страдает мирное население.

Но еще более страшно то, что подчас действия военных носят характер демонстративной акции возмездия, направленной на гражданское население.

Эдвард Опп

Репортаж CNN

На нападения, диверсии и террористические акты, совершаемые незаконными вооруженными формированиями, федеральные силы отвечают террором против мирного населения Чечни.

Вот лишь три примера из множества.

Утром 6 октября 2000 г. российские военнослужащие окружили несколько кварталов на улице Богдана Хмельницкого в Грозном и открыли стрельбу по окнам домов. Затем они взорвали три частных дома на этой же улице. Все эти действия сопровождались оскорбительными по отношению к чеченцам выкриками. Бесчинства прекратились лишь спустя три часа, когда на место происшествия приехал районный военный комендант. Жители получили следующее разъяснение: накануне подорвался на mine военный грузовик, и солдаты устроили «акцию возмездия».

21 ноября 2000 г. на дороге у села Давыденко на mine подорвался военный автомобиль, один солдат погиб, двое были ранены. Вскоре после этого, недалеко от места взрыва, на глазах пассажиров рейсового автобуса военные задержали жителя села Давыденко Хусейна Газиева, надели ему на голову мешок, посадили на БТР и увезли в неизвестном направлении. 24-го ноября тело Хусейна Газиева было обнаружено на окраине села. У убитого был отрезан нос, выколоты глаза, на шее виднелся глубокий след от ножевого ранения, верхняя часть головы представляла собой месиво, кисти рук и пальцы были переломаны.

24 ноября 2000 г. на центральном рынке Грозного неизвестными были убиты два офицера московского специального отряда МВД. После этого военные устроили на рынке облаву, в результате которой задержали 17 человек.

Муса Садуаев/AP

Их вывезли в неизвестном направлении. 26-го ноября большое количество российских военнослужащих, подъехавших на бронемашинах, окружили рынок. Вскоре начался разгром рынка — танки и бульдозеры сметали киоски и торговые ряды. Людей, попытавшихся остановить этот произвол, военные разогнали огнем из автоматов, некоторых избили. Не менее двадцати мужчин были задержаны и увезены в неизвестном направлении. О судьбе некоторых из них до сих пор ничего не известно. Все это сопровождалось повальным грабежом: военнослужащие открыто загружали выставленные на продажу товары в бронетранспортеры. Также открыто были разграблены камеры хранения товаров и даже квартиры близлежащих домов. На следующий день торговые ряды рынка представляли собой груды переломанных досок.

Сотрудника Специального представителя Президента России по правам человека на территории Чеченской Республики, который пытался остановить погром, военные просто прогнали. Когда женщины, торговавшие на рынке, обратились в городскую военную комендатуру, там отказались вмешиваться в происходящее.

Следует подчеркнуть, что солдаты срочной службы, стоявшие в оцеплении рынка, не одобряли действий контрактников, уничтожавших и грабивших рынок.

Вполне очевидно, что подобный демонстративный и широкомасштабный грабеж мог осуществляться лишь при попустительстве российского военного командования.

Особо подчеркнем: ни разу никто не понес наказания за подобные «акты возмездия».

Федеральные силы проводят массовые неизбирательные задержания жителей Чечни. Люди, задержанные военными, сотрудниками МВД, ФСБ и других силовых структур Российской Федерации, продолжают исчезать. Родные задержанных, как правило, длительное время не могут получить информацию о причине задержания, они не знают, где человек находится, предъявлено ли ему обвинение — никаких подробностей. Само собой разумеется, что задержанные таким образом люди не могут воспользоваться услугами адвокатов.

Большинство «исчезнувших» людей затем (через несколько недель или даже месяцев) обнаруживаются в следственных изоляторах или изоляторах временного содержания. Кроме того, к сожалению, есть много случаев, когда людей, «исчезнувших» таким образом, найти не удается нигде.

Самое страшное заключается в том, что в ряде случаев местные жители обнаруживают тела задержанных со следами пыток и насильственной смерти.

Приведем лишь два примера.

27 ноября 2000 г. в своем доме в селе Гойты военнослужащими 245-го мотострелкового полка был задержан 28-летний Али Яшуркаев. На следующий день сами военнослужащие привезли на бронемашине и выбросили у здания центральной районной больницы в городе Урус-Мартан его обезображенный труп. У Яшуркаева были сломаны пальцы и кисти рук, по всему телу нанесены колотые раны.

27 ноября 2000 г. житель села Самашки, Юсуп Бексултанов, был задержан военнослужащими на окраине

Юсуп ван Вессель

Чеченские беженцы в Грузии.

села в присутствии свидетелей. Ему связали руки и посадили на подъехавший бронетранспортер. 28-го ноября у блок-поста федеральных сил, на западной окраине села Самашки, было найдено изуродованное тело Юсуфа Бексултанова. Факт обнаружения тела зафиксировали представители администрации Ачхой-Мартановского района и сотрудники правоохранительных органов.

Ни одно должностное лицо, виновное в «исчезновении» задержанных людей, не привлечено к уголовной ответственности. Мало того, ни один из многих известных правозащитным организациям случаев бесследного исчезновения людей, задержанных военнослужащими или сотрудниками МВД России, не расследован.

Страшная угроза для жителей Чечни — неофициальные секретные тюрьмы, находящиеся в местах дислокации воинских частей и специальных отрядов милиции. Доставленные сюда люди официально нигде не фиксируются, именно здесь, в первую очередь, пытаются людей, именно отсюда задержанные «исчезают».

Согласно специальному решению при проведении «зачисток» населенных пунктов обязательно должны присутствовать представители прокуратуры и глава администрации этого пункта. Это правило очень часто военными не выполняется.

По-прежнему «зачистки» нередко сопровождаются оскорблениями и избиением мирных жителей, задержан-

AP.

23 января 2001 года.

Юрий Тутов

21 января 2001 года.

ем и последующим «исчезновением» людей. И почти всегда в ходе «зачисток» происходят грабежи.

По-прежнему на многих блок-постах, расположенных на дорогах, военнослужащие и сотрудники милиции практически открыто вымогают деньги у шоферов проезжающих автомашин.

Мы убеждены, что стабилизация ситуации в Чечне, налаживание там нормальных отношений между населением и представителями федеральных органов власти невозможны без серьезного и объективного расследования многочисленных преступлений, совершенных военнослужащими и сотрудниками МВД России по отношению к мирному населению.

Однако органы прокуратуры России откровенно демонстрируют нежелание расследовать преступления против гражданских лиц, совершенные федеральными силами в ходе вооруженного конфликта.

Примеров, доказывающих это утверждение, множество.

Сослемся хотя бы на то, что органы прокуратуры помногу месяцев не принимают никакого решения по заявлениям от родственников тех людей, которые были задержаны военнослужащими, а потом исчезли. Все это время родственники и правозащитные организации получают ответы из прокуратуры: «Проводится проверка в

порядке статьи 109-й Уголовно-процессуального Кодекса». И это притом, что, согласно норме УПК, срок для проведения первичной проверки — трое суток со дня получения заявления, а в исключительных случаях он может быть продлен до десяти — не более! — суток.

В начале декабря 2000 г. представители прокуратуры сообщили, что за весь период во-

Солдатские матери.

оруженного конфликта в Чечне органами военной прокуратуры расследовалось тридцать одно уголовное дело, возбужденное по фактам преступлений против гражданского населения. Для каждого, кто обладает объективной информацией о ситуации в Чечне, очевидно, что эта цифра смехотворно мала по сравнению с действительным числом самых разнообразных преступлений, совершенных военнослужащими по отношению к гражданскому населению.

Для сравнения приведем еще одну цифру, также исходящую из официального источника. В докладе о деятельности Специального представителя Президента России по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике, выпущенном в июле 2000 года, сообщалось, что Специальным представителем и его аппаратом были приняты обращения от пяти тысяч шестисот восьмидесяти девяти человек. Более половины всех обращений содержат жалобы на отсутствие сведений о задержанных и пропавших родственниках; на ограничение свободы передвижения; на насилие; на оскорбительное поведение военных и сотрудников правоохранительных органов; на произвольные задержания, избиения и незаконное содержание под арестом. К октябрю в аппарат Специального представителя Президента обратились уже восемь тысяч сто двадцать девять человек.

Вот давайте и сравним эти две цифры — более четырех тысяч заявлений о совершенных преступлениях и тридцать одно уголовное дело, 5 из которых уже прекращены по амнистии.

Мы не сгушаем краски. Это подтверждается, в том числе и тем, что многие представители чеченской администрации, лояльной к российской федеральной власти, также крайне негативно оценивают ситуацию с правами человека, сложившуюся сегодня в Чеченской Республике.

В распоряжении Правозащитного центра «Мемориал» находится справка о ситуации в Курчалоевском районе Чеченской Республики, подготовленная 22-го ноября 2000 года главой администрации этого района. В ней глава района Махкал Тарамов, человек, которому сторонники независимой Ичкерии угрожают смертью, делает следующие выводы: «Крайне негативно влияют на обстановку в районе и вызывают широкий общественный резонанс преступления и происшествия, совершаемые федеральными войсками, представителями различных спецслужб и подразделений. Не прекращаются случаи задер-

Юрий Тутов

Максим Маршур/AP

жания мирных людей, издевательств над ними во время так называемых «зачисток», увозят людей, и дальнейшая их судьба остается неизвестной. <...> Навсех блок-постах ведется целенаправленное издевательство над проезжающими мирными жителями. Оскорбляют и унижают работников местной милиции. Чинимый беспредел со стороны федеральных войск делает ситуацию взрывоопасной» (конец цитаты).

Если мы даже отвлечемся на минуту от проблемы соблюдения прав человека, то остается очевидным, что подобный образ действий федеральных сил отнюдь не эффективен с точки зрения борьбы с терроризмом и установления мира и стабильности в регионе. Более того, он ведет к обратному результату.

Для того, чтобы выиграть в любой партизанской войне, правительственным силам необходимо свести до минимума или вообще уничтожить базу поддержки партизан среди населения. И тут возможны лишь два пути.

Первый — это путь репрессий, террора против всего населения. Путь, неизбежно ведущий к геноциду. У Советского Союза был богатый опыт такого рода. Именно так выигрывались партизанские войны на Западной Украине, в Средней Азии, в той же Чечне в 40-е годы. Повторение подобного пути нынешней Россией было бы губительно для нее. Это означало бы окончательный отказ от построения в нашей стране реально демократического, правового государства. И призывать обратиться к этому опыту, к подобным методам могут лишь те, кто мечтает о возврате к сталинским методам управления государством и народом.

Но возможен и другой путь, единственно пригодный для демократического государства. Это привлечение населения на свою сторону, демонстрация людям альтернативного, более приемлемого для них выхода, чем поддержка партизан. Но этого можно добиться лишь в том случае, если правительственные силы реально обеспечивают

права и свободы простых людей, если население не видит в каждом солдате насильника, убийцу, грабителя, а партизаны теряют ореол народных мстителей. Это трудный путь. Он предполагает наведение строгой дисциплины в войсках, наказание тех, кто совершил преступления против мирного населения.

Так какой путь выбран нашим Президентом и правительством в Чечне?

Среди солдат, офицеров и даже сотрудников милиции, проходящих службу в Чечне, чрезвычайно распространено мнение о том, что их туда послали именно затем, чтобы навести ужас, страх на все население Чечни. Чтобы «никому не повадно было» поддерживать боевиков. Многие из них, если не большинство, действительно убеждены, что метод террора по отношению к населению принят их командованием как средство борьбы с бандитизмом и терроризмом.

Значит ли это, что командование сознательно выбрало именно этот путь?

По-видимому, в разных местах и разных эпизодах имеют место и различные варианты начального отношения к фактам насилия над мирным населением — и равнодушие, и преступное бездействие, и подстрекательство, и даже, может быть, прямая организация расправ. Очевидно, что только одного варианта нет в этом наборе: последовательной и целенаправленной борьбы с преступлениями военнослужащих и сотрудников МВД против мирного населения.

При этом важно подчеркнуть, что далеко не все, и, видимо, даже не большинство офицеров и солдат творят насилие над мирным населением. Есть примеры, когда военнослужащие защищали, спасали людей от такого насилия со стороны своих коллег и сослуживцев.

Но есть также громадное количество примеров, когда открыто, публично совершаются преступления и за них никто не несет наказания.

НТВ.RU

Репортаж CNN

НТВ.RU

Алла Хасанова

24 января 2001 года.

И в этом еще один страшный итог нынешней войны в Чечне — страшный для всех граждан России. Какой опыт получили и продолжают приобретать в Чечне сейчас тысячи молодых граждан России? Какими вернутся домой эти парни — свидетели безнаказанных убийств, грабежей, изнасилований? А какими в наши города и села возвращаются оттуда милиционеры, люди, которые завтра должны будут защищать нас и в чьей власти может оказаться каждый гражданин России?

Мы не собираемся снимать вину и с чеченских незаконных вооруженных формирований. Известно, что члены этих групп совершали бессудные расправы над пленными.

В последние месяцы, по крайней мере, часть чеченских вооруженных формирований стала применять тактику террора по отношению к представителям местных властей, лояльных к России. Подрываются здания районных администраций, были убиты главы администраций ряда сел, совершались покушения на глав администраций нескольких районов.

В начале ноября несколько глав администраций сел получили "Открытое письмо коллегии Верховного Полевого Шариятского суда". В этом письме им предлагается оставить свои должности. В противном случае угрожают объявить их "врагами народа" и "приспешниками ФСБ" и физически уничтожить силами "мобильных боевых групп" по "приговорам полевых шариятских судов".

Репортаж CNN

Элла ван Вессель

Вполне очевидно, что за словами о "судебных приговорах" скрывается угроза бессудных расправ. Сегодня главы сельских администраций в Чечне являются практически единственной инстанцией, хоть как-то защищающей интересы жителей села. Таким образом, авторы письма следуют принципу — "чем хуже, тем лучше".

Все чаще от диверсионных актов, направленных против российских федеральных сил, гибнут мирные жители. Подчас место и время проведения взрывов выбирается так, что под ударом заведомо оказываются мирные жители. Одно из двух: либо организаторам этих диверсий совершенно безразлична жизнь гражданских лиц, либо они таким образом намеренно запугивают всех, кто вступает в любой контакт с федеральными структурами. И в том, и в другом случае организаторы и исполнители взрывов — циничные преступники.

Что же делать? Каков выход из тупика войны?

Мы считаем, что в первую очередь необходимо возобновить политический диалог с президентом Чеченской Республики Масхадовым, легитимность которого была признана международным сообществом и самим правительством России. Предметом таких переговоров должны стать достижение прекращения огня и решение ряда гуманитарных проблем (снабжение населения, раненые, беженцы и т.п.). При этом необходимо добиваться, чтобы возникающие конфликтные ситуации разрешались без применения силы.

Элла ван Вессель

Вопросы же фундаментальных разногласий (включая процедуру определения статуса Чечни) могут быть разрешены только путем дальнейшего переговорного процесса с участием представителей всего политического спектра Чечни без предварительных условий, началу которых должно предшествовать прекращение применения насилия с обеих сторон.

Международное сообщество предпринимает попытки склонить правительство России к политическому урегулированию конфликта. Мы считаем, что правозащитные организации должны всячески содействовать этому и приветствовать международное посредничество в политическом урегулировании конфликта.

Если же переговоры не дадут результатов, то проведение любых силовых операций должно осуществляться с соблюдением всех норм международного гуманитарного права, обязанность соблюдать которые Россия сама добровольно возложила на себя.

Мы, безусловно, должны потребовать:

во-первых, наказать всех виновных в преступлениях против мирного населения;

во-вторых, немедленно предпринять реальные шаги по поиску всех «исчезнувших» задержанных и арестованных;

в-третьих, немедленно ликвидировать нелегальные тюрьмы в воинских частях;

в-четвертых, навести элементарную дисциплину в воинских частях и милицеевских подразделениях, пресекать практику грабежей и насилия во время «зачисток»;

в-пятых, немедленно вывести из Чечни те воинские части и милицеевские соединения, которые скомпрометировали себя насилием над мирными гражданами.

Участники нашего съезда могли бы объявить о начале общероссийской акции неправительственных организаций с целью добиться выполнения всех вышеперечисленных требований, в первую очередь начала переговоров. Такая акция, если она будет проводиться, должна начинаться с широкой разъяснительной и просветительской работы с целью донести до широких слоев населения нашей страны информацию о том, что сегодня реально происходит в Чечне, о пагубных последствиях этой войны для будущего России.

Мы призываем наш съезд обратиться к органам Совета Европы с призывом не ослаблять критического внимания к событиям в Чечне. Не удовлетворяться декларациями, символическими шагами и мелкими уступками, не отказываться от принципиальной позиции по отношению к нашему государству в связи с этими событиями.

Поэтому давайте в нашем обращении к Совету Европы отметим, что до тех пор, пока в Чечне:

— не прекращено насилие со стороны федеральных сил в отношении мирного населения,

— в воинских частях и специальных отрядах милиции, дислоцированных там, не наведены порядок и дисциплина,

— не определена судьба «исчезнувших» задержанных и арестованных,

— не ликвидированы нелегальные тюрьмы в воинских частях,

— не наказаны военнослужащие и сотрудники МВД,

Алан Хасанов

виновные в тяжких преступлениях против мирных жителей,

— не воссоздана реально действующая правовая система, способная защитить права граждан,

было бы цинизмом говорить о реальном улучшении ситуации с правами человека в Чечне.

Мы сожалеем, что не была выполнена рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы государствам-членам Совета Европы передать в Европейский суд по правам человека вопрос о нарушении Россией положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При отсутствии попыток предъявить такой межгосударственный иск предоставление права голоса российской делегации в ПАСЕ на ближайшей сессии означало бы признание Советом Европы своего полного бессилия.

Давайте в нашем письме прямо скажем им об этом.

Москва, 20 января 2001 г.

Сергей Савинов

ОСТРОВА ГУЛАГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ ПУНКТЫ. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Перед отправкой на «фильтрапункт».
Наурский район Чечни.
Фото: Reuters.

«Подозрительного» отправляют в
фильтрационный лагерь.
Фото: «Общая Газета».

В таких ямах военные содержат узников.
Фото: В. Кулишов, журнал «Итоги».

Охрана фильтрационного лагеря Чернокозово.
Фото: Сергей Карпунин, Reuters.

Среди узников много женщин.
Фото: В. Кулишов, журнал «Итоги».

Задержанные в бункере. (Очевидно, район села Толстой-Юрт).
Фото: В. Кулишов, журнал «Итоги».

Фильтрационный лагерь Чернокозово. Чечня.
Фото: ИТАР-ТАСС.

Фильтрационный лагерь Чернокозово.
Чечня, март 2000 года.
Фото: Сергей Карпухин, Reuters.

Вход в один из фильтрационных пунктов. (Очевидно, район села Толстой-Юрт).
Фото: В. Кулишов, журнал «Итоги».

Новая партия узников.
Фото: Г. Косов, журнал «Итоги».

Инвалид на фильтрации.
Фото: В. Кулишов, журнал «Итоги».

Частоты вещания

Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23		
Частоты																										
5955	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
5985	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
6095	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
6000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
6105	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	
6115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
6140	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
7110	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7155	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7180	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7190	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	
7220	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	
7230	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7245	-	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7265	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
7270	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
9505	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	
9520	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	
9535	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9565	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9625	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9645	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9660	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
9680	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9705	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	
11725	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	
11805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	
11815	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11875	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11885	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	
11895	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11970	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
13640	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15130	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15145	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15205	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15215	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15250	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15265	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	
15370	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	
17730	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
17805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	
Частоты																										
Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23		

Зеркало в России: <http://euro.svoboda.org>

Радио Свобода в Интернете: <http://www.svoboda.org>

Ирина РАТУШИНСКАЯ

Серый — цвет надежды

(фрагменты)*

<...>

И вот меня везут на черной «Волге». Сказали, что домой. Сказали, что насовсем — освобождают вчитую. Даже вернули паспорт без отметки о судимости. И теперь любезно вызвались подвезти домой — в машине КГБ. Что это все значит? Я пытаюсь собрать свои мысли. Знаю, за мной наблюдают. Значит — никакой растерянности, никакого проявления эмоций. Сказывается четырехлетняя эзковская школа — не доверять! Не расслабляться! Сотрудник КГБ рядом со мной, ведет светскую беседу. Он-то знает, что сейчас происходит — действительное освобождение или очередной психологический этюд. Я пока не знаю. Мне еще полчаса этого не знать. А оснований сомневаться вполне достаточно: ведь сказали же мне три месяца назад, отправляя меня из мордовского лагеря, что я еду домой. А приехала я под конвоем в тюрьму КГБ в Киеве. «Ну что, Ирина Борисовна, освободиться приехали? Но ведь вам еще три года лагеря и пять лет ссылки... Пишите прошение о помиловании, тогда — может быть...» Помню свою злость в этот момент — не на них, конечно, на себя! От них иного и ждать было бы странно, но я-то хороша — поверила! И двое суток спецэтапом из лагеря в тюрьму ехала — домой. К Игорю, к маме, к собачке Ладушке... Ну не дура ли? Хорошо, хоть гебистам не показала, что верила — не дернулась, ни лицо, ни голос не выдали (система Станиславского). И тот психологический этюд у них провалился: не писала я им прошения о помиловании. И этот провалится тоже, если это очередной фокус. А может, на этот раз не фокус?... Уж больно нелепо — два раза повторять одно и то же.

А с другой стороны, мало ли они грампоздят нелепостей?

Не думать об этом! Вон листья падают, желтые, красные...

Октябрь. Мой пятый эзковский октябрь — неужели последний? Не думать! Вон гебист с тобой разговаривает... о чем бишь? О перестройке системы образования — и прекрасно.

<...>

А это что за здание? А это, Ирина Борисовна, построили недавно, вас тогда здесь не было. Помолчали. Вон парень с девушкой идут в обнимку. Проскочили — лиц не увидеть. Но, однако же, машина не зря петляет, вот и проспект Вернадского. Вот осталась пара кварталов до дома. Чтобы руки не дрожали — это ерунда... это все умеют. Ну, почти все. А вот с пульсом помер посложнее. Но необходимо — я теперь худая, как велосипед, и на нее видно, как каждая жилка бьется. Лучшее всего вспомнить начало Первого концерта Чайковского, все сразу внутри замедляется. Вот так. Теперь мы в полном порядке. Так что там у вас, товарищи, за программа? Дверь открывают.

— Позвольте, Ирина Борисовна, я вам рюкзак помогу... У вас какой этаж?

Правда, какой этаж? Адрес помню, телефон помню — сколько раз разным людям давала. Но этаж... хоть убей...

— Пятый. — Это автоматически сработало, помимо сознания, и оказалось верно. Вот и дверь нужная, вот и звонок, и Ладушка уже лает. Вот будет помер, если никого нет дома — ключа-то у меня нет. Или у гебистов всегда есть чем открыть?

— Кто там?

Голос мамы. Это Игоря мама, но я ее тоже мамой зову — с тех пор, как сижу. С тех пор, как на суде, одна в зале, услышала ее крик из коридора: «Пустите, там моя дочь!» Не пустили. Никого ко мне на суд не пустили. Но с того самого крика я ей — дочь, а она мне — мама.

— Кто там?

Что ответить? «Ира»? А может, надо отвечать «обыск»? Ведь не знаю же я до сих пор, с чем меня сюда привезли.

— Ира...

Коридор. Те же глиняные миски на стенах. Запах дома. Ладушка скачет и лает. То ли меня забыла — за четыре-то с лишним года — то ли чужой дядя ее смущает.

Мама, обмирая:

— Насовсем?

Говорю:

— Насовсем.

И только тогда она плачет.

<...>

Ну, наконец, последний этапный шмон! Цивильные мои одежды отобрали, оставив, правда, колготки и шерстяной платок. Прапорщица, что шмонает, оказалась не вредная. Зовут ее Люба. Про платок она объясняет, что вообще-то не положено, потому что клетчатый. Так что она его пропустит, а я потом раздергаю его на нитки, а из ниток можно связать носки. Носки и цветные не отнимут. Дает мне два синтетических платочка — вот и вся моя эзковская одежда. Телогрейка и сапоги у меня «установленного

Ирина Ратушинская

* Первое русское издание книги вышло в 1989 г. в Overseas Publications Interchange Ltd., (8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England). Опубликовано на английском, французском, немецком, шведском, финском, датском, норвежском, итальянском, голландском и японском языках.

Татьяна Великанова

образца», так что их она пропускает. Потом, поколебавшись, сует в мои вещи трикотажные спортивные брюки, которые пять минут назад сама же конфисковала.

— Бери, только не показывай никому.

<...>

Люба тихо чертыхается над ключами и огромным замком, и наконец все ворота скрипят, сотрясаются и отворяются. Колючая

провода. Дорожка к деревянному домику. Вид у домика более чем неофициальный: этакая дачная развалюха. Зато по ту сторону колючей проволоки — вполне официальная будка с автоматчиком. Вокруг домика несколько берез и кое-где уже пробилась трава. Вот и все. Здесь мне и быть еще шесть лет и пять месяцев — по эту сторону ворот, на этом пятачке. По дорожке ко мне уже идет худенькая женщина с седыми волосами. Что-то есть в ее лице покоряющее сразу и навсегда. Как ее могли судить, глядя ей в глаза? Что они чувствовали?

— Здравствуйте. Давайте ваши вещи.

Почти без улыбки смотрим друг на друга, но «почти» это тает, тает... Вот растаяло совсем: сложная вещь — первый эковский взгляд!

Она несет к дому мой тощий узелок, хоть и вдвое старше меня. Так здесь принято встречать гостей, а я сегодня гостья. Люба с нами в дом не идет, поворачивает обратно. Это надо почувствовать: все, никакой охраны! Охрана за колючей проволокой, а здесь только мы — в нашем доме. С большим напряжением сознания закрываю за собой свою дверь: разучилась...

Темноволосая, страшная истошенная девушка с горящими глазами — Тая Осипова. Она только-только вернулась после четырехмесячной голодовки.

Маленькая улыбочивая Рая Руденко. Такое лицо можно встретить в любом украинском селе — так и хочется повязать ей платок с перевитыми на голове концами!

Тоненькая до прозрачности Наташа Лазарева, с клоком волос, спадающим на лоб.

А та, что меня ввела в дом, женщина с удивительным лицом — Татьяна Великанова. Вот они — те, о которых я столько раз слышала по радио! Мое имя им ничего не говорит: и сидят они не первый год, и по радио меня не так-то часто упоминали. Мой срок говорит им одно: раз столько дали — значит, судили на Украине.

<...>

И опять разговоры, смех, счастливая путаница. Я действительно счастлива: это мой дом. Это мои друзья. Все они заморены, одеты в какую-то рвань, но как держатся! Все между собой на «вы», хотя и давно знакомы. Эта дистанция необходима, когда живешь в такой тесноте. Подчеркнутая вежливость обвязывает не раздражаться по мелочам, не лезть друг другу в душу, не делать тех ежеминутных эковских ошибок, которые обращают в ад уголовные лагеря.

— Не так страшна тюрьма, страшны люди, — говорила мне на этапе пожилая тетя Вера.

Здесь, в нашей зоне, люди не страшны — именно потому, что люди. Пусть мы все сбиты в один барак, пусть нищенски одеты, пусть приходят с обысками и погромами — мы люди. Нас не заставят стать на четвереньки. У нас не принято выполнять издевательские или бессмысленные требования администрации, потому что мы не отрекаемся от своей свободы. Да, мы живем за проволокой, у нас отобрали все, что хотели, отгородили от друзей и родных, но пока мы не соучаствуем в этом всем сами — мы свободны. А потому каждое лагерное предписание подвергается нашей проверке на разумность. Вставать в шесть утра? Почему бы нет. Работать? Да, если не больны и не бастуем — почему бы не шить рукавицы для рабочих — дело чистое и честное. Выполнять норму? Это уж зависит от того, до какого состояния вы нас доведете: будут силы — пожалуйста, нет — не обессудьте... Носить эковскую одежду? Все равно у нас другой нет, а прикрываться чем-то надо. Но вот расчищать для вас запретную зону мы не пойдем: ни прямое, ни косвенное строительство тюрем и лагерей для нас не приемлемо. На тюрьму не работаем — это уже ваше сторожевое дело. Запрет дарить или отдавать что-нибудь друг другу? Это не ваше дело, надсмотрщики и кагебисты, — и дарить будем, и на время давать, а надо — так последнюю рубашку снимем и отдадим, вас не спросим. Вставать по стойке «смирно», когда входит начальство? Во-первых, вы нам не начальство, а ваша тюремная иерархия нас не интересует — мы не ваши сотрудники. А во-вторых, это мужчинам по правилам хорошего поведения следует вставать перед женщинами, а не наоборот. У вас другие нормы поведения? Да, мы уже заметили, трудно было бы не заметить. Но мы уж останемся при своих: с вашего позволения или без такового. Конечно, за это будут расправы, мы знаем. Но так мы не потеряем своего человеческого достоинства и не превратимся в дрессированных животных.

<...>

Извольте обращаться с нами вежливо и на «вы», иначе мы не ответим, и вы будете до хрипоты вещать что вам угодно в пустоту — мы вас даже не будем замечать. Не приставайте к нам с вашими политчасами, докладами и прочей пропагандой — мы просто выйдем из дому и не будем вас слушать. И скажет безнадежно молодой офицер Шишочкин:

— Лучше иметь дело с двумя сотнями урок, чем с вашей Малой зоной.

А собственно, почему? Мы всегда вежливы — и с вами, и между собой. Драк и воровства у нас нет, в побеге не уходим. Рукавицы — и те шьем добросовестно, ноль процентов брака... Короче, живем как люди — охране никакой работы.

— А потому, — объяснит нам откровенный Шишочкин, — что, когдаходишь в уголовную зону, власть чувствуешь.

<...>

Однако зона ставит передо мной проблему, с которой я раньше не сталкивалась — нагрудный знак. На этапе, конечно, видела — но на других. Что это такое? На первый взгляд, невинная штучка — прямоугольник из

Татьяна Осипова

черной ткани, а на нем — фамилия, инициалы и номер отряда. Какого отряда? Я вроде бы ни в каких отрядах и организациях не состою — вот разве только член международного ПЕН-клуба, с моего ведома и согласия. Организации и отряды — дело добровольное для свободных людей. Ну, тут моего согласия никто не спрашивает: лагерная администрация растасовывает всех заключенных по отрядам, а у отрядов — номера... Нагрудный знак этот

положено нашивать на одежду и всегда носить на себе. Якобы для того, чтоб легче распознать, кто есть кто. Что за чушь! В зоне — четыре человека, а пятая. Бывали и будут времена, когда в нашей зоне больше десяти — но немногим больше... Так зачем же? А — по закону положено... Что же, нашью я на себя этот нагрудный знак или не нашью?

Этот вопрос задают мне соузницы на второй же день, выйдя со мной предварительно из дому.

<...>

Я-то знаю, что Малая зона нагрудных знаков не носит: это одно из тех самых издевательских и бессмысленных требований. Но мы ведь не отряд, и лично меня традиции зоны ни к чему не обязывают — это дело моей совести. Никто из моих новых друзей не потребует, чтоб я вела себя так, как они, — мы свободные люди. Что говорит моя совесть? Понятно, что она говорит, я уже знаю ответ, но от меня никто не ждет ответа сию секунду. Сейчас говорит Татьяна Михайловна: мне, как и всем на строгом режиме, положено три свидания с родными в год. Одно — длинное, от суток до трех, на усмотрение администрации. Два других — обязательно с интервалом в полгода — короткие, два часа. Эти свидания — через стол (нельзя даже поцеловаться), а между нами сидит кто-то из охраны, и если мы говорим «неположенное» — свидание прерывается. Длинное свидание я могу получить прямо сейчас. Какое это будет блаженство — хотя бы сутки в крохотной «комнате свиданий» — вдвоем с Игорем, и без посторонних! И как мне нужно это свидание, ведь в голове у меня целый новый сборник стихов — передать бы его на свободу... И как нужно зоне это свидание, очередную информацию давно пора передать. Ведь за это время что только не произошло: и четырехмесячная голодовка Тани Осиповой, и в ШИЗО почти все перебивали, и забастовка была... Об этом Татьяна Михайловна, впрочем, молчит, для таких разговоров со мной еще не время. Она объясняет мне следующее: любого из свиданий администрация может меня лишить — «за нарушение режима». Пока я еще ни в каких «нарушениях» не замечена, и придет Игорь сегодня — по закону нам свидание должны дать. Но придет он не раньше чем через неделю — пока получит мое письмо с адресом зоны, пока доберется... А с нагрудным знаком решится завтра, и если я его не надену, то свидания вполне могут лишить, ведь налицо «нарушение»...

<...>

Родной мой, любимый, простишь ли ты меня, что я ставлю нашу с тобой встречу под угрозу? Но ты же знаешь, что мне иначе нельзя, что не должна я даже один раз прыгнуть через эту тюремную палочку... Как бы ты повел себя на моем месте? Мы ведь дали друг другу слово когда-то: в случае ареста не позволим шантажировать себя друг другом! Говорю:

— Нет, конечно, знак я не надену.

<...>

Наташа из Ленинграда. Сидит за издание женского журнала «Мария», самиздатского, разумеется. Проблемы двойного женского рабочего дня — восемь часов на работе, а потом еще часов пять-шесть по очередям за продуктами, на коммунальной кухне за приготовлением обеда, над тазом со стиркой на всю семью — потом, году в 86-м, появятся в официальных советских газетах. Но в 82-м, когда Наташу арестовали, это считалось антисоветской агитацией и пропагандой. У Наташи измученные глаза и веселый рот.

<...>

Завтра Наташа ложится в больницу: что-то у нее с кишечником от эсковской пищи. Из больницы ее выгонят за общение с хозобслугой, лечения она никакого не получит, и до начала 84-го года ее будут объявлять симулянткой и отправят в ШИЗО. К 84-му мы коллективными голодовками добьемся для нее лечения. Ее обследуют и обнаружат запущенный язвенный колит, который в лагерных условиях вылечить уже невозможно. Но пока у нас мирный, веселый день. Один из немногих спокойных дней, что нам остались. Приносят ужин — это значит, пять часов. В соленой воде плавают кусочки нечищенной, с потрохами и чешуей, рыбы и несколько картошин. Раечка берется за дело: отлавливает рыбу и картошку из бачка, чистит (лучше поздно, чем никогда), крошит все это с чесноком и экономно поливает подсолнечным маслом из лузырька: этого масла нам положено по пятнадцать граммов в день, а о сливочном на ближайшие годы лучше забыть. Салат «Малая зона» готов. Ужин легкий. «Настоящие леди после шести часов не едят», — смеемся мы. Да и нечего больше есть, так что лучше смеяться.

Таня Осипова включает телевизор. Он у нас старенький, черно-белый, конечно, и все время ломается. Его приходят чинить, и он работает еще пару дней — до следующей сгоревшей лампы. Будут потом попытки администрации вывести выключатель телевизора на вахту с тем, чтобы отключать его по своему усмотрению. Но мы с Таней замкнем нужные проводки, в администрация сделает вид, что этого не заметила — не все тут такие, как Подуст, и плевать им, в конечном счете, что и когда мы смотрим — лишь бы не после отбоя. Меры приняты — и точка, можно отчитаться перед комиссией. Но сегодня вечером нам никто голову не морочит, и смотрим мы спектакль по Ростану — добрый старый Сирано де Бержерак. Сирано умирает, и Таня плачет. Она такая, наша Таня — может плакать над фильмом или книгой, а может четверо суток отказываться от воды или пищи, одна в камере, безо всякой поддержки — пока ей не вернут отнятую Библию. И Библию, как боики, приносят обратно: пятые сутки «сухой голодовки» — верная смерть, а допустить смерть политзаключенной из-за Библии — это для них «нежелательная огласка»... Правда, поддержка

Наталья Лазарева

Тане в тот раз была с весьма неожиданной стороны: в соседних камерах сидели уголовницы, и все они провели однодневную голодовку в поддержку Тани. Собирались голодать и дольше, но сама Таня отговорила — с уголовницами расправа проще, чем с политическими, и они были бы не в равном положении.

Мы с Татьяной Михайловной выходим посмотреть на звезды, и Нюрка увязывается с нами. Говорят, кошки не различают

цветов, и я никогда не узнаю, красная Бетельгейзе и желтая Капелла для Нюрки одного цвета или нет? Мы говорим и об этом, и о биополе, и о странной несприязни Татьяны Михайловны к мультфильмам, и о тех, кто на свободе: им сейчас труднее, чем нам. У нас-то сегодня все спокойно, а они там за нас переживают. А пока напишешь письмо, пока оно пройдет цензуру и дойдет — ситуация может быть, поменяется. Они будут думать, что все в порядке, а нас распирают по камерам штрафного изолятора — ШИЗО. Письма про ШИЗО, впрочем, цензура не пропускает: «Никаких упоминаний про наказания!» Они такие застенчивые, наши гебисты: мордовать нас они готовы до бесконечности, но так, чтоб об этом никто не знал и чтоб мы сами скрывали, а то письма не пропустят. Нет уж, дорогие, мы сделаем так, чтобы все знали, что происходит в нашей зоне. Лишайте нас свиданий, перекрывайте переписку — информация все равно дойдет куда надо и когда надо. Как? Это уже наши эзковские секреты.

<...>

Наутро Раечка Руденко начинает хлопотать, чтобы как-нибудь меня приодеть, — выданные мне два ситцевых платья явно не по сезону.

<...>

Года за полтора до моего приезда нашим почему-то выдали «железнодорожные» платья-костюмы из плотной хлопчатки. На них металлические пуговицы с перекрещенными винтовками. Чья это форма попала в зону — остается только гадать. Заласливая Раечка (она у нас дневальная) приберегла одну такую робу, когда кто-то уезжал в ссылку, — «для тех, кто придет». Я могу два раза в нее завернуться, значит, полная свобода фасона: материала хватит. Смешно, казалось бы, где уже тут думать о фасоне! Кто нас увидит? Да и я сама себя не увижу: самое большое зеркало в зоне — по размеру с десертную тарелку. А вот поди ж ты — женщина — везде женщина. И я обдумываю свою будущую юбку — четырехклинка или шестиклинка? — со всей серьезностью. Ну, может быть, — не со всей серьезностью: ведь сама же смеюсь. Но тем не менее... С большой охотой берусь переделать такую же робу для Раечки. На свободе я немножко шила (поди найди что-нибудь приличное за мои копейки!), и сейчас пальцы истосковались по иголке.

<...>

Раечка, видя такой мой энтузиазм, тащит меня «в кинобудку». Когда-то раньше в зону привозили фильмы и

крутили их раз в неделю. Была крохотная пристройка к дому для всего этого оборудования. Потом фильмам пришел конец, оборудование увезли, а в кинобудке валяются старые телогрейки и «бабушкины тряпки». Почему «бабушкины»?

А оказывается, в зоне были женщины, отсидевшие раньше по 20-30 лет, а некоторые и побольше в других лагерях. Они из секты «истинно православных христиан» — тех еще, которые после мученической смерти патриарха Тихона официальную советскую Церковь православной не признали и новому патриарху, посаженному большевиками, не подчинились. Ушли в катакомбы, как первые христиане — христиане последние, верные убиенному патриарху и расстрелянной Церкви. Жить они жили в миру (кто б им позволил монастыри?), но с рядом ограничений: ни в каких официальных советских учреждениях не работали, советских денег и документов в руки не брали — мол, это все от сатаны. Подрабатывали частным порядком у добрых людей, а те платили им хлебом и одеждой, которая самим не нужна. Для государства они, конечно, были злостными нарушителями паспортного режима, уклоняющимися от трудовой повинности, да еще к тому же незарегистрированными верующими. Ясно при этом, что получали срок за сроком. А в лагерях, опять же, на работу не выходили.

Значит — не вылезали из карцеров. Сколько их умерло по лагерям — никто, кроме КГБ, не знает. А некоторые выжили, вот из них-то и были наши «бабушки». Так их называли в зоне — в большинстве они были уже старые и больные. Для прочего эзковского населения и для охраны — на всех этапах и пересылках — были они «монашки». И нас потом по инерции так называли:

— Откуда едешь?

— С «тройки», с политической зоны.

— А-а, монашка, значит...

Запомнились им, видно, эти тихие, но упорные, вежливые женщины. Да и как не запомнить: нормальная эзчка, если что не так, изматерила бы с ног до головы, а эта:

— Прости тебя Бог, сынок!

Но даже освобождаясь после очередного срока, справку об освобождении в руки не возьмет. Так и уйдет без единой бумажки, на новый верный срок. И с ее точки зрения, это нормально: а как же, она за Господа страдает. А ненормальные как раз мы все — сатане покоряемся и власти сатанинской — только чтобы отстали и не мучили. А где ж это видано, чтоб сатана отстал? Он только пуше возьмется, дальше в душу влезет... Такая была и остается их логика. Некоторые из них еще живы, сидят по ссылкам. У наших «бабушек» некоторых уже и ссылка кончилась, но снова в зону они не приехали: таки отстал сатана, отчаялся. А другие еще сидят по лагерям — с ясными лицами, готовые умереть за Господа — нет чести выше.

<...>

Начальство, впрочем, к концу следующей зимы спохватилось: какое такое нижнее белье неустановленного образца? Нижнее белье женщине положено одно — хлопчатый мешок на лямках, из той же ткани, из какой простыни. А все остальное — изъять и сжечь. А то и вправду не замерзнут. Как же тогда воспитательная работа? И изъяли, и сожгли. Хорошо хоть, «бабушки» не

знают, их к тому времени в лагере уже не было. Верят, наверное, до сих пор (кто жив), что хоть немного нас обогрели, радуются.

И пусть не знают. Может, и вам, читатель, знать бы этого не следовало? Все равно не осталось уже на свете «бабушкиного» ящика, и не прошибет вас над ним слеза. Зона наша теперь закрыта, но мемориал там будет нескоро.

<...>

Приехали новенькие: Ядвига Беляускаене и Татьяна Владимирова. Ядвига из Литвы, ровесница моей матери. Это у нее второй срок, первый она получила еще школьницей, когда советские войска «освободили» Литву. Тогда по всей Прибалтике шли повальные аресты. Сажали не только тех, кто оказывал сопротивление (пусть даже моральное), но и тех, кто в принципе мог бы его оказать. И угораздило же Ядвигу занять на школьных спортивных соревнованиях второе место с конца по стрельбе! Это, воля ваша, подозрительно: зачем она стрелять учится? Спорт? Знаем мы такой спорт! И Ядвига получила ни много ни мало — двадцать пять лет. Я часто думала: а что ж было с тем пареньком или той девчонкой, кто занял первое место? По логике того времени — приговор должен был быть еще круче? Но по кодексу того же времени — большего срока не было: за «четвертаком» шел сразу расстрел...

Ядвига наша, однако, все двадцать пять не отсидела — только восемь. Прошла и через побой в тюрьме, и через Сибирь, и туберкулез заработала. Потом на свободе лечили антибиотиками — испортили ей печень. К нам она приехала уже с вырезанным желчным пузырем. Батюшки! А чем же мы ее кормить будем? Ведь нужна диета, а где ее возьмешь? От «комбижира», которым нам заправляют баланду, и здоровая-то заболает! Вот Раечке нужна диета — так она только огородными овощами и живет... Да много ли Ядвиге сидеть? Оказывается, порядочно: 4+3. За что? А, оказывается, мало ей было тех восьми лет, и что Сталин ее своей смертью освободил — вовсе не наставило ее на путь строителя коммунизма. Она в Бога уверовала! И, ревностная католичка, помогала мятежным литовским священникам воспитывать в вере детей и молодежь! У них и театр был самодеятельный, и совместные чтения... А тут до власти дорвался старый чекист Андропов, и полетели разрядки на новые аресты. Докатилось и до Прибалтики — вот наша пани Ядвига и здесь.

Высокая, худая, очень прямо держащаяся. По-русски говорит, хотя и с трудом поначалу подбирает слова. Она не первая в зоне из Литвы, до нее сидела Нийоле Садунайте, но уже ушла на свободу. У Ядвиги хорошая улыбка и, как потом оказалось, все умеющие руки. Главная ее боль — те школьники шестнадцати-семнадцати лет, которых запугали кагебешники и принудили давать на нее показания. Говорит, некоторые плакали на суде, просили у нее прощения. Как они теперь — с таким надломом в душе? Выстоят ли эти дети (она их называет детьми!) в советской мясорубке или навек потеряют все, что дала им юношеская вера? И молитвы ее за них — пусть Господь им простит малолетнюю оплошность, пусть поможет подняться! Еще переживает за сына: он студент, как на нем отразится ее арест?

<...>

И стояла наша Малая зона, и разбивалась о нее вся волна, которую гнали советские органы с одной целью: сломить! И выстояли мы до конца: ни одна «помилровка» не была написана из нашего лагеря. Не удалось им нас поставить ни на колени, ни на четвереньки — мы не желали оскотиниваться! Мы были не звери. Но и не ангелы. Просто — люди.

<...>

Андроповский поток между тем только начинался: аресты шли по всей стране и докатились, конечно, до нашей зоны. Привезли Галю Барац. Они с мужем оба родом из Закарпатья, родились, собственно, в Австро-Венгрии. Потом это стало частью Украины, а они — соответственно — украинцами и подданными СССР. Были оба коммунистами, жили в последние годы в Москве, имели машину и вообще были обеспечены. Но вот взяли и уверовали в Бога, да еще пошли к самым преследуемым верующим — пятидесятникам! Отказались от партбилетов (представляете скандал!) и даже написали письмо западным коммунистам: мы, мол, не хотим ни строить коммунизм, ни нести за него ответственность. А вы, наоборот, хотите. Так не поменяться ли нам местами? Вы, добровольно, — в нашу московскую квартиру, а мы — на Запад, прочь из СССР.

Конечно, одного такого заявления хватило бы, чтоб посадили. А они еще и в молениях участвовали, и с иностранцами корреспондентами встречались. Весной 83-го взяли обоих: Васю — пораньше, Галю — попозже. Судили не в Москве, а в Ростове-на-Дону — чтоб огласки поменьше. Привезла Галя срок: 6+3. Высокая, крупная, с сильной проседью. Спортивный костюм, в котором она приехала, с нее тут же содрали, а принесенные взамен казенные платишки на нее не налезают! А других нет! Думаете — общее волнение, конфуз, вернулись ей тут же ее одежду? Как бы не так! Повернулись себе и ушли, оставив Галю в трусах и лифчике. Только мы успели ее хоть чем-то прикрыть из нашего барахла — Подует тут как тут:

*Господи, как он там? Присмотри за ним,
Чтоб с ума не сошел в пустом закутке квартиры.
Устыди его боль, от отчаянья охраня —
Чтобы с ясным лицом — за двоих —
Он встал перед миром.
Подымаю чашу — да будет воля Твоя!
Видишь: руки спокойны, легко беру и не трушу.
Но на черно-белой эмульсии бытия —
Укрепи его душу!
Мне светлей, чем ему, и дорога моя проста:
Отшлифована сколькими! Вызубрен каждый камень!
Мне не трудно на ней — гляди! Лишь его не оставь
В сумасшедших углах, размеченных пауками!
Только руку не отними от его плеча,
Только не лиши опоры — Твоей твердыни,
И ошейник он снует на нашу печаль
Из бессмертного сплава верности и гордыни.
А когда мы вместе встанем пред Тобой,
Ни о чем не прося — что больше, когда мы рядом? —
Ни клинком не разнять, ни архангельскою трубой! —
Мы ответим Тебе, не опуская взгляда.*

окт. 1982, тюрьма КГБ, Киев

Ядвига Белкусене

фонд «для тех, кто придет», и мы приодели Галю из своих ресурсов (заодно пани Ядвига научила меня, как вставлять рукава и щегольски обметывать петли).

Не успела обжиться на новом месте Галя — привезли Эдиту Абрутене. Они с мужем — литовцы, и даже правозащитниками, строго говоря, не были. Просто хотели эмигрировать. А с чего бы это литовцам позволять эмигрировать? Отказали им в отъезде, они — добиваться, активничать. Посадили ее мужа на три года по 190-й статье (клеветнические измышления на советский строй). Эдита, оставшись с маленьким сыном, промышляла случайными заработками, в том числе и спекуляцией. Но отъезда продолжала добиваться. Отсидел свой срок Витас Абрутис, вернулся домой — и через три недели взяли Эдиту, ляпнули ей 4+2! В зону она приехала в голодовку, которую объявила еще в тюрьме КГБ, — добивалась пересмотра дела. У нее уже и голоса не было — сле прошелестела она нам свою историю (хотя, как потом оказалось, от природы обладала богатыми голосовыми данными). Через день ее увезли: голодающих положено изолировать. Недельку спустя она вернулась — сняла голодовку. Что-то там ей наобещали (и ничего, конечно, не выполнили). Но ведь у них такой подход: ты сними голодовку, а тогда мы сделаем все, что требуешь. Что верить этим басням нельзя — Эдита не знала, вот и попалась, а возобновлять голодовку потом у нее уже не было сил. Отлеживалась она, приходила в себя, и к работе ее поначалу не привлекали — она еле на ногах держалась. Это еще было время, когда лагерная докторша Волкова после длительной голодовки давала с неделю «освобождения от работы». Но потом оказалась у нас проблема: Эдита не желает работать вообще!

— Я на них ни дня за свою жизнь не работала!

Мы, честно говоря, испугались: ведь затаскают по карьерам нашу Эдиту до смерти! И уж как мы за нее ни заступайся — вряд ли от нее отцепятся. Не хватит ли с нее общих бед за нагрудный знак (она его тоже не надела)? Но, с другой стороны, у человека — свой принцип, и что мы тут можем сделать? Думали-думали — исхитрились на компромиссный вариант — пусть она у нас будет дневальной. Дневальная, в конце концов, работает не «на них», а на своих же союзниц. Тем более, что Раечка быть дневальной устала, у нее суставы на руках болят от постоянной возни с водой, да еще врач Волкова пошла придираться — тут паутина, там занавеска не идеально

— Надевайте нагрудный знак!

— Куда? К лифчику цеплять? Вы бы хоть раньше одежду дали, а потом про бирку говорили.

— Не моя забота — куда цеплять, а только чтоб нагрудный знак был! Тут Галя ей цитатой из Писания:

— «Вы куплены дорогою ценою, и да не будете рабами человек!»

— Так не наденете?

— Не надену!

— Ну, пеняйте на себя!

Счастье, что у нас был

белая, санитарное состояние зоны неудовлетворительное.

<...>

— Осипова и Лазарева — в ШИЗО! За отказ от ношения нагрудного знака — десять и тринадцать суток!

В общем, этого следовало ожидать. Тащим все теплос, что только есть. Вот когда пригодились «бабушкины» лифчики! И какое счастье, что мы успели раслустить на нитки тот шерстяной платок, который мягкосердечная Люба позволила мне принести в зону! Эдита уже связала из этих ниток «шизовые колготки» — такие длинные, что на любую из нас налезут. На маленькой Тане эти колготки собираются гармошкой, но это ерунда! Теплее будет. Мы снаряжаем наших подруг на совесть: сейчас-то тепло, но мордовский август — месяц коварный. Каково им будет там, в сырой камере?

Наспех стараемся накормить напоследок — им тринадцать суток недоедать. Горячая пища в ШИЗО — через день. Да и то — баланды, почти одна вода. Подуст, конечно, суетится и поторапливает, но мы ее не слышим. Наконец одна из дежурячек не выдерживает:

— Женщины! На «кукушку» опоздаем!

«Кукушка» — это маленький паровозик, который возит поезда с ИТК-3 до ИТК-2. То есть от нашего лагеря до соседнего, где ШИЗО. Таня, королевски:

— Из-за меня кагебешники на два часа самолет задерживали, так подождет и ваша «кукушка»!

А нам, оставшимся, что делать? У нас это договорено давно: ШИЗО — значит, забастовка. Больная в ШИЗО — голодовка. А Наташа, безусловно, больна. Значит, мы будем голодать все время, пока она в ШИЗО. Таня и Наташа это знают. Провожаем их до ворот, целуем.

Это 17 августа 83-го года. Голодовок «кстати» и вообще-то на свете не бывает, но эта более чем некстати. Дело в том, что в сентябре будет Мадридская международная конференция по правам человека и по проверке, как выполняется Хельсинкское соглашение. Мы-то знаем, что в нашей стране оно никак не выполняется. Но наши дипломаты будут заученно врать, западные их коллеги будут благодушно кивать, а кто и не поверит — как сможет доказать факт нарушения? Ведь тем, кто в нашей стране не боится сказать правду, в Мадрид ехать не позволяют! Кто в СССР проверял выполнение Хельсинкского соглашения? Самодеятельные хельсинкские группы, им бы в Мадриде и докладывать. Так их всех пересажали в лагеря и психушки, их не то что в Мадрид — за колючую проволоку не выпускают!

Словом, решили мы в знак протеста объявить восьмидневную голодовку, а на Мадридскую встречу отправить свое свидетельство. И начало этой голодовки назначено на 7 сентября, и текст нашего обращения уже ушел в Мадрид нашими секретными каналами. Переменить это никак нельзя. Вот и считаем: сегодня начата голодовка продлится в лучшем случае до 30 августа (это если Наташе не добавят срок ШИЗО). Не успеем выйти из первой — начинать вторую. А куда денешься? Одну меру мы, впрочем, принимаем: решением зоны запрещаем пани Ядвиге в этот раз голодать. Просто не выживет, если две голодовки подряд. О, какие магические слова — решение зоны! Иначе пани Ядвиге, с ее кремень-характером, пожалуй бы, и не отговорили. Она сразу же начинает ухаживать за нами, голодающими. Смеемся:

— Да что вы, пани Ядвига, ведь только первый день! Мы еще и не проголодались как следует!

Она упорствует:

— Ничего, ничего, нужно с первых часов экономить силы!

Нюрка в недоумении: где ее обед? Мы обычно уделяем ей все, что хоть как-то съедобно для кошки, из собственного пайка, а тут все отправляем обратно на кухню. И в доме хоть шаром покати, ларька-то нас в августе лишили!

<...>

Мы пытаемся объяснить Нюрке, что такое голодовка, но она отвечает вопросительным «мяу?». Потом, сообразив, что толку от нас не дождешься, надолго исчезает. Вечером я сижу на травке, стараясь не чувствовать, как начинает сосать под ложечкой. И слышу за собой ликующее «мр-р-р!» Это Нюрка где-то раздобыла большую мышь и теперь кладет ее, задущенную, передо мной. Мы обычно хвалили Нюрку за исполнение обязанностей: к похвалам она очень чувствительна. И я, со всей добросовестностью, ахаю:

— Ай да Нюрочка! Ай да умница! Ах, охотница ты наша ненаглядная! Да без тебя бы нас уже засли эти мыши! Да где ж ты такую серую раздобыла? Геронья! Красавица! Пионерка! Отличница!

Однако Нюрка, выслушав положительные восторги, еще чего-то от меня хочет. И даст понять весьма недвусмысленно — чего именно. Оказывается, она не из хвастовства принесла мне свою добычу, она хочет меня накормить! Как могу, объясняю ей, что в голодовке не положено есть даже мышей. Поняла? Поняла. Берет свою жертву в зубы и уносит. Потом оказывается, что она приволокла ее в дом и пыталась угощать всех по очереди! Выслушав многократные вежливые отказы, сообразила, наконец, что голодовка — дело серьезное, и деликатно слопала свою мышь в сторонке, стараясь, чтоб никто не видел.

<...>

— Руденко, Великанова, Ратушинская! В больницу! Мы должны вас изолировать как голодающих...

Это вваливаются офицеры с дежурнячками. Это значит, они решили нас троих насильственно кормить: заковывать руки в наручники, разжимать рот железом, кроша зубы, загонять в горло шланг и заливать два литра какого-то раствора. Процедура, здорово смахивающая на изнасилование, — но таков «гуманный советский закон».

Мне про эту процедуру рассказывала Таня Осипова — ее так мордовали через день всю четырехмесячную голодовку. Спасти жизнь голодающего? Ерунда — и с

насильственным кормлением никто не выживает, если дело длится долго. Цель другая — растянуть мучения не на два месяца, а на год-полтора. Если выдержит — все равно умрет, если не выдержит — снимет голодовку, а значит — сдастся. Поэтому все организуется не так, чтоб сохранить силы, а так, чтоб мучительнее. В сжавшийся от голодовки желудок закачать сразу два литра — дикая боль. Мы вон на седьмой день с трудом выпиваем полкружки воды за раз. Улегшееся было чувство голода, едва что-то попадает внутрь, возобновляется с новой силой. «Пусть чувствует!» Потому и кормление два-три раза в неделю. Да еще после этого держат минут сорок в наручниках, не давая встать, — чтоб не было рвоты. Голодающие мерзнут даже при нормальной температуре — так держать их в помещениях похолоднее! Откуда у заключенного теплое одеяло или шерстяная одежда? Пусть, пусть померзнут! Ну и так далее.

<...>

Мы совещаемся, как быть? О том, чтобы снять голодовку, конечно, речь не идет. Отбиться от насильников — немыслимо, их целая орава, да еще с наручниками. Но спустить такое над собой издевательство?! Ну же, ну же — как отбиться у них охоту, раз и навсегда? Будем мыслить логически. Чего они больше всего боятся? Огласки! Так будет им огласка — и не через месяц, когда до друзей на свободе дойдет информация, а в тот же день и час! Все очень просто: мы в центре больнички, куда свозят женщин из трех лагерей. Да еще хозобслуга, живущая здесь постоянно. Больничка переполнена, здесь уйма народу. Да у них, помимо того, связи с мужской уголовной зоной — она тут же, через забор. Получается, если мы перед кормлением успеем прокричать, кого мордуют и за что, — знать это будет не меньше тысячи человек. Многие из них освобождаются вот-вот, отбыли срок. Значит, повезут информацию на свободу. А если еще прокричать телефон, по которому сообщить, — найдутся такие, что и запомнят, и сообщат. Телефон же Игоря в КГБ и без того

известен — никакого дополнительного риска. Только надо начать сразу, как «гуманисты» кинутся, — и как можно громче! Имена ээкам запомнить нетрудно, потому что вся больничка знает нас поименно и в лицо. Только громче, и постараться все успеть, пока не заткнут горло шлангом. Что одна не докричит — другая дополнит. Татьяна Михайловна колеблется:

— Как это я буду кричать? Да я и кричать не умею, никогда не приходилось. И вообще, кричать под пыткой... Я убеждаю:

— Да не под пыткой кричать, вы под этой пыткой разве только хрипеть сможете. А до нее, когда уже станет

*Когда-нибудь, когда-нибудь
Мы молча завершим свой путь
И сбросим в донник рюкзаки и годы.
И, невесомо распрямясь,
Пореем мучительную связь
Между собой и дальним поворотом.
И мы увидим, что пришли
К такому берегу Земли,
Что нет безмолвней, выжженной и чище.
За степью сливы расцветут,
Но наше сердце дрогнет тут:
Как это грустно — находить, что ищем!
Нам будет странно без долгов,
Доброжелателей, врагов,
Чумных пиров, осатанелых скачек.
Мы расседлаем день — пастись,
Мы удержат песок в горсти
Не попытаемся — теперь ведь все иначе.
Пускай победам нашим счет
Другая петопись ведет,
А мы свободны — будто после школы.
Жара спадает, стынет шлях,
Но на оставленных полях
Еще звенят медлительные пчелы.
Ручей нам на руки польет,
И можно будет смыть налет
Дорожной пыли — ласковой и горькой.
И в предвечерней синеве
Конь переступит по траве
К моей руке — с последней хлебной коркой.*

16 июля, 1984 ЖХ-385/2, ПКТ

Галина Баран

ясно, что они-таки сейчас это начнут! И не от боли же визжать, а — прокричать информацию! Ну, как уходящему поезду прокричали бы...

Раечка в дискуссии не участвует — ей совсем худо. В голодовке ей все время душно; в зоне, чтоб легче дышалось, она лежала снаружи на траве. Тут же мы закупорены наглухо, и кубических метров воздуха явно не хватает. Окно, разумеется, закрыто и зарешечено. Бить стекла?

Только хуже — распахают врозь по маленьким боксикам, там и света нет, и дышать совсем уже нечем: они без окон. Начинаем хлопотать вокруг Раечки и к единому решению не приходим. Впрочем, против идеи самой по себе Татьяна Михайловна ничего не имеет, она только сомневается, что выйдет у нас крик. Это — чисто психологический барьер. Кричать интеллигентному человеку неестественно, значит, надо себя заставить. Но всегда ли удастся заставить себя, если даже надо?

Восьмой день голодовки. Мы с утра чувствуем себя неплохо. Ну, слабость, конечно, но уж не такая, чтоб совсем без сил. Приносят обед, ставят под нос. Ого-го, чего наготовили! Обычно одного запаха баланды довольно, чтоб отбить аппетит, а тут... Ладно, как приносят, так и уносят.

— Великанова! Врач вызывает. Хочет вас обследовать.

Так. Началось. Какой-то грохот, звон битого стекла... Это, как потом оказалось, наша сдержанная Татьяна Михайловна высадилла локтем стеклянную дверь, за что я ее потом буду дразнить «хулиганкой». Крик. Да еще какой! Видно, в стрессовых ситуациях мы способны на такое, чего сами от себя не ожидали бы. В этом мне предстоит лично убедиться через несколько минут. Раечку трясет. У меня тоже сердце рвется (насколько ужаснее были эти минуты того момента, когда взялись за меня!). Но стараюсь запомнить, что она успела крикнуть, что — нет. За дверью все стихает. Значит, одолели.

— Ратушинская!

Ну, дорогие, сейчас мы с вами позабавимся. Меня несет над полом никогда еще не испытанная ярость: Татьяну Михайловну?! Вы посмели пальцем тронуть Татьяну Михайловну... Ну, вы у меня попляшете!

Шестеро мужиков в военной форме. Врач Вера Александровна Волкова. И, конечно, Подуст. Как я ни взбешена, но меня поражает и навсегда впечатливается в сетчатку ее вид. Она возбуждена необычайно: глаза горят, лицо в красных пятнах. Ноздри дрожат и раздуваются — вся она в порыве дикого, садистского восторга. Никогда я такого не видела, только в книжках про фашистов читала, но и то считала художественной метафорой.

Вера Александровна:

— Ратушинская, по инструкции мы должны на седьмой день кормить голодающих. Мы и так уже на день задержали... Может, будете есть сами?

— Я не даю своего согласия на кормление. Я голодаю в защиту Лазаревой. Вы же врач — как вы подписали ей ШИЗО?

— Ратушинская, мы должны заботиться о вашей жизни.

— А о Лазаревой, значит, вы уже позаботились? Заявляю, что могу проголодать тринадцать суток безо всякого вмешательства. Обследуйте меня — и убедитесь. Пол я при вас мыла — вы не протестовали?

— Ратушинская, будем кормить!

<...>

И тут на мои плечи наваливаются сзади. Локти и кисти рук вперед! Чтоб не сразу успели надеть наручники!

— Больничка, больничка! Запомните все!

И я кричу все: имена, за что голодовка, кто в ШИЗО, сколько суток и кого насильственно кормят. Орава виснет на мне, но я, видимо, в том состоянии, когда выносят сейфы из горящего здания и плечом останавливают автомобиль. Я таскаю их на себе по всей комнате и кричу, кричу — повторяю все уже по второму разу.

— Телефон четыре-четыре-три-три-девять-нать! Киев! Игорю! Четыре-четыре-четыре-три-три-девять-пять! Запишите сразу!

И еще. И еще! Я не чувствую ни боли (руки уже скручены), ни веса их тел. Только чувствую, что рука, сильнее прочих прихватившая меня за плечо, дрожит.

Нет, непривычная работенка выпала сегодня нарядно внутрилагерной охраны! Не тренированы они на это дело, да и отпора такого не ждали, да и потрясены предыдущей сценой. Они даже не сразу соображают, что я не кусаюсь, не лягаюсь — просто выворачиваюсь из их рук. И стыдно им (у них-то нет садистского ража), и торопятся — поскорей, поскорей прекратить мой крик! Догадались, наконец, что не наваливаться на меня надо, а просто оторвать от точки опоры — и, как перышко, вскинули вверх. Скорее, с размаху — на деревянный топчан! Где уж тут соразмерить силы шестерых мужиков с моим голодовочным весом.

В моей голове с грохотом лопнул красный шар, и что было дальше — я знаю только по рассказу Татьяны Михайловны.

<...>

Но самого главного события в эти голодовочные дни мы, оказывается, еще не знаем! Только теперь, когда все в сборе, Таня и Наташа начинают рассказывать. И чем дальше — тем менее мы способны сдержать восторженный стон, а потом и хохот. Ведь бедная Подуст так торопилась закатать ненавистных Лазареву и Осипову в ШИЗО, что еле дождалась конца нашего свидания! Иначе, конечно, нельзя: а вдруг я ляпну Игорю о происшествии? Тогда — та самая огласка, которой они так до смерти боятся... Но свидание-то наше кончилось в восемь вечера, а последняя «кукушка» уходила из Барашево на Потьму часом раньше. Значит, пришлось Игорю, Алье и нашим обеим матерям (они, оказалось, тоже

приезжали, да их ко мне не пустили) тут же заночевать, а утром направиться на первую «кукушку» — ту самую, что должна была везти наших подруг. В Барашево правы простые: вольные и эски едут одним поездом, только в разных вагонах. Да и чего стесняться, все вольные здесь — тюремщики. Что они, эсков не видели? А на свидания сюда приезжают редко — не заказывать же отдельный поезд для случайных посетителей! Мы с наслаждением представляем себе, что было дальше: вот ведут Таню с Наташей два автоматчика. Выводят из зоны — и к платформе, где Игорь с семьей и кучка сотрудников лагеря, едущие в свободный день отовариваться на Потьму, а то и в Москву. На что был расчет? Что не узнают друг друга? Как бы не так! Конечно, они никогда не встречались, но, раз нет нагрудных знаков, — ясно, что женская политическая зона. Игорь уже открыл было рот, но Таня его опередила:

— Здравствуйте, Игорь!

Она-то знала его в лицо, как и я ее Ивана — сколько мы вместе просиживали над фотографиями наших мужей! Игорь кинулся к ним:

— Куда вас везут? Как фамилии?

И Таня отчетливой скороговоркой чеканит ему: кого везут в ШИЗО, и за что, и кто голодает и бастует. На сколько суток каждую — и то не забыла! Что делать автоматчикам? Стрелять? Так нет же попытки к побегу! Тут, наконец, лагерная публика на платформе (в основном бабы), даром что не при исполнении обязанностей, догадалась кинуться на Игоря, оттесняя его от наших. А он, стяхивая их с себя — осторожно, чтоб этих красавиц не повредить, — все рвался к Тане. Вдруг еще что-то успеет крикнуть? Но информацию Таня уже оттарбанила и теперь позволяет себе напоследок:

— Мы вашу Ирочку очень любим!

И Наташа:

— Очень-очень!

За эти два единственных слова Наташа поплатилась так же, как и Таня за все возмутительное разглашение лагерных дел, — обеих лишили очередного свидания.

<...>

Война нашей зоне была объявлена, но кроме двух сторон — нас и КГБ — была еще и третья в этой войне: все те люди, что боролись за нас со свободой. Из России, Украины, Литвы, Англии, Швеции, США... Ох, как хочется перечислить все страны и всех — поименно! Но нельзя — имена одних в секрете от КГБ, имена других я так никогда и не узнаю (тысячи их писем, отправленных к нам в лагерь, сожжены цензурой, и ни одно не дошло!), имена третьих сами по себе заняли бы два-три тома. Названия стран? Откройте географический атлас почти на любой странице — и будьте уверены: там тоже были те, кто стоял у советских посольств, собирал подписи в нашу защиту, молился за нас. И как раз эта третья сторона решила исход войны: перед нами, обессиленными, неотходно открывались ворота лагеря, выпускающая одну за другой. Пока Малая зона не перестала существовать. Но это не значит еще, что все обрели свободу. До сих пор сидят по ссылкам Татьяна Великанова и Елена Санникова. И я, уже с другой стороны советской границы, срываю голос: поможем им! Добьемся для них свободы! Верьте, люди третьей стороны: все зависит от вас, и вы можете гораздо больше, чем сами думаете!

<...>

Последний день голодовки принес нам сюрприз: нагнали уголовниц с тяпками пропалывать траву на запретке. Конечно, мы были по разные стороны проволоки, но косились друг на друга с понятным интересом. Общаться с нами им было запрещено — и мы не заговаривали, чтоб не подвесить их под неприятности. И вдруг, дождавшись, когда дежурнячка лениво протонает на другую сторону участка, двое из них подступают к проволоке:

— Девочки!

Подходим. Быстро-быстро суют нам из-под форменных блуз какие-то свертки и отскакивают назад. И уже оттуда, берясь за тяпки:

— Мы знаем в больничке, что вы голодаете за права. И что вообще все время голодом сидите. Вот мы собрали для вас — там все полезное. Скушайте, когда голодовку снимете!

В доме разворачиваем свертки. Морковка, белый хлеб, пара кубиков сливочного масла... Целый кулек сахару! Кто эти женщины, что собирали для нас по крохам передачу? Что побудило их, толком не зная ничего о тех самых «правах», — поддержать нас, рискуя быть пойманными? И чего стоят тогда все эти теории, что наш народ сам не чувствует своего бесправия и никакие гражданские свободы ему не нужны? Я и сама когда-то в молодости, считая себя одной такой умной на белом свете, так и думала про тех, кто растил мне хлеб и шил летние платья (еще не зная, что как раз такие шьют в лагерях). Тогда я хотела эмигрировать — «вырваться из этого болота». Теперь, в вынужденной эмиграции, я знаю то, чего не знала тогда. Спасибо, Господи, что мне пришлось пройти этапами, прятать стихи и книги от КГБ, гнить по карцерам и голодать. Только выйдя на открытую борьбу, я увидела, как мне помогают чуть не все, кто встречается на пути. Эта тихая помощь выносила мои стихи на свободу, помогала Игорю распечатывать их на машинке, размножала в фотокопиях и отправляла в самиздат и за границу. Эти такие разные руки — молодые и старые — подсовывали нам кусок хлеба, когда мы доходили от голода, эти глаза нам улыбались — серые, карие, голубые... И ощущая удивительное: все за нас и против наших палачей, — я отходила от своей юной гордыни, и таяло во мне то высокомерие, что могло бы погубить мою душу. А Игорю в это время помогали киевские работяги, с которыми вместе он орудовал напильником, расконвоированные эски, московские профессора и даже мои тюремщики. Среди тюремщиков ведь тоже очень немного убежденных садистов, большинство — туловато-лукавые служаки, что не всякий приказ рады выполнять. Где-то в недрах их затянутых ремнями душ есть в зародышах и стыд, и совесть, и жалость — все то, что спасет когда-нибудь мой народ.

Раиса Руденко

Спасибо вам, женщины из уголовной больнички! Я не знаю, за что вы попали в лагерь. Не знаю, много ли было вас, собиравших для нас еду. Но, конечно, навсегда запомнила имена тех двоих — они были на их нагрудных знаках. Вы уже знаете, читатель, почему я их не напишу. Вычисляй-вычисляй, кагебешник, составляющий реферат по моей книге: сколько сотен прошло через больничку осенью 83-го? Особые приметы? Пожалуйста. Они были в синих линиялых платьях, черных форменных блузах (или это называется — жакеты?), белых косынках и кирзовых сапогах.

<...>

Приехала Лагле Парек — веселая светловолосая женщина, со сроком шесть плюс пять. Она и ее друзья издавали в Эстонии самиздатский журнал — вполне достаточно для такого срока. Ее неунывающий характер пришелся впору нашей зоне, а спокойная и твердая позиция — ох, как не повкусу КГБ. Этап этот для нее был не первый. За плечами у нее была «эстонская ссылка». После войны эстонцев тысячами грузили в товарные вагоны и отправляли в Сибирь. Маленький мужественный народ, имевший опыт демократического самоуправления, ни на что другое при Сталине рассчитывать и не мог. Прокатилась эта расправа и через семью Лагле: отца расстреляли, мать отправили в лагерь, а бабушку с двумя внуками погрузили в эшелон. Лагле было тогда шесть лет. Они с сестрой даже не понимали, что происходит. О судьбе родителей они еще не знали, а поспешные сборы, перевернутая вверх дном квартира и перспектива путешествия — все это их скорее забавляло. И, уезжая из дома на грузовике, девочки смеялись, а мудрая бабушка не мешала детям веселиться: горя им еще хватит. Этот неожиданный ребячий смех посреди всеобщего разорения произвел такое впечатление на соседей, что они решили — старшая девочка сошла с ума! И так и сообщили вернувшейся через годы из лагеря матери Лагле. Слава Богу, она не поверила.

Бабушка тем временем умудрилась довести обеих девочек до Сибири живыми, и, стоя по колено в снегу, они с другими эстонцами выслушали правительственный указ — «вечная ссылка». И навсегда запомнила Лагле улыбку бабушки:

— Они думают, что распоряжаются вечностью?

После смерти Сталина сосланная Прибалтика, хоть и не сразу, но возвращалась домой. Вернулись и Лагле, и бабушка, и старшая сестра. Позади остались русская школа, сибирские козы, которых Лагле пасла вместе с другими ребятишками, холод, вши и грязь. Но до самого андроповского времени, до своего ареста, Лагле не знала ничего достоверного о судьбе отца: приговор о расстреле она увидела только на своем следствии. И раньше было ясно, что убили, но когда? За что? Объяснять эти детали осиротевшим семьям советская власть считала излишним.

Нагрудный знак Лагле не надела, но до поры до времени администрация ее не трогала — им хватало забот с нашей забастовкой.

<...>

Своили еще раз в Саранск — на кагебешное «перевоспитание». На этот раз взяли и Лагле, и меня. Опять нудные монологи: ну хоть как-нибудь зацепить за

живое, чтоб хоть как-нибудь ответила! И главный мотив — хотите домой? К мужу, на свободу? Пишите заявление с покаянием! И в качестве образца совали напечатанное в газете заявление Олеса Бердника, бывшего члена Украинской Хельсинкской группы. Он там выполнял всю программу: и от взглядов своих отрекался, мол, возомнил о себе, а теперь сам видит, что куда как лучше положитьсь во всем на правительство и не умничать, и об угрозе войны рассуждал — дескать, перед лицом такой опасности не время для внутрисоветских разногласий, и прощения просил, и благодарил за синехождение, и клеймил бывших друзей, оговаривая при этом искреннюю свою надежду на то, что и они «перевоспитаются».

С души воротило все это читать. Помилровка помилровке рознь. Бывает, что не выдержит человек всех издевательств, оговорит себя и такой ценой вырвется из заключения. Но зачем же на других-то клепать? Только потому, что они оказались нравственно сильнее тебя? Нечего сказать, хороший резон для того, чтоб становиться в ряды «перевоспитателей»!

<...>

День рождения Лагле мы праздновали в потьминской пересыльной тюрьме. Чин-чином расстелили на голых нарах вышитую скатерку и пировали так же весело, как в любом другом месте. Я вспоминала, как ночевала в этой же самой камере два года назад. Когда меня вели в лагерь. Получалось, что за это время у меня прибавилось жизнерадостности. Удачное эзковское «всё выпочем» не подпускало близко к сердцу тюремные бытовые паскудства. И когда вечером на нас повели наступление полки знаменитых потьминских клопов — мы устроили из этого целую комедию. Ввиду численного превосходства противника отбивались мы от них всю ночь, с переменным успехом. Свет в камере вовсе этим тварям не мешал, они привыкли. И мы решили довести это дело до медуправления. Вывести клопов из тюрьмы — предпринять, конечно, безнадежное, но почему клопы должны портить кровь одним только эзам? В сущности, нам был интересен сам процесс — как разные инстанции будут отвергать бесспорное клопное существование? Мы твердо вознамерились, в лучших традициях марксистско-ленинского материализма, дать им на этот раз клопов в ощущениях. Первой жертвой был вызванный нами по этому поводу начальник тюрьмы. Дождавшись дежурной фразы о том, что никакой живности в тюрьме не водится и все это только нам мерещится, мы показали ему стеклянный пузырек из-под валидола с особо резвыми отобранными экземплярами. Нами руководила чисто следовательская любознательность — будет ли он утверждать, что пузырек пуст, или клясться, что в жизни не видел клопа, а потому не может его идентифицировать? Оказалось — ни то ни другое. Находчивый тюремщик выдвинул версию, что мы привезли клопов с собой. Тут уж мы обиделись за КГБ — нечего на них клеветать, им и от правды хватает отрицательных эмоций! Саранский изолятор КГБ был как раз очень чистенький, и даже в баню нас там водили не раз в неделю, а куда либеральнее — стоило изъявить желание. Опешив от такой неожиданной защиты, начальник тюрьмы забрал пузырек с клопами и ушел, ворча, что нас плохо обыскали, раз не изъяли стеклянные предметы. Наивный человек! Он решил, что

отнял у нас вещественное доказательство... Но деревянные нары этими самыми доказательствами кишели и пенились, ничего не стоило отловить еще сколько угодно. Они сами так и лезли: плен или победа — было им все равно, лишь бы быть на людях! Мы, как могли, удовлетворили клопное тщеславие — один из них, в аккуратно запаянном пластиковом пакетике, был нами командирован в мединспекцию лагерного объединения с соответствующим сопроводительным документом. Другой поехал представлять потыминское клопное сословие в Прокуратуру РСФСР, третий, самый солидный, — в Прокуратуру СССР. Разумеется, эти конверты мы послали не с Потымы (они никуда бы не ушли), а уже из нашей зоны. Поскольку никаких жалоб на нашу собственную администрацию в заявлениях не содержалось — то их и отправили по назначению, и Шалин с веселой усмешкой выдал нам квитанции об отправлении.

Через пару месяцев пришли ответы. Никаких клопов в пересыльной тюрьме на Потыме не имеется, и заявления наши сочтены необоснованными. Вот и пойми этих материалистов!

<...>

Неоложенным оказался здесь и мой нательный крест. Был он мне вдвойне дорог, потому что сделан руками Игоря. В нашей зоне и на «двойке» его при всех обысках предпочитали не замечать — не было приказа КГБ. Здесь сразу прицепились.

- Что это у вас на шее за вервочка?
- На ней крест.
- Немедленно сдать!
- И не подумаю.
- Вызовем паряд и сорвем силой!
- Ну-ну... А все же лучше не берите это на себя, посоветуйтесь с начальством.

Аргумент сработал безотказно. Кому охота лично заводиться с «политичками», а потом лично же отвечать за последствия?

Заявился начальник режима Зуйков. Этот был, по крайней мере, смелым солдатом и брал на себя самостоятельные решения.

— Амулеты, кресты, талисманы заключенным не положены.

— Нет такого закона, чтоб запрещать людям носить крест!

— Есть инструкция!

— Так как же мы будем жить — по закону или по инструкции?

— Слушайте, Ратушинская, вы не думайте, что вы — первая политическая, с которой я имею дело. И не таких, как вы, обламывали. Я знаете сколько лет проработав в Управлении?

— А в какие годы?

— Вас тогда еще здесь не было. С семьдесят девятого. И «бабушек» ваших помню, и Великанову.

— Ну и что, забирали кресты?

— Я не помню, чтоб была такая проблема.

— Небоюсь, попробовали бы — помнили бы. А Таню Осипову помните?

Тут на его лице отражается работа мысли. Прекрасно он помнит Таню с ее «сухой» голодовкой за Библию. Четверо суток без капли воды — это переполошило

тогда все их Управление. И как им пришлось сдаться — тоже помнит. Хорошая вещь человеческая память!

— Так вы...

— Чего тут расуждать, давайте попробуем, что получится, если сорвать меня крест.

Зуйков внимательно смотрит мне в глаза. Он выдерживает дольше, чем они все. И наконец, отвернувшись, бурчит:

— Если б хоть вервочки видно не было!

Но тут уж я ничего не могу поделать — не я проектировала шизовские костюмы с таким вырезом! Так Татьяна голодовка избавила меня от необходимости повторения, и всухую мне голодать не пришлось ни разу. Не знаю, как бы это у меня вышло. Хотя — куда б я делась? Но Таня, распятая на топчане, с вонзенными в ноги капельницами, — отвоевала тогда и наши Библии, и этот мой крест, и псалмы, что пели Галя с пани Лидой во всех ШИЗО. Таня, считающая себя неверующей.

<...>

Обыски шли все чаще, отбирали на них все больше. И вот однажды, когда ввалились с очередным, — я чуть было не попала. Уже при них мне пришлось сглотнуть листок бумаги с информацией и последними стихами. Тут уж нечего было удивляться, что мне дали неделю ШИЗО, — разве тому, что впервые так мало. Но почему одновременно дали ту же неделю Оле, Гале и Наташе? Объяснялось это очень просто — через полчаса после нашего отъезда вломилась в зону целая толпа:

— Женщины, зону переводят на старое место!

Нас, значит, просто убрали, чтобы оставалось поменьше народу. И начался второй погром, в сравнении с которым первый — был ничто. Все письма, все записки — в который раз на проверку! Из вещей отобрали и просто украли все, что плохо лежало, — начиная с Расчкиных трусов и кончая моими вышивками. Непонятно, почему отняли Библию у Гали, а остальные две оставили. Растоптали сапогами освященные облатки пани Ядвиги, утащили у нее четки с крестом. Даже открытки с репродукциями икон Дионисия и Андрея Рублева, выписанные буклетом через «Книгу — почтой», конфисковали как религиозные. Все рисунки Наташи сожгли, все стихи, что присылали мне в письмах мама и Игорь, — тоже. Не помогло ни то, что они были переписаны из книг советского издания, ни что было перед каждым стихотворением выписано — откуда, издательство, год, том, страница... Который раз корчили в огне строки Пушкина, Тютчева, Фета...

<...>

Пани Ядвига считает своим большим грехом, что она — слабая и больная — не сумела уберечь от поругания освященные в Лигтве облатки. Наши утешения на нее не

Лалле Парек

действуют: отлупить ей этот грех мог бы только священник, а священников сюда не пускают. На мужской политзоне сидит католический ксендз, но с мужчинами сейчас нет связи. И пани Ядвига решает наложить на себя покаяние — обет молчания на год. Уговоры тут бесполезны, и мы это понимаем. Единственное, в чем удастся убедить нашу непреклонную пани, — это чтоб она оставила за собой право в случае необходимости объясняться письменно. Это и для семьи облегчение — все же будут получать от нее весточки, и в случае болезни мы хоть будем знать, что с ней неладно. Много таким способом все равно не общаешься, ведь пишем мы друг другу записки, если информация — не для подслушивающей аппаратуры, и знаем, насколько труднее письменно, чем устно. Даже и на такое — весьма относительное — «послабление» понадобилось несколько дней дискуссии, и непонятно, как бы дело повернулось, если б не железный аргумент:

— Семья-то ничем не виновата! Им и так трудно, а за год без писем с ума можно сойти.

Ладно, писать пани Ядвига будет, но рта не раскроет. Даже свидание с сыном проведет молча, верная взятому обету.

И, действительно, наша пани не сказала ни единого слова с 19-го августа 85-го по 19-е августа 86-го. Только по тому, как она больная стонала во сне (но и во сне — без слов!), мы знали, что у нее и голос изменился без практики, стал глухой и хриплай.

Но чего мы не ожидали — это что так взбесится КГБ и наша администрация. Пани Ядвига отказалась на этот год от голодовок и заявлений протеста. Она будет только молчать и поститься — больше ничего.

Казалось бы — чем им это может помешать? Но этот ее обет встал им поперек горла поуже голодовок. Потому ли, что, отказываясь от голодовок и заявлений, пани Ядвига оговорила, что она всей душой на стороне тех, кто это продолжает, и молится за нас — просто у нее не хватает сил на все сразу? Потому ли, что это был необычный шаг, и они попросту не знали, что делать? Так или иначе — все было сделано для того, чтобы заставить ее говорить. Приносят нам со склада одежду, которую мы можем покупать раз в год: телогрейки, сапоги, ткань на платья и рубахи. Все, конечно, лимитировано, но без этого и вовсе голой останешься! Мы все выписываем, кому что надо, и пани Ядвига тоже. Не тут-то было!

— Беляускене, Шалин распорядился, чтобы принимать у вас только устный заказ! Никаких записок! Не скажете, что вам надо, — ничего не получите вообще. Так что вы берете?

Пани Ядвига только улыбается. Оставляет на столе список и выходит вон. Мы, конечно, немедленно раскидали ее список по своим заказам — и ничего бухгалтеру не оставалось, как выдать нам все, что пани Ядвиге надо. Такая наша поддержка вызывает еще большую ярость — мы последовательно срываем все воспитательные мероприятия, направленные против мятежной пани. Попробовав пару раз выкаблучиваться с ее ларьком и наткнувшись на ту же тактику зоны — плюнули и отоварили пани Ядвигу по списку. Пришить ей нарушение режима было нельзя: где это в законе сказано, что эск должен быть говорящим? Дежурячки измываться над ее молчанием не были согласны. Ничего, кроме уважения, такая

твердость у них не вызвала. Они только ахали:

— Ой, женщины, неужто так год и промолчат? Я бы дня не выдержала! Голодать — и то, наверное, легче!

<...>

К началу сентября Наташа уже успела простудиться, и мы подматывали ей под одежду все, что удавалось стащить из наших собственных мешков. Осень и весна — самое паршивое время: холодно, а топить не положено. Камеры отсыревают, и все, что на тебе — тоже. По счастью в ПКТ выдаются газеты — днем мы подстилали их под себя. Прекрасная теплоизоляция! А мы-то еще недооценивали нашу родную прессу...

Мыши в нашей камере ожили. Им теперь доставались крошки от пайки ПКТ, а это хоть и пониженная норма питания, но все же каждый день и хлеб, и баланда. Жила их у нас целая семья — папа, мама и детишки. Гонять их было бесполезно. Юркнул в норку, а через пару минут вылезает. Уже и из постели их вытряхивали, а однажды Оля во время какого-то очередного физкультурного упражнения мышонков прыгнул прямо в лицо, с явным намерением заскочить в рот. Несознательные личности, что и говорить.

Наше счастье, что они нас больше смешили, чем раздражали.

Наташе камера давалась тяжело. И физически она была слабее нас, и мелкие бытовые пакости дежурячек приносили ближе к сердцу, и росло напряжение — освободят весной или добавят срок? Оля к бытовым деталям относилась презрительно, но уже пришло ей письмо, что отец в тяжелом состоянии. В каком случае родные пишут такое в лагерь — ясно. Стала Оля добиваться, чтоб ее повезли в Киев и дали свидание с родителями, а ПКТ она досидит летом. И тут — телеграмма о смерти. И все Одино горе билось в четырех бетонных стенах. Первую ночь мы проговорили с ней напролет. Неважно о чем — уснуть бы она все равно не уснула.

<...>

*Неумелая пила,
Пыльные опилки,
Предосенние дела.
Доживем до ссылки!
Скоро, скоро на этап —
В теплый свитер скоро,
А свобода — по пятам,
С матерщиной пополам,
Сыском да надзором!
Восемьдесят третий год —
Солью, на хлебах —
Вхруст по косточкам пройдет,
Пореломится вот-вот!
Недорасхлебали.
За ворота, за предел —
С каждой нотой вышле!
Тихий ангел отлетел.
Нем судьба накрутит дел —
Дайте только выжить!
Ну, до встречи — где-нибудь.
Зэковское счастье,
Улыбнись! Счастливым путем!
...Нету сил простаться.*

Это единственное, что я написала Татьяне Михайловне, пока она была с нами. Да и потом посвятила ей не столько стихов, сколько бы следовало. А ведь она была для меня в зоне всем: и самым близким человеком, и самым мудрым советчиком, и примером, с какой бесконечной терпимостью к чужим слабостям и недостаткам следует жить в зоне. И — живой энциклопедией правозащитного движения и его традиций. Сколько раз после ее отъезда я с благодарностью вспоминала тот благородный обывай достоинства и заботы о других, который она оставила после себя в зоне.

Олю увезли в конце октября, 30 числа я держала традиционную «однодневку» — День политзаключенных, а 31-го ночью, после отбоя, с меня содрали одежду и перевели на режим ШИЗО. Балахон на голое тело, снежок на подошминке и — радостный гебешник Еришов:

— Ну что, Ирина Борисовна, допрыгались? Вы хоть понимаете, что ваше заключение может стать пожизненным?

И снова — про добавку срока, про то, что из ШИЗО мне не выйти, про помиловку... Тут я ему вполне верила: ведь уморят, это было ясно. Медленно, не спеша, холодом и голодом. Бить не будут, нет — это ни к чему. Просто день за днем снова и снова раздевать догола и обшаривать липкими лапами, чтоб — ничего, кроме балахона и трусов! Да еще труссы проверяют — вдруг я исхитрилась надеть две пары? Да слушать мне их гнусности, да хлебать гнилую баланду — через день... Буду я постепенно слабеть, и все меньше останется сил противостоять издевательствам, а они будут изобретать все новые и новые.

Так нет вам, господа хорошие! Хватит с меня этих карперов и ваших лап! Хотите доконать? Так чем быстрее, тем лучше! Я уйду из ваших стен — на свободу! Вы думаете — я буду цепляться за жизнь, которую вы превратили в пытку? Я вернула им их баланду, и моментально примчались:

— Вы что, в голодовке? А где же заявление?

— Я их уже сотни написала — и про голодовки в том числе. Мне вам нечего больше сказать.

— Но вы должны есть!

— Вам я ничего не должна!

— Ведь умрете!

— Меня кагебешники как раз и обещали уморить.

Так вам надо растянуть во времени это удовольствие? Чтобы подольше помучить? Вы видите — в камере пар изо рта? Сколько я, по-вашему, протяну, если даже буду есть эту бурду?

— Помрете, а нам отвечать?!

— Раньше надо было думать. Все. Прием окончен.

Прискакал Артемьев.

— Ирина Борисовна! Ну что вы вздумали? Ну вот врач вас осмотрит, телогрейку вам дадут, раз холодно. Еришов — парень молодой, горячий, но ничего такого он вам сказать не мог.

А откуда ж ты знаешь, голубчик, — ведь я тебе ни слова не говорила? А что это у тебя глаза такие испуганные? Понял теперь, что значит — «сказку сделать былью»? Это тебе не безвестных зэков мордовать! Боишься скандала? Правильно боишься — будет, еще и какой! Трижды подумает после этого КГБ — сажать других в карьер или лучше не надо? Телогрейкой теперь пытаешься умастить? Будто я не знаю, что ее едерут с меня сразу, едва я начну есть, — и все пойдет сначала. Еще не доупражнялись? Хватит с вас и этого, фашисты!

Все это, разумеется, я ему не говорю, но думаю именно так. Ведет меня дежурнячка в камеру и вздыхает:

— Ой, Ирина! Неужто вправду помирать будешь?

— Это уж как Бог даст. Но пытаться они больше никого не будут. Видала, как нас в ШИЗО таскают — и старух, и всех? Ну и хватит. На этот раз споткнулся. Я буду последней.

— А говорили, о тебе по радио передавали. То ли из Англии, то ли из Америки. Там небось о тебе хлопочут?

— Что ж, сейчас — самое время хлопотать, и не только обо мне. Видишь, как из нас помиловки жмут? Хуже, чем при Андропове.

— А говорят, Горбачев насчет свободы старается.

— То-то за нас и взялись. Он же сказал, что нет политзаключенных в СССР, — теперь осталось только нас поубивать или выпустить.

— Ну ладно, счастливо оставаться. У меня смена кончается. Постой, дай-ка я тебе карманы в телогрейке проверю...

Пятый день. Шестой. Неделя. С наслаждением чувствую, как уходит из меня все, что может болеть и мучиться. Так легко-легко. И есть не хочется, и холода уже не чувствую. Еле-еле сочится сквозь решетку серый дневной свет. Разве такой свет я увижу через неделю — другую? На душе спокойно и мирно, и этот серый цвет меня не раздражает: ни заборы, ни мордовская осень, ни мой драный балахон, ни даже шинели надзирателей.

<...>

На одиннадцатый день из моей камеры уходят мыши. Гуськом, по очереди, пролезают в щель под дверью — и вот уже последний серый хвост утянулся в коридор. Я наблюдаю это, лежа на полу, без особых эмоций. Рука, что у меня под головой, давно занемела, и я не чувствую ни корявых досок, ни сквозняка из окна. Нет у меня никаких долгов, все счета оплачены и закрыты. Странное тепло охватывает все, что осталось от тела, и качает, и убаюкивает.

Такую ласку дать могла бы

Мне только детства колыбель...

Где я слышала эту песенку? Ах, да, Татьяна Михайловна, ее рука у меня на голове... Игорь с измученными бессонницей глазами... Таня Осипова — с зэковским мешком и поднятым подбородком... Мама — как она на том свидании, первом и последнем, старалась не плакать. Тот такнет, которого я попросила: «Оторви хвост!» (за нами явно не случайно ехала машина), и он оторвал. Мальчишка-конвоир, украдкой берущий наспех заклеенный конверт. Незнакомый химик из Америки, по имени Дэвид, приславший Игорю письмо с приветом для меня.

Я, конечно, не знаю, что именно в этот день служат по мне молебны в никогда не виданном мною английском городе, что жмут уже на советских дипломатов, где бы они ни появлялись, что придет завтра новый начальник лагеря (старого быстренько отправят на пенсию), и окажется этот новый начальник Зуйковым — тем самым, что не решился на «шестерке» сорвать с меня крест. И возопит Зуйков человеческим голосом:

— Не я ж вас в ШИЗО сажал, почему же мне за чужую дурость отвечать, если вы умрете?

— Потому что и вы бы подписали этот приказ, как миленький.

— Нет! Обещаю вам — нет! Никаких ШИЗО! Не подпишу — и конец. Я начальник лагеря! Называйте меня как хотите, если я обману!

И я ему поверю: по глазам видно, что не подпишет. Так зачем подставлять под удар именно его? Стоит дожидаться, когда кого угодно из нас отправят в очередное ШИЗО с родной «тройки», — и тогда уже я двинусь в последнюю голодовку под лозунгом: «Прекратите пытаться заключенных!» Конечно, с меня его немедленно сорвут,

но наши хоть будут знать — с каким требованием я пойду на это. Смотрим мы с Зуйковым друг на друга... Ладно, солдатская твоя душа, ты по-своему прав. Но знал бы ты, до чего мне не хочется из блаженного своего состояния возвращаться назад — только с тем, чтобы начать при первом случае все сначала! И после голодовки есть — это всегда так больно! Нёбо сводит почему-то, как от ожога.

— Хорошо, переводите на режим ПКТ — начну есть.

— Начинайте сегодня! Врачи опасаются...

— Подождут ваши врачи. Пускай в ПКТ и лечат.

И не обманет Зуйков, прекратятся на этом все мои ШИЗО, а остаток срока в ПКТ он сделает для меня «максимально благоприятным» — насколько это вообще возможно для таких мест. На этом, однако, все и кончилось. Параллельно со мной свои пять суток отсидела Галя (я об этом и не знала), но больше никого из зоны в ШИЗО не сажали, и лозунг мой — написанный заранее зеленкой — пролежал под нашими телогрейками до самого моего отъезда в Киев.

<...>

А на следующий день (*шел май 1986-го — прим.ред.*) меня заберут в Киев «освобождаться», и последние три месяца будут вымогать, и стращать, и шантажировать, но одновременно клясться мне, что в «Малой зоне никого уже не осталось», хотя это будет тогда еще враньем. Не добившись желанного покаяния, за два дня до встречи в Рейкьявике глав сверхдержав — все же выпустят, по секретному указу за подписью Громыко. На руки мне этот указ не отдадут, но объяснят зато, почему секретный:

— Вы же о помиловании не просили, и официально Президиум Верховного Совета СССР не имеет права вас помиловать.

Феликс КОХРИХТ

Признания Ирины Ратушинской

В летописи репрессий тоталитарного режима против своих граждан существует достоверная хронология, зафиксировавшая пиковые — «людоедские» — периоды и так называемые «вегетарианские». 80-е годы, несомненно, относились к последним. Конечно же, в стране были политзаключенные, но сроки они получали помягче, да и масштабы посадок были уже не те. И вот именно тогда Ирина Ратушинская получила 7 лет строгого режима и 5 — ссылки. Это был самый суровый приговор, вынесенный женщине по политстатье в постсталинский период.

И сегодня Ирина Борисовна не может объяснить даже сама себе, чем же была вызвана столь лютая ненависть режима именно к ней, не занимавшейся активной антисоветской деятельностью, а всего лишь писавшей стихи. Она относит себя к диссидентам, особо отмечая, что движение это не было однородным. Каждый, по ее убеждению, отстаивал то, что считал самым важным и главным.

«Я добивалась того, чтобы мне не мешали писать», — признается Ратушинская.

А это, по убеждению властей, было одним из самых серьезных грехов. Ибо подрывало монополию КПСС на

— Мне помилование не нужно, мне нужна реабилитация!

— Ну, Ирина Борисовна, не все сразу. Может быть, попозже. А вот держать вас здесь мы не имеем права, раз указ. Соберите вещи, мы отвезем вас домой.

Собираю, еще не соображая, врут или не врут?

И вот меня везут на черной «Волге»...

ЭПИЛОГ

Сегодня, в сентябре 87-го года, в Малой зоне действительно никого не осталось. Она прекратила свое существование. Лагле живет в Эстонии, пани Лида — в Латвии, Наташа и Галя — в России, Рая и Оля — на Украине, Таня — в Америке. Но остались пока в ссылке Татьяна Михайловна Великанова и Елена Санникова, но остались сотни политзаключенных по другим лагерям, тюрьмам, ссылкам и психушкам. А эков-рабов, арестованных по уголовным статьям, хоть и не всегда за действительные преступления — миллионы.

И умер в тюрьме, не дождавись свободы, Анатолий Марченко, и каждый день кто-то умирает — и сегодня умрут, и завтра. А я живу, и это, наверное, несправедливо. Храню никому не нужную здесь эковскую форму работы пани Лиды. Иногда прижимаюсь к этой лагерной, столько повидавшей шкуре шейкой. Серый мой, серый цвет! Цвет надежды! Сколько еще стоять этим лагерям на моей земле? Как я смею заснуть сегодня, когда они все стоят?

Но это у нашей зоны была серая форма. У большинства эков — черная. Им-то на что надеяться? Разве только — на нас с вами.

информацию. Ратушинская, физик по образованию, полагает, что информация — ценнее любых денег. Любопытно, что и другой мой недавний собеседник — Александр Глезер, организатор так называемой «Бульдозерной выставки», состоявшейся в Москве в 1974 году, — уверен, что сотрудников идеологических отделов ЦК и КГБ беспокоило не то, в какой манере работают художники-нонконформисты (среди них были, кстати, и сторонники реалистического направления в искусстве), а их возмутительное желание

выставлять свои работы где и когда им угодно. То есть управлять информацией.

Ратушинской дали семь лагерей плюс пять "по рокам". В единственной в стране Малой женской зоне для особо опасных государственных преступников вместе с Ириной оказались: пожилая литовка, вознамерившаяся открыть у себя дома воскресную католическую школу; жена украинского поэта-диссидента Микола Руденко Раиса, посаженная за то, что не донесла на мужа; члены Хельсинкских групп Ольга Матусевич (Киев) и Татьяна Осипова (Москва); художница Наташа Лазарева, иллюстрировавшая самиздатовский феминистический (!) журнал; эстонка, борющаяся за независимость своей страны и ставшая в ней впоследствии министром внутренних дел...

Возвращаясь к суровости приговора, вынесенного Ратушинской, рискнем предположить следующее. Во-первых, Ирина, по завету Александра Солженицына, не давала показаний. Все время, проведенное в следственном изоляторе киевского КГБ, она не отвечала на вопросы следователя. В камере — "пять шагов до окна, да четыре от стены и до стены" — сочиняла стихи, записывала их, чтобы потом, в лагере, записать на лоскутках бумаги бисерным лочерком и передать на волю. Ратушинская показала нам эти чудом прорвавшиеся на волю и уцелевшие листки...

Но это будет позже. А тогда, в изоляторе, она молчала, чем, вероятно, бесила следователей, не ожидавших такой силы характера от молодой интеллигентки, впервые попавшей в жернова Системы...

Но главная причина беспредельного приговора, на наш взгляд, заключалась в следующем. Основой уголовного дела Ратушинской стало стихотворение "Родина". Вернее, первые его строки:

Ненавистная моя родина!

Нет постыдней твоих ночей.

Каждый, кто дочитает его до конца, убедится, что это вовсе не злобный пасквиль (а если бы и так — что же, за стихи давать 12 лет заключения?), а крик души молодого человека (Ирине в 1977 году было 23 года), потрясенного судьбой своей страны, своего народа. Собственно говоря, поэт Ратушинская продолжила традицию отечественной демократической словесности, идущей от Чаадаева, Лермонтова, Мандельштама: "Прощай, немая Россия!", "Мы живем, под собою не чуя страны..."

<...>В 1982 году, в свои 28 лет, Ирина выслушала от следователя: "Вот будете молчать — получите 12 лет. Когда выйдете, вам стукнет 40. А это — старость..."

"Я действительно в душе соглашалась с ним, — вспоминает Ратушинская. — Я слабо представляла себе тогда себя сорокалетней. Прощалась с красивой одеждой, которую не надеялась когда-нибудь вновь одеть, с молодостью..." Тогда написала стихотворение, в котором мечтала о "вишневом бархатном платье". С этим платьем у Ратушинской впоследствии случилась история, которая заставила ее призадуматься о том, была ли она права, когда утверждала:

"Я всегда любила поэзию за ее королевскую бесполозность..."

Ирина считала, что стихами много не заработаешь, что от них одни неприятности. "Но вот, — продолжает она, — после моего выхода из лагеря мы с мужем оказались в Англии. Выяснилось, что стихи о платье переведены на многие языки". И автор стала получать в подарок десятки

"вишневых бархатных" самого разного размера, большинство из которых раздарила. Но одно носит и сейчас.

Ирина прочла нам это самое стихотворение, попросив слушателей не дарить ей платья. И тут же из запа ей передали в подарок старинные карманные часы с цепочкой. Даритель предпочел остаться неизвестным...

Стихи она писала с детства, но учиться пошла на физический факультет Одесского университета. И во все не от особых математических способностей. "Я была уверена, — рассказывает Ирина, — что в физике царит справедливость (закон Бойля-Мариотта и в Африке закон), а это качество я ценила более всего".

Выйдя в 1987 году на свободу благодаря усилиям президента США Рональда Рейгана (он сделал это условием возможности своей рейхкьявической встречи с Горбачевым), Ратушинская первым делом начала борьбу за освобождение политических заключенных в СССР. И добилась многого, уговорив саму "железную леди" Маргарет Тэтчер, очарованную Горбачевым, включиться в эту кампанию.

На встрече прозвучал вопрос: почему Ратушинская написала свидетельство в пользу бывшего генерала КГБ Евгения Марчука? Последовал ответ: "Марчука упрекают в том, что он был палачом. Но, работая со мной, "ломаю меня на помиловку (с ударением в третьем слоге третьего слова на "о"), относился ко мне по-человечески. Он помог мне — приносил книги, разрешил свидания с матерью и мужем. Не знаю, как он отчитывался перед Москвой..."

Более всего опасается национальной розни. Увы, полагает она, практически у всех есть исторические обиды, но нельзя этому поддаваться. Пишет роман "Наследники минного поля", герои которого — дети (русские, украинцы, поляки, евреи), пережившие войну, спасавшие друг друга, но после ее окончания втянутые взрослыми в национальные разборки...

Эта книга — своеобразное продолжение романа "Одесситы". Одесса занимает в жизни Ирины особое место:

"Я была в Одессе кузнечиком на руке..."

Это строка из ее стихотворения. Родилась в Одессе в 1954 году в семье инженера и учительницы. Жили небогато: телевизор появился только в 80-м, но книги были всегда. О причине поступления на физфак мы уже рассказывали. Это были счастливые годы: учеба, стихи, КВН, верные друзья, прекрасные преподаватели. Знаменательно, что ни однокашники, ни декан, ни ректор не "сдали" ее впоследствии на допросах...

С детства дружила со своим будущим мужем Игорем — киевлянином. Обвенчавшись с ним в 1979 году, переехали в столицу. Участвовали в "самиздате". Игорь с Ириной всю жизнь. И в радости, и в горе. Растут сыновья-двойняшки. Когда дети были маленькими, Ратушинская писала для них стихи. Так родился сборник — один из множества. Список ее литературных премий (в том числе и самых престижных) и произведений (стихи, проза) занимает три страницы. Среди них и стихотворный сборник, изданный в 1993 году в Одессе — впервые в СНГ.

Ирина призналась: "Я расчувствовалась. Давно не была в родном городе..." И добавила: "Что бы ни случилось в Одессе — эпидемия, землетрясение, предвыборная кампания, — мы всегда будем возвращаться в наш город".

И последнее признание: "Мне и сегодня снятся одесские сны..."

«Черта оседлости: до и после»

Пейсах и Лея Зильберман из Бара (Украина), куда их заставили переехать, выгнав из родной деревни. Их дети, все шестеро, эмигрировали в США и никогда больше не видели своих родителей.

Фрейде (Мария) Лейкина после окончания гимназии была отправлена отцом в Варшаву, где окончила женские зубо-врачебные курсы и стала зубным врачом. Выбор Варшавы был неслучаен – в России существовали квоты для образования евреев (5% от общего числа студентов). Этих мест едва хватало для окончивших гимназии с золотыми медалями. Тем, у кого не было медалей, приходилось ехать в учебные заведения, расположенные в «черте оседлости», где правила приема были проще.

Залман Бенцианович Берсон в 1931 году вступил в ВКП(б) и в 1933 году его отправили в качестве «двадцатипяти тысячника» участвовать в организации колхозного движения в Новосибирской области. В 1939 году Залмана Берсона призвали в Красную Армию. Он служил в железнодорожных войсках, принимал участие в советско-финской войне, получил там медаль «За боевые заслуги». С начала Великой Отечественной служил в Ленинградском военном округе в 9 отдельной железнодорожно-восстановительной бригаде. В апреле 1942 года его арестовали как «врага народа» и 4 мая 1942 года расстреляли. До настоящего времени он не реабилитирован.

Демонстрация украинских евреев в 1917 году.

Брунштейн Фелицате Иосифовна родилась в 1907 году в г. Лодзи.

В Харбине закончила с золотой медалью гимназию Оксаковской. Приехала в СССР в 1925 году, закончила институт, работала экономистом на заводе им. Лихачева.

24 ноября 1937 года ее арестовали. 23 декабря 1937 года был вынесен приговор по обвинению «в шпионаже в пользу одного из иностранных государств». 29 декабря 1937 года Фелицате была расстреляна.

Предубеждения относительно других народов и культур чрезвычайно живучи. Они существовали повсюду, во все времена. Порой эти предубеждения носят вполне невинный характер, но бывают, становятся причиной неисчислимых бед, провоцируют преследования и гонения.

На протяжении всей истории человечества еврейский народ страдает от подобных предубеждений. Религиозная и национальная нетерпимость вела к дискриминации и изоляции еврейского народа. Все это создавало благодатную почву для самых невероятных мифов и легенд о евреях и иудаизме, казавшихся настолько правдоподобными, что некоторым из них верят и по сей день.

История антисемитизма — наглядное доказательство того, какую опасность таят в себе предубеждения и нетерпимость, особенно во времена политической нестабильности и социальных потрясений.

Редакция «Карты» продолжает публикацию серии материалов, посвященных проблеме национал-экстремизма и дискриминации. В Интернете, на портале «Права человека в России (Human Rights Online)», сотрудники нашего журнала, совместно с рядом российских и зарубежных общественных организаций, научно-исследовательских центров, журналистов, поддерживают страницы акции «Я не хочу ненавидеть!»

<http://www.hro.org/actions/nazi>

Норман КОН

Благословение на геноцид

Часть вторая

О появлении первого немецкого издания «Протоколов» многое известно. Книга была напечатана в середине января 1920 года под названием «Тайны сионских мудрецов». Опубликовала ее та же группа, которая выпускала газету «Ауф форлостен». — Ассоциация против презумпции невинности евреев, созданная в 1912 или 1913 году с целью «просвещения духовной, социальной и экономической элиты нации». Издал «Протоколы» основатель этой организации все тот же Людвиг Мюллер, которому еще в 1918 году был передан экземпляр книги Нилуса.

Книга сразу же стала бестселлером, начали поступать значительные средства на ее переиздания, понятно, из каких источников. Хотя по новой конституции верхняя палата австрийского парламента должна была быть распущена, ее консервативное крыло продолжало функционировать, в частности, распределяя значительные фонды различным организациям, чья деятельность была направлена на дискредитацию республики и восстановление монархии. Князь доктор Отто цу Зальм-Хоршмар черпал деньги для издания «Протоколов» из этого источника. Кроме того, не вызывает сомнения тот факт, что и низложенная династия Гогенцоллернов внесла свой вклад; во всяком случае, когда против нее было выдвинуто это обвинение, то обычно крикливая «Ауф форлостен» благо-разумно промолчала.

Гогенцоллерны, конечно, были довольны изданием, и вот по какой причине: на титульном листе стояло посвящение — «Правителям Европы» и красовался портрет их прославленного предка, «великого курфюрста» с лозунгом: «Пусть мститель восстанет на несколько дней из праха». Неудивительно поэтому, что принц Иоахим Альбрехт Прусский раздавал экземпляры книги обслуживающему персоналу тех отелей и ресторанов, которые он посещал. Что касается находившегося в изгнании кайзера, то, когда леди Нора Бентинк посетила его летом 1921 года, он выразил ей свое твердое убеждение, что его падение — дело рук «мудрецов» [Lady Norah Bentinck. *The Ex-Kaiser in Exile*. London, 1921, p. 99-108].

Для великого героя Германии генерала Людендорфа «Протоколы» стали настоящим откровением; он продолжал верить в их подлинность даже тогда, когда «Таймс» разоблачила их как фальшивку. «Высшее правительство израильского народа, — писал он в 1922 году, — работало рука об руку с Францией и Англией. Возможно, оно управляло и той и другой» [E. Ludendorff. *Kriegfuhrung und Politik, zweite auffage*. Berlin, 1922, S. 51]. И затем он вспоминал: «Недавно появилось несколько публикаций, проливших больше света на позицию еврейского народа. Немецкий народ, как и другие народы Земли, имеет веские причины на то, чтобы подвергнуть тщательному изучению историческое развитие еврейского народа, его организации, методы борьбы и его планы. Можно предположить, что во многих случаях мы придем к иным представлениям о мировой истории» [ibid., S. 322].

Конечно, Людендорф испытывал огромную нужду в козле отпущения, ибо, рекомендуя ужесточить подводную войну, он сделал неизмеримо больше, чем кто-либо другой, чтобы втянуть Соединенные Штаты в войну против Германии.

Если Людендорф и кайзер, судя по всему, искренне заблуждались, то такой профессиональный политик, как граф Эрнст цу Ревентлов, прекрасно знал, что делает. Этот прусский аристократ, один из руководителей блока «народников», или фелькиш (*Фелькиш* — «народники», ультрашовинистическое политическое течение, возникшее в конце XIX века в кайзеровской Германии и габсбургской Австрии. До первой мировой войны оно называло себя фелькишским, то есть народным, народническим. Фелькишская идеология стала ядром нацистской идеологии и пропаганды, что отразилось в названии центрального органа фашистской партии «Фелькишер бвобахтер» («Народный наблюдатель»). В основе этой идеологии лежали расистские идеи существования высших и низших наций. В соответствии с этой идеологией история человечества — это история столкновения различных «общностей крови», то есть рас

Сергей Нилус в 1905 году. Он первым опубликовал в России «Протоколы сионских мудрецов».

или расистски понимаемых наций. В этой борьбе самым опасным врагом «высшей» германской расы была объявлена раса евреев. — прим. ред. книги), будущий нацист, посвятил жизнь пропаганде «Протоколов». Он пропагандировал их в «Ауф форпостен», в собственной газете «Дер райхсварт», а также в газетах с массовым тиражом, таких, как «Дойче тагеблатт», а когда «Таймс» разоблачила эту фальшивку, он продолжал защищать

«Протоколы» с удвоенной энергией. <...>

Среди этого хвалебного хора голос Ассоциации против презумпции невинности евреев звучал яснее и громче всех. Эти предприимчивые издатели не просто толковали о политике, войнах и революциях — разоблачение еврейско-масонского заговора преподносилось ими (а впоследствии и нацистской пропагандой) как поворотный пункт в духовной истории человечества.

В соответствии с утверждениями «Ауф форпостен» новая книга выявила заговор, который имел «целью уничтожение христианства и других религий и установление масонско-талмудической веры как всемирной религии. Великая борьба, которую дальновидные люди предсказали десятилетия назад, началась. Если цивилизованные народы Европы не поднимутся на борьбу против общего врага, то наша цивилизация погибнет от той же самой разрушительной плесени, которая уничтожила древнюю цивилизацию две тысячи лет назад. Недавно один берлинский профессор сообщил нам, что книга, бесспорно, принесет спасение нашему народу, а другой ученый из Южной Германии написал нам, что ни одна книга, по его

мнению, никогда не совершала такого переворота в мировоззрении народа, как работа Готтфрида цур Бека, даже не со времен изобретения книгопечатания, нет, нет, — со времени изобретения алфавита! Все слои германского общества, от дворцов принцев до домов рабочих, шлют нам письма, в которых выражают радость и одобрение деятельности этого мужественного человека, разрешившего проблему, от которой зависит судьба немецкого народа» («Auf Vorposten», 1920, Heft 1-2, S. 35-37).

Рекламные заявления издателей, конечно, преувеличивают, но прием, оказанный общественностью Мюллеру фон Хаузен (или Готтфриду цур Беку) и его публикации «Протоколов», был поразительным. За один месяц они вышли дважды и еще три раза до конца 1920 года; тираж вскоре достиг 120 тыс. экземпляров. Эта книга, конечно, подлила масла в огонь нацистского безумия уже в период демократического и либерального режима Веймарской республики.

Вот, например, заметка одного из еврейских обозревателей начала 20-х годов: «В Берлине я посетил несколько митингов, которые были целиком посвящены «Протоколам». Выступали обычно либо профессора, либо учителя, издатели, адвокаты, в общем, люди этого круга. Аудитория состояла из образованных людей — гражданских служащих, деловых людей, офицеров в отставке, дам из высшего света и главным образом студентов, студентов всех факультетов и всех возрастов... Страсти накалились до предела: вот она, причина всех зол, вот они, во плоти, те, кто спровоцировал войну, привел к поражению, организовал революцию, те, кто повинен во всех наших страданиях. Этот враг близко, рядом, его можно схватить за руку, и все же этот враг исчезал в темноте, и мурашки бегали по коже от мысли, какие же тайные планы вынашивает он. Я наблюдал за студентами. За несколько часов перед этим они, вероятно, трудились на семинаре, где под руководством некоего известного профессора или ученого пытались решить какую-то математическую, философскую или юридическую проблему... Теперь молодая кровь кипела, глаза вспыхивали огнем, кулаки сжимались, хриплые глотки орали либо «браво!», либо «месть!». Иногда разрешалось произносить речи с места; того, кто осмеливался выразить хоть тень сомнения, встречали криками, ос-

Испанское издание «Протоколов»: «Тайное всемирное правительство, или еврейская программа порабощения мира». 1930 год.

Французское издание: «Еврейская угроза — полный текст протоколов сионских мудрецов». 1934 год.

Обложка арабского перевода «Протоколов», опубликованного в Каире в 1972 году.

Издание «Протоколов», опубликованное русскими эмигрантами в Париже, 1927 год.

корблениями, а иногда и угрозами. Если бы я был опознан как еврей, то не знаю, смог ли бы уйти оттуда без побоев. Немецкая система обучения проповедовала веру в подлинность «Протоколов» и в существование всемирного еврейского заговора, внедряя ее во все слои образованного немецкого общества, так что теперь эти идеи искоренить невозможно. Время от времени какая-нибудь газета христианского направления выражала легкие сомнения, помещая скромные и робкие возражения, но дальше этого не шла. Ни один из великих немецких ученых (кроме покойного, оплакиваемого всеми Штрака) не поднялся и не разоблачил фальшивку...» [В. Segel. Die Protokolle... S. 37-38].

<...> Несомненно, наиболее фанатичными сторонниками «Протоколов» были те, кто разделял расистские взгляды фелькиш, — но, с другой стороны, даже самый ортодоксальный протестантизм не мог служить надежным противоядием. Антисемитские пропагандисты начали распускать слухи, что подлинность «Протоколов» гарантирована Британским музеем на основании того, что экземпляр книги Нилуса хранился в его огромной библиотеке, и этого было достаточно, чтобы убедить наиболее степенные и респектабельные журналы лютеранской церкви.

Спрос на «Протоколы» среди широкой публики, принадлежавшей в основном к средним слоям общества, мог падать, но никогда не исчезал. Ко времени прихода Гитлера к власти в 1933 году увидело свет 33 издания. Тем временем издательство «Der Hammer» в Лейпциге выпустило популярное издание «Протоколов» под редакцией Теодора Фритша, которое к 1933 году разошлось тиражом около 100 тыс. экземпляров. Кроме того, эти издания сопровождалось потоком книг, дополнявших и защищавших сами «Протоколы».

Немецкий перевод книги «Международное еврейство», организованный Генри Фордом, вышел шестью изданиями в период с 1920 по 1922 год. (Позже Форд публично признал, что был введен в заблуждение, и отказался от своей антисемитской деятельности. — Прим. ред. книги).

К 1923 году официальный идеолог нацистской партии Альфред Розенберг издал книгу, озаглавленную «Протоколы сионских мудрецов и еврейская мировая политика», которая за один год выдержала три издания. Уже в 1920 году Германию наводнили сотни тысяч экземпляров «Протоколов» и комментариев к ним.

Все это являлось частью антисемитской кампании такого размаха, который был неведом до войны. Через год после заключения перемирия существовало уже шесть организаций, которые занимались распространением «Протоколов», — две в Берлине, три в Гамбурге, одна в Лейпциге и, по крайней мере, 12 газет и других периодических изданий, — и это в то время, когда Гитлер со своей партией еще даже не вышел из безвестности на политическую арену.

Благодаря усилиям этих организаций и журналов влияние «Протоколов» постоянно усиливалось новыми фаль-

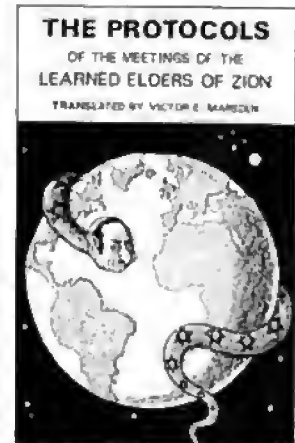

Польское издание «Протоколов», выпущенное во время оккупации Польши нацистами. Познань, 1943 год.

Еще в 1934 году швейцарский суд официально признал «Протоколы» фальшивкой. В 1992 году к такому же выводу пришел и Верховный суд Украины.

Обложка русского издания «Протоколов», вышедшего в 1992 г.

Английский перевод «Протоколов». Лондон, 1978 г.

шивками и рассказами о мировом еврейско-масонско-большевистском заговоре. Уже в 1919 году появились два издания «Речи Раввина», кроме тех ее вариантов, которые были включены в книгу Вильгельма Майстера.

«Документ Цундера», сыгравший важную роль в организации погромов в России, также проник в Германию, он был напечатан в феврале 1920 года в русской газете правого направления «Призыв» и тут же переведен и перепечатан «Ауф форпостен» и журналами подобного толка. В том же месяце была переиздана старая книга Осман-Бея «Завоевание мира евреями». Еще одну золотую жилу для антисемитов нашел Мюллер, который снабдил свое издание «Протоколов» пространством вступлением и заключением.

Даже у тех, кто занимался этим вопросом, содержание книги вызвало шок, а ведь она была самым серьезным образом воспринята профессорами и школьными учителями, бизнесменами и промышленниками, армейскими офицерами и гражданскими служащими. Ибо даже «Протоколы» не столь эксцентричны, как издательские приложения. Сюда относится, например, карикатура «Сон кайзера», впервые опубликованная в английском еженедельнике «Истина» в 1890 году. Этот сатирический комментарий — по поводу амбиций кайзера и их возможных последствий — расценивался как еврейско-масонская стряпня, раскрывающая тайный (!) план низвержения европейских монархий; разве не был сам издатель «Истины» Генри Лабушер масоном и, более того, членом Клуба за проведение реформ?

Еще одна примечательная фантазия, которую Мюллер фон Хаузен позаимствовал из «Призыва»: в Кремле якобы была отслужена черная месса, во время которой Троцкий и его подручные молились Сатане, прося у него помощи для победы над врагами; об этом якобы сообщил охранник, который затем по приказу Троцкого был убит. Такой вздор стал расхожим товаром в руках антисемитских пропагандистов.

Но вершиной абсурда явилась фальшивка «Победоносный взгляд на мир (Неомакиавеллизм и мы, евреи)», напечатанная за несколько дней до появления «Протоколов» под вымышленным именем доктора Зигфрида Пендатулла. Автор памфлета, конечно, «еврей», открыто радуется успеху плана, изложенного в «Протоколах», оче-

Карл Люгер (в экипаже слева) — популярный политический деятель, с 1897 по 1910 годы занимавший пост бургомистра Вены. Его предвыборная программа носила антисемитский характер. В период пребывания Карла Люгера на посту бургомистра в Вене жил никому не известный молодой человек, пытавшийся поступить в академию изящных искусств. Впоследствии он стал известен всему миру как Адольф Гитлер. Акварель Вильгельма Гаузе.

Адольф Штекер — придворный проповедник германского кайзера, лидер движения христианских социалистов. Эта партия, ориентировавшаяся на рабочих и на наименее обеспеченных представителей среднего класса, призвала к борьбе против капиталистической эксплуатации, в которой обвиняла евреев, направляя эти призывы «традиционным» антисемитизмом.

Мендель Бейлис в кругу семьи в России; последний из европейских евреев, которого обвинили в 1911 году в ритуальном убийстве. Бейлис был полностью оправдан судом. Впоследствии Бейлис эмигрировал в США.

видно забыв, что план-то должен оставаться в тайне. Наласть на след беззаботного Пентатулла было довольно просто. Как раз в это время газета «Дойче цайтунг», бывший орган Германской национальной народной партии (консерваторов), начала публикацию серии небольших рассказов, где главным действующим лицом был негодяй еврей по имени Пентатулл; рассказы, как и сама фальшивка, на самом деле принадлежали перу одного и того же автора по имени Ганс Шлинман, известного антисемита. Но это не удержало газету от выражения притворного ужаса в связи с откровениями вымышленного Пентатулла. От его книги, восклицает газета, «в жилах стынет кровь». И далее газета требует: «Необходимо организовать объединенную христианскую фалангу против страшных опасностей, которыми евреи угрожают не только церквям, но и всему немецкому народу. Нужно говорить об этом откровенно, если мы не хотим жалкой смерти... Народ можно вытащить из трясины... только лишь с помощью энергичной борьбы против отравителей нации; только так мы можем вырваться из их цепких объятий» [*Deutsche Zeitung*, 31 August 1920].

Больше всех распространялся на ту же тему, что и Пентатулл, неутомимый пропагандист «Протоколов» граф Эрнст цу Ревентлов. В мае 1920 года он посвящал ей статьи в «Дойче цайтунг», в которых утверждал, что истинность «Протоколов» несомненна, а доказательствами тому служат Пентатулл и «документ Цундера». Все это он делал, не веря ни одному своему слову.

Хотя хорошо известно, что большая часть антисемитской пропаганды состоит из заведомой лжи, трудно найти еще одного подобного лгуна, выпискивавшего такое количество клеветы на бумагу. Лишь один раз Ревентлов сделал исключение. В 1940 году отдел службы пропаганды Третьего рейха решил возродить Пентатулла и обратился с просьбой к Ревентлову, который все еще был членом рейхстага. Собрание Фрейенвальда в Вейнеровской библиотеке сохранило его ответ: «Когда я прочитал памфлет, подписанный «Пентатулл», мне сразу стало ясно, что это — неуклюжая «утка». Тем не менее публично я утверждал его подлинность, так как, по моему мнению, такая тактика в лучшей мере отвечала целям того времени... Хайль Гитлер!» [*Копия письма Ревентлова (от 5 марта 1940 года) хранится во Фрейенвальдском архиве (пентатуллоевский раздел)*].

Нам понятно, ради чего Ревентлов состряпал эту ложь. В июне 1920 года должны были состояться выборы в первый рейхстаг республики. Изображая республику как творение рук «сионских мудрецов», он заполучил огромное количество голосов для победы антидемократических правых сил.

Антисемитизм и политические убийства

Не в последнюю очередь с помощью «Протоколов» были спровоцированы два политических убийства, которые произошли в Берлине в 1922 году. По приезде в Берлин Шабельский-Борк, друг и соратник Винберга, а также активный распространитель «Протоколов», нашел организацию, созданную по образцу «Черной сотни» и хорошо обученную методам террора.

Ее главный «подвиг» был совершен 28 марта 1922 года. В здании берлинской филармонии проходил митинг русских эмигрантов в помощь голодающим Советского Союза. Председательствовал на митинге Павел Николаевич Милохов, известный историк и руководитель партии конституционных демократов (кадетов). Милохов бежал из России, не желая попасть в тюрьму или погибнуть от большевистской пули; так же, как Винберг и Шабельский-

Борк, он вынужден был примкнуть к немецким войскам, покидавшим Украину.

Но и это не остановило фанатиков. Шабельский-Борк и его банда ворвались в здание филармонии и открыли стрельбу по сцене. В Милюкова они не попали (он бросился на пол лицом вниз), а убили Владимира Набокова (отца известного писателя). За это убийство Шабельский-Борк был приговорен к 14 годам каторги. Его выпустили на свободу задолго до окончания срока, а когда к власти пришли нацисты, он стал получать регулярную пенсию от управления Розенберга.

В 1933 году Шабельскому-Борку было позволено сотрудничать с властями в организации русского нацистского движения. Это было «достойной наградой», ибо в своих действиях и в попытке убить Милюкова Шабельский-Борк руководствовался доктриной своего учителя Винберга, который тоже был замешан в убийстве и был вынужден покинуть Германию. Винберг считал Милюкова тайным агентом большевиков, которые в свою очередь являлись агентами «сионских мудрецов».

Через несколько месяцев произошло убийство, которое получило широкий резонанс во всей Европе. В июне 1922 года группа молодых фанатиков убила германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау. Совершившие убийство были абсолютно уверены не только в том, что Ратенау действовал от имени «мудрецов», но что и сам он являлся одним из них.

Ратенау был человеком незаурядных способностей. Он оставил свой след в прикладных науках, технике, философии, политике и экономике. Кроме того, он был крупнейшим немецким промышленником, выдающимся администратором и талантливым министром иностранных дел. Его заслуги перед Германией были огромны. В самом начале войны он предсказал ту смертельную угрозу, которую могла представлять британская блокада. Для ее предотвращения он в удивительно короткий срок создал мощную организацию, которая, по существу, позволяла обеспечивать Германию сырьем на протяжении всей войны. После войны он неутомимо трудился, чтобы вывести Германию из изоляции и облегчить бремя контрибуции; одновременно он стремился к объединению народов Европы, все еще разъединенных, желая скоординировать коллективные усилия по восстановлению разрушенной экономики. В апреле 1922 года, будучи министром иностранных дел, он подписал Рапалльский мирный договор с Советским Союзом, благодаря которому обе стороны отказались от взаимных притязаний.

Ратенау был страстным патриотом, но это был патриотизм цивилизованного и либерального европейца, который не имел ничего общего с шовинизмом. Ратенау был евреем. Правые фанатики, естественно, смотрели на него с ненавистью, которая все усиливалась по мере укрепления его политического авторитета. В 1921 году пресса блока фелькиш и молодая нацистская партия начали представлять этого великого идеалиста как порождение дьявола. «Вы распространяете вокруг себя сатанинскую справедливость, разворачиваете сатанинскую деятельность, прославляете сатанинскую нравственность», — писала однажды «Дойче фолькише блеттер», а нацистская «Фолькише беобахтер» жаловалась: «Когда это в прежние времена был у нас Вальтер I из династии Авраама, Иосифа и Ратенау? Грядет день, когда колесо мировой истории будет пушено вспять и покатится по трупам великого финансиста и многих его сообщников» [«C. V. Zeitung», 20 June 1921, Band I].

<...> Воображение убийц было целиком поглощено «Протоколами» и теми материалами, которые накапливались вокруг них. Об этом вполне откровенно говорил на

«Антисемитизм: союз реакционных сил — еврея, дьявола, монархии и церкви». Немецкая карикатура.

предварительном следствии главный организатор преступления Вилли Гюнтер. На вопрос о причине убийства Ратенау он ответил, что, по мнению Людендорфа, он был тем самым человеком в Германии, которому было известно точное число представителей тайного еврейского правительства, развязавших войну.

<...> Конечно, убийство Ратенау как одного из «сионских мудрецов» предвещало наступление той безумной эры, когда «Протоколы» будут провозглашены правительством великого европейского народа истиной в последней инстанции. Некоторые слова, произнесенные судьей в заключительной речи, многие во всей полноте осознали лишь позже, но в 1922 году не поняли их: «За спиной убийц и их сообщников стоит главный виновник — безответственный фанатический антисемитизм, обнаруживший подлинное лицо, искаженное ненавистью, антисемитизм, который бесчестит еврея как такового, независимо от его личности, с помощью клеветы, образчиком которой является вульгарная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов»; антисемитизм, который пробуждает в незрелых и смятенных умах инстинкты убийц. Пусть жертвенная смерть Ратенау, который слишком хорошо знал, каким опасностям подвергал себя, занимая этот пост, пусть та глубокая озабоченность безрассудным и бессовестным подстрекательством, проявившимся на этом суде... послужат очищению атмосферы, воцарившейся в Германии, и пусть ведут Германию, охваченную ныне нравственной болезнью, погрязшую в моральном варварстве, к ее исцелению» [K. Brammer. Op. cit., S. 14]. <...>

Лондон

Перевод с английского С. Бычкова

Публикуется по изданию: Кон Н. Благословение на геноцид. — М.: Прогресс, 1990.

В материале использованы фотографии фотовыставки «Черта оседлости: до и после», «BRON», Amsterdam и экспозиции «Старые еврейские фотографии», г. Новгород.

Продолжение — в следующем номере «Карты».

Йоке КНИСМЕЙЕР, Даниел Сил БРЕХЕР

Евреи в советской России: между войнами

<...> «Евсекции» — еврейские секции коммунистической партии Советского Союза, стали основным инструментом, с помощью которого новое правительство начало проводить в жизнь марксистскую доктрину насильственной ассимиляции.

Поскольку большинство российских евреев поддерживало религиозные сионистские организации, их необходимо было ликвидировать в первую очередь. Сионизм был объявлен «буржуазно-клерикальным течением», тысячи сионистов были сосланы в Сибирь.

Целенаправленное преследование со стороны большевистского правительства коснулось всех религиозных организаций и, естественно, не обошло стороной верующих иудеев. «Евсекции» закрывали синагоги и хедеры, конфисковывали религиозные книги и предметы поклонения, преследовали раввинов и других служителей иудейского религиозного культа и руководителей общин. Тех немногих, кто отказывался добровольно отречься от своих убеждений и сложить полномочия, арестовывали и отправляли в ссылку.

Одновременно «евсекции» повели борьбу с еврейским языком. С их точки зрения, иврит являлся реакционным языком еврейской буржуазии и должен был быть полностью заменен идишем — языком еврейского пролетариата. Школы, где преподавание велось на иврите, равно как и периодические издания на иврите, закрывались.

К концу 20-х годов иврит оказался единственным языком, объявленным в Советском Союзе «вне закона». В результате иудейское религиозное образование сделало невозможным. Единственными «дозволенными» формами национальной жизни советских евреев стали образование, литература, пресса и театр на идише. До конца 30-х годов, пока эти формы тоже не запретили, они переживали период удивительного расцвета.

Вначале новые школы с преподаванием на идише пользовались огромной популярностью. Однако, поскольку высших учебных заведений на идише не было, средние школы со временем стали закрывать. А к концу 30-х годов они и вовсе исчезли.

«Перекрыв кислород» еврейской религиозной и общинной жизни, «евсекции» выполнили свою задачу и стали никому не нужны. В 1930 году они были распущены.

Во время сталинских репрессий конца 30-х годов большин-

ство бывших членов «евсекций» были обвинены в «национализме», сосланы в лагерь или расстреляны.

Первая мировая война, перешедшая в гражданскую войну, и последовавшая за ними эпоха «военного коммунизма» целиком разрушили традиционный хозяйственный уклад «штетла» (еврейского местечка).

Правда, введение в 1921 году новой экономической политики немного ослабило петлю на шее еврейских крестьян и ремесленников, получивших разрешение торговать своим товаром. Но в 1928 году, с принятием первого пятилетнего плана, нэп был отвергнут.

Последовавшие за этим индустриализация и коллективизация до основания уничтожили социально-экономическую структуру штетла. Такие традиционные для евреев занятия, как мелкая торговля, ремесла исчезли в одночасье. В результате десятки тысяч евреев вынуждены были сняться с насиженных мест и отправиться на поиски работы в новые промышленные центры.

Правда, благодаря довольно высокому уровню образования многим евреям удалось устроиться врачами, инженерами, хозяйственниками, бухгалтерами и т.п.

Правительство же решило приобщить евреев к сельскому хозяйству, а также представить мировому сообществу свою альтернативу сионизму, для чего учредило на Дальнем Востоке, в Биробиджане, еврейскую республику — Еврейский автономный округ.

Однако этот план правительству не удался. Дальневосточный климат оказался для евреев слишком суровым, а район, выбранный правительством, слишком удаленным от основных центров еврейской жизни. В 1937 году евреи составляли всего 24% населения Биробиджана.

Результатом массового переселения евреев из Белоруссии и Украины, их радикальной профессиональной переориентации стала быстрая ассимиляция евреев.

Идиш в еврейской среде все больше и больше вытеснялся государственным, русским языком, а число смешанных браков в 30-е годы достигло трети всех заключаемых евреями браков. На протяжении жизни одного поколения русско-еврейское население коренным образом изменилось.

По материалам фотовыставки
«Черта оседлости: до и после»,
«BRON», Amsterdam.

Еврейская автономная область (ЕАО)

Еврейская автономная область (ЕАО) расположена между 47 и 49 северной широты и 130–135 восточной долготы. Наибольшее протяжение с запада на восток — 330 км, с севера на юг — 220 км. Площадь области 36,3 тыс. кв. км. ЕАО расположена в южной части российского Дальнего Востока.

На западе ЕАО граничит с Амурской областью, на востоке — с Хабаровским краем, на юге ее граница по реке Амур совпадает с государственной границей России и Китая. По ее территории проходит Транссибирская магистраль. Территория области делится на две примерно равные части: горную и равнинную. Горная находится на северо-западе (Хинганно-Бурейнская горная система), равнинная — на юге и востоке (Средне-Амурская низменность). Зима малоснежная и холодная (температура — 25–40 С°), лето теплое и влажное. В течение года на равнине выпадает 450–500 мм осадков, причем около 75% в летнее время.

Еврейская автономная область является конституционным субъектом Российской Федерации, имеет в своем составе пять районов: Октябрьский, Ленинский, Облученский, Биробиджанский и Смидовичский. В области два города, 12 поселков городского типа и 47 сельских. Областной центр — город Биробиджан (население 86 тыс. человек).

В настоящее время в области проживает около 220 тыс. человек. Плотность населения — 6,1 человека на 1 кв. км (по России — 8,6). Национальный состав, согласно переписи 1989 года, выглядит так:

русские — 83,2 %, евреи — 4,2%, украинцы — 7,4%, белорусы — 1%, татары — 0,7%, другие национальности — 3,5%.

В последние годы численность населения области уменьшается. Это вызвано уменьшением миграции из западных районов страны и увеличением эмиграции еврейского населения в Израиль.

Население области довольно высоко урбанизировано: горожане составляют 66%. Доля населения в трудоспособном возрасте — 58,3%.

Источник: Национальная служба новостей

Виктор БАЛАН

Дальневосточный эксперимент

Южная часть Дальнего Востока была окончательно закреплена за Российской империей по Айгунскому договору с Китаем в 1858 году. Это было одно из последних территориальных приобретений России в ее многовековом расширении во все стороны света. Именно там, в Приамурье, в советское время в составе Хабаровского края была образована Еврейская автономная область. Ее территория — 36 тыс. кв. км (больше Бельгии).

В отличие от других земель, вошедших в состав Российской империи (Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и др.), Дальний Восток был мало заселен. Это относится и к Приамурью. В середине прошлого века сюда были переселены часть забайкальских казаков, а в процессе столыпинской реформы — крестьяне из Южной России. Обитали здесь также корейцы и местные племена — дауры.

Перед «еврейским» этапом истории этого края там проживало 30 тыс. человек, не так уж и мало, но это капля в море по сравнению с соседними перенаселенными китайскими землями. Важно отметить, что русские поселенцы заселяли прибрежные южные места, занимались в основном рыболовством, охотой. Сельское хозяйство было скудным, обрабатывающей промышленности не было совсем, «пролетариат» представляли рабочие лесопилок и нескольких ремонтных мастерских, обслуживающих

Транссибирскую железную дорогу. Велась небольшая добыча золота.

Перед советским руководством стояла такая же задача, как и перед царским, — заселить глухие места, поднять их экономически, в конечном счете — обезопасить край от нелегальной китайской эмиграции. Создание в Приамурье национального очага для евреев — чистая демагогия.

Никогда, или почти никогда, советская власть не поощряла ни развитие еврейской культуры, ни государственности. Ведь по теории Сталина, великого теоретика и практика (нарком!) по делам национальностей, евреи — это вообще не нация.

Правда, один «еврейский» аспект был, но далекий от государственности и культуры, а именно: «посадить евреев на землю». Известно, что в пределах бывшей «черты оседлости» евреи бедствовали, революция лишила их традиционных занятий (ремесленничество, мелкая торговля). Комитет по земельному устройству евреев-трудящихся (Комзем) уже занимался в 20-х годах организацией еврейских сельскохозяйственных коммун на Украине и в Крыму.

Комзему была поручена организация таких же хозяйств в Приамурье. В 1927 г. комитет послал туда комиссию из агрономов и экономистов для выяснения возмож-

ности сельскохозяйственной колонизации. Выводы комиссии были не весьма оптимистичны. Главный из них: край очень сложен для освоения, требуются огромные средства. И время. А средств в стране Советов не было. И времени тоже.

Комиссия Комзема мягко отметила, что местные старожилы не проявляли никаких признаков гостеприимства. Помимо предвзятого отношения к евреям, они вполне объяснимо опасались лишиться охотничьих угодий. Жизнь, однако, показала, что опасения местного населения были преувеличены. Евреев приехало гораздо меньше, чем планировалось, и поселились они в основном на севере края, вдоль железнодорожной магистрали.

В чрезвычайной спешке в марте 1928 года Президиум ЦИК принял постановление о «закреплении» за Комземом Бирско-Биджанского (именно так!) района. Это название было дано по именам рек, притоков Амура, и оно закрепилось, как мы видим, с небольшим изменением.

В постановлении ЦИК был многозначительный пункт: «При благоприятных результатах сплошного заселения означенного района трудящимися евреями иметь в виду возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы».

Как и все советские прожекты, план заселения Приамурья евреями был грандиозен. Ожидалось, что к концу первой пятилетки (1932 г.) евреев там будет 60 тыс. человек, а к концу второй — 150 тыс., при общем населении района — 300 тыс.

В апреле 1928 года на станцию Тихонькая (будущий город Биробиджан) прибыл первый эшелон с евреями-переселенцами. Это были семьи из местечек Белоруссии. Никаких подготовительных работ, как рекомендовала комиссия (мелиорация, строительство дорог и жилья), проведено не было.

Два еврейских юноши фотографируются на память перед тем, как покинуть родные места и отправиться на поиски работы в город.

Прибывшие оказались в чистом поле, под ясным небом. Точнее — в тайге, под дождем. Практика переселения людей без малейшей подготовки была впервые опробована советской властью на евреях.

Неудивительно, что из 950 прибывших весной и летом 1928 года к концу года осталось только 350. Остальные вернулись обратно или разбрелись по обжитым городам Дальнего Востока. Такой высокий отсев продолжался примерно еще 5 лет.

В 1931-32 гг. на Дальнем Востоке произошли важные события — Япония оккупировала Маньчжурию. Следовало срочно укреплять Приамурье. Советское руководство решило изменить тактику заселения. Во-первых, стали применять метод вербовки, во-вторых, увеличили приток нееврейского населения, в основном крестьян, т.е. раскулаченных из европейской России. В 1934 году Биробиджанскому району Хабаровского края был дан статус автономной области — Еврейской.

Вот какая демографическая картина сложилась там к 1939 году. Всего населения — 110 тыс. чел., из них евреев — около 20 тыс. Сельских жителей — 35 тыс. чел., евреев 3 тыс., работало 18 еврейских колхозов (из их общего числа — 60).

Необходимо заметить, что эти данные взяты не из статистических таблиц, цена которым в советской стране известна, а из пропагандистских брошюр, доверия к которым еще меньше. Строились промышленные предприятия — электротехнические, мебельные, по сельхозмашиностроению, легкой промышленности, добыче олова.

Глядя ретроспективно в те давние годы, мы видим, что план создания на Дальнем Востоке еврейского социалистического центра не осуществился. Но в 30-е годы отношение в мире к биробиджанскому проекту было иным. Кроме сионистских лидеров, руководители других еврейских организаций относились к плану заселения Приамурья евреями сочувственно, а некоторые (ИКОР, Агро-Джойнт, Амбиджан и др., причем не только в США) активно сотрудничали с Комземом.

Под их влиянием в Биробиджан прибыло около 1400 переселенцев из обеих Америк, Европы и даже Палестины. Причина тому — экономический кризис в мире, чудовищный антисемитизм в гитлеровской Германии, а также общее увлечение социалистическими идеями. В те годы в область приехало немало еврейских литераторов, учителей, артистов, верящих в расцвет национального центра в дальневосточной тайге.

Хватило нам и холода, и зноя,
Закон тайги помог пройти весь путь.
Ты хочешь пить — трудись, колодец роя,
Ты хочешь есть — сам сеятелем будь.

(Арон Вергелис)

Еврейская культура в области (образование, распространение языка идиш, пресса, театральная жизнь и др.) являлась в целом отражением советской еврейской культуры, эволюционировавшей от поощрения (вплоть до попыток перевода делопроизводства в Биробиджанской АО на идиш) до практически полного ее запрета.

От национальных школ, театра (имени Кагановича!), литературного журнала, художественной самодеятельности к концу 40-х осталось несколько табличек на идиш с названием улиц и железнодорожной станции, газеты, выходящей 2 раза в неделю микроскопическим тиражом и десятиминутной передачи по радио последних известий.

«Большой террор» не миновал и Еврейскую АО. Как и во всей советской стране, жертвы были и среди руковод-

ства, и среди рабочих, крестьян, интеллигенции, как среди евреев, так и среди остальных жителей области. Эмигранты пострадали больше всего. Корейцев депортировали в Казахстан.

В предвоенные годы и в годы войны приток еврейских переселенцев сократился, притормозилось и промышленное развитие области. Связано это было главным образом с отсутствием в области значительных оборонных предприятий.

После войны наблюдался некоторый подъем. Прибыло несколько тысяч евреев-переселенцев из Украины, вернувшихся из эвакуации и нашедших родные дома полностью разоренными. Ехали демобилизованные солдаты и молодые люди, потерявшие семьи. Ориентировочно в 1947 году в ЕАО проживало наибольшее количество евреев — около 30 тысяч (точных данных нет).

1945–46 гг. — время наиболее «благоприятного» отношения советской власти к евреям. В январе 1946 года Совнарком РСФСР принял постановление о развитии Еврейской АО. В Биробиджане был основан музей с экспонатами еврейской истории и быта, продолжал работать театр, в нескольких классах области преподавали идиш, начала функционировать синагога. Готовился к открытию еврейский университет.

Черная эпоха для области, как и для всех советских евреев, началась после 1948 года — результат не столько появившегося или проявившегося антисемитизма Сталина, сколько следствие больших неудач его ближневосточной политики.

Известно, что с началом войны советский режим прекратил антисионистскую пропаганду (что не означало, однако, прекращение репрессий против «своих сионистов»). Советский Союз поддержал также создание государства Израиль, так как Сталин рассчитывал укрепить советские позиции на Ближнем Востоке после ухода англичан из Палестины. Именно с этими планами следует связывать упомянутую выше «благоприятность» в тот период.

Подвергшийся нападению со стороны арабских стран сразу после провозглашения независимости, Израиль получил с одобрения Сталина чехословацкое оружие, и ему была даже предложена военная помощь.

Руководители еврейского государства отвергли ее. Было это в сентябре 1948 года. А в октябре Суслов, по приказу Сталина, вызвал членов Еврейского антифашистского комитета и сообщил им следующее: «Израиль вместо того, чтобы идти по пути серьезных забот... о нуждах еврейского народа, согласился... следовать в фарватере государств, враждебных делу мира. Единственный выход — в создании государства, которое бы показало, что еврейский народ не хочет быть прихвостнем империализма. Такое государство... может быть создано евреями, живущими в СССР, на базе Еврейской автономной области в Биробиджане» (см. Долицкий Е. И. Еврейский антифашистский комитет у Суслова // Звенья: Истор. альманах, 1991).

Комитету было предложено стать организатором переселения евреев в Биробиджан. Наиболее авторитетные руководители комитета Лозовский и Маркиш выступили с решительными возражениями, хорошо понимая, чем такое выступление грозит им и всем членам ЕАК.

Отношение режима к евреям с этого момента резко изменилось. Вспомним антикосмополитическую кампанию, расстрел членов ЕАК, дело врачей. До всесоюзного погрома дело не дошло, но репрессии коснулись многих евреев

Лесосплав в Биробиджане. Местные фотографы, как правило, старались придать картинам трудовой жизни героический ореол.

практически во всех сферах жизни, а географически — по всей стране.

В Биробиджане были арестованы и осуждены первый секретарь обкома Бахмутский и председатель облисполкома Левитин, другие руководители, представители интеллигенции — все евреи.

Обвинения выдвигались самые абсурдные: буржуазный национализм, сотрудничество с американскими общественными организациями, «национальное прожектерство». Были закрыты театр, синагога, издательство, окончательно прекратилось преподавание еврейского языка и литературы в школах.

Только в 1970 году секретарем Биробиджанского обкома был «избран» еврей, Лев Шапиро.

С 1948 года начался активный отъезд евреев из края — примерно 1500 человек покидало ЕАО ежегодно. В 1959 году население области составляло 180 тыс. чел., из них евреев — 14 тыс. (9% от общего числа), в Биробиджане проживало 50 тыс. чел.

В середине 70-х гг. «железный занавес» над Еврейской АО приподнялся. Область экономически окрепла, туда стали приезжать туристы и корреспонденты, выпустили красочную брошюру об успехах края и т.д.

Немного оживилась еврейская культурная жизнь. Вновь открылась небольшая синагога. Одновременно стало ясно, что большевистская идея сделать Биробиджан центром притяжения евреев Советского Союза и мира была обречена на неудачу.

В годы перестройки евреи стали уезжать из ЕАО уже не только в другие города страны, но и в Израиль, Америку и другие страны.

И сейчас Еврейская АО существует. В ней живет около 3-х тысяч евреев, при общем населении — 220 тысяч. Местные власти прочно отстаивают статус автономии, в области есть губернатор, правительство и даже законодательное собрание. Сегодня в ЕАО отношение к евреям и еврейской культуре вполне положительное. Надо сказать, что даже неевреи охотно участвуют в еврейской самодеятельности и отмечают еврейские праздники...

В публикации использованы материалы Информационного центра «7:40» и фотовыставки «Черта оседлости: до и после», «BRON», Amsterdam.

Татьяна БАЛАНИНА–ПЕЧЕРСКАЯ

Город, в котором жил идиш

Две холодные горные реки Бира и Биджан. Тайга, комары, болота, красная икра и жирные караси. А еще плюс 30 летом и минус 30 зимой. Вот в этот самый Богом забытый таежный уголок в начале 20-х и вселился идиш.

Впрочем, о том, как евреи со всего света ехали искать счастья и бороться со всеми трудностями, кое-что написано. Сегодня этот притянутый за уши статус как бы еврейской области выгоден разве что нынешним местным властям.

Но ведь жил когда-то идиш в городе моего детства! Он был везде — в витринах магазинов и на качелях старого парка, в зеленых двориках хрущевских домов и шумных школьных коридорах. А еще он жил в единственной биробиджанской синагоге. Она была крошечная и деревянная.

Моя бабушка ходила туда каждую неделю. А когда возвращалась домой, зажигала свечи в честь субботы. И благодарила Бога за то, что не живет, скажем, в соседнем селе Валдгейм, расположенном в 12 километрах от города. Его название в переводе с идиш означает «Дом в лесу». Синагоги там не было, и его жителям приходилось каждую неделю добираться в Биробиджан пешком, потратив 3–4 часа туда и обратно.

Такой энтузиазм они проявляли только в первые годы после переселения на дальневосточные земли, с каждым годом группа из этого села становилась все меньше, они выбирались сюда все реже, а вскоре синагога сгорела.

Но больше всего идиш блаженствовал на Шопом-Алейхема — центральной улице города. Она, эта улица, и сейчас так называется, жаль только, что идиш вытеснен с ней многоязычным говором новых переселенцев из бывших республик СССР.

И центральный биробиджанский рынок уже не тот. Нет резника, который при тебе кошерно резал только что купленную курицу. Не привозят сюда больше речных щук — некому покупать их для гефилте фиш. Утром по пятницам не стоят повсюду группы пожилых женщин, которые на идиш вперемешку с русским обсуждают меню сегодняшнего ужина, предлагая друг другу рецепты и давая советы, что лучше всего добавить в бульон, чтобы холодец получился вкуснее.

Зато здание комитета госбезопасности, или, как его сегодня называют, ФСБ, по-прежнему в центре города. И КГБ сыграл свою роль в судьбе идиш. Несколько лет назад в Биробиджане произошло знаменательное событие, которое привлекло внимание общественности к этому скромному зданию.

Выяснилось, что еще в 50-е годы, когда в ЕАО закрыли последнюю еврейскую школу, из областной научной библиотеки были конфискованы почти все еврейские книги, журналы и газеты, иными словами, вся литература, в которой жил идиш.

«Арестованные» много лет хранились в подвалах этого неприметного здания, и, что самое удивительное, они прекрасно сохранились. Два года назад, получив «амнистию», они вернулись в родной дом — в областную библиотеку. Правда, за эти годы читателей на идиш заметно поуменьшилось.

Если бы вы посетили Биробиджан пять-шесть лет назад, то на центральной улице непременно встретили бы известную всем горожанам Хаю Эпштейн. Это — весьма колоритная личность. Говорили, что она родом из Одессы. И если образ одесской бандерши Бабель писал не с нашей Хай, то только потому, что он с ней не был знаком. Хая была женой еврейского поэта и прозаика Макса Эпштейна. Долгое время работала маникюршей, благодаря своей профессии была знакома с большей половиной женского населения Биробиджана. Она была также актрисой сначала профессионального, а затем народного еврейского театра.

Театр умер. Причина все та же — нет денег на его содержание. В театре часто менялись режиссеры. Первым был известный московский режиссер М.А. Рубинштейн. Последним там работал коренной биробиджанец В. Землянский. И актерский состав часто менялся. Неизменным оставался только язык спектаклей. Правда, в последние годы многие молодые актеры идиш не знали, они записывали свою роль русскими буквами и зазубривали наизусть. Но это было не так важно. Главное — спектакли шли и у них были зрители. На премьерах всегда был аншлаг.

Можно идиш в Биробиджане услышать и сейчас. Сегодня небольшое число еврейских объектов в городе — та самая экзотика, которая привлекает сюда разного рода людей — журналистов, политиков, интуристов. Приезжает какой-нибудь иностранец в Биробиджан узнать и понять, как сейчас живет еврей в России (ведь у ЕАО официально — «еврейский статус»), и вот здесь ему предлагают полную программу: еврейские достопримечательности и интересные люди.

Перво-наперво их ведут в областной краеведческий музей. Затем — газета «Биробиджанер штерн», интервью с человеком, пережившим Катастрофу (это сейчас в России актуальная тема).

Почти всегда есть час-другой для посещения коммунистического «Музея первостроителей Биробиджана». Почему коммунистического? Потому что хозяйка музея яростная коммунистка Фира Кофман, приехавшая строить еврейскую область по комсомольской путевке в 30-е годы, расскажет вам своим низким мужским баритоном, как это было, не скрывая ностальгии по обкомам, субботникам и социалистическому соревнованию. После музея программу продолжают в еврейской общине и на десерт — синагога.

Справедливости ради замечу, что идиш все еще живет в Биробиджане. И на страницах «Биробиджанер штерн», и в коротких передачах областного радио, и в еврейских фамилиях из давно изданного телефонного справочника, и на городских вывесках.

В пединституте есть кафедра идиш. А недавно идиш вновь зазвучал в школьных классах. Правда, только в единственной биробиджанской школе. Изучают его там не только еврейские мальчики и девочки: идиш там как иностранный язык, у которого нет будущего.

Да, есть сейчас в Биробиджане синагога. Она опять же маленькая и деревянная. Только евреев там почти нет...

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ

Дом в лесу

Новая черта оседлости

Идея новой "черты оседлости" в Кремле созрела не сразу. И автор идеи не установлен. Известно, что вскоре после смерти Ильича "Всероссийский староста" Калинин сказал на каком-то собрании: "У нас давно возник вопрос, где организовать Еврейскую область, и я дал задание найти такое место..."

У всех на земле место было, а у евреев — не было. Нехорошо, батенька...

Поначалу Еврейская республика проектировалась в Крыму, там собирались организовать сто еврейских колхозов, об одном из первых писал Маяковский. Но что-то в Крыму не вышло. В 1926 году Комзем снарядил экспедицию: 180 человек искали "землю обетованную" на равнинах Смоленщины, в горах Алтая, в степях Северного Кавказа. Отчет составил несколько томов. Общий вывод: "для переселения евреев ни один район в европейской части СССР не подходит".

Отправили новую экспедицию, в Сибирь, — это уже было местечко "потеплее", потом — на Дальний Восток. Руководил экспедициями академик Вильямс, автор знаменитой травопольной системы, поисками в бассейне рек Биры и Биджана командовал профессор Брук, преподававший впоследствии математику в биробиджанской школе № 1. Вряд ли не понимали профессора и академики, что это за место. Муссонные дожди, гнус, морозы ниже 50 градусов...

Дед говорил, что видит как сейчас таежный переезд, где остановился их эшелон. Еврейка на станции переводила стрелку, мой молодой дед спросил: "Мумонька, вос герцех? (Тетенька, что слышно?) — "Зол зэй брехен зесрз коле! (Пусть они себе голову ломают!)"

Кто — они? Московское начальство! Не для того тащилась она за десять тысяч верст, чтобы стрелки переводить...

О них будут писать в газетах, поставят спектакль в театре имени Кагановича (нарккому постановка не понравится: "Издавательство над социализмом"). Снимут жизнемеродостное кино "Искали счастья".

Шестьдесят лет спустя на севере Израиля в кибуце "Лахомей ха-гетаот" ("Узники гетто") я смотрел другое кино. Палатки, полаты, кирки. Болото, не уступающее биробиджанскому. Такие же симпатичные ребята, в жизни не имевшие дела с сельским хозяйством. Ничего, освоили...

На Дальнем Востоке в 1928-м тоже был кибуц. Назывался "ИКОГ" — международная коммуна. Туда привезжали не только из Бобруйска и Житомира, но и из Германии, Румынии, Америки, Аргентины... В начале 30-х некоторые сообразили, к чему дело идет, и — пока еще можно было — уехали. Остальные исчезли после 1937-го... Рассказывают, еще несколько лет назад в районе знаменитой Волочаевки ви-

дели деда библейского вида. Говорил по-русски, но с диким акцентом. Последний осколок "американского десанта".

ЕАО и ПМЖ

Среди заснеженных болот — подмороженная дорога, совершенно пустая. На автомагистраль Тель-Авив — Иерусалим, прямо скажем, не похоже...

Во всей ЕАО 200 тысяч человек, евреев по переписи 1989 года было четыре с половиной процента — девять тысяч. Но за восемь лет именно столько переехало на ПМЖ в Израиль. "Получается, в Еврейской области ни одного еврея?" — задает мне провокационный вопрос замглавы администрации Биробиджана Давид Вайсерман. "Ни одного?" — удивляюсь я: дескать, а вы кто будете? "На самом деле, — таинственно сообщает Давид, шелестя бумагами, — в прошлом году из Биробиджана в Израиль выехало еще 1473 человека, с ними 604 ребенка. Откуда могли взяться, как вы думаете?" — "Не знаю". — "Вот список, — торжествующе заявляет замглавы, — Нащекин, Горлов, Долгий, Мищенко... Ольга Александровна Мищенко репатрировалась в Израиль — как вам нравится?"

Ольгу Александровну не видел, а Давид мне положительно понравился. Редчайший во властных структурах тип: фанатик-архивист, историк-исследователь. Пользуясь служебным положением, проник в архивы госбезопасности, переписал и переснял восемь тысяч документов, издал книгу "Как это было?" — об истории области до 1937 года. Хотел продолжить свою хронику, да нет спонсора.

Странная хроника

— Смотрите, — показывает Вайсерман. — 31 декабря 1952 года сидели люди, встречали Новый год, и один поднял тост не за Сталина, а за государство Израиль. Его

расстреляли, а всех, кто слышал и не донес, посадили. Или вот — сажают человека, а жену вызывают — даем 24 часа: или отказываетесь от него, или по этапу. Но у меня, говорит, двое детей. Ваше дело. 24 часа. Она плюнула им в рожи... Я разыскал ее сына, показал ему этот документ. Он плакал: "Ты должен опубликовать это..."

"Из-за чего выезд? — спрашивает будто сам себя Давид. — Из-за того времени, которое не захотело стать прошлым. Журнал закрыли. Театр закрыли. Школы закрыли. И это продолжалось сорок лет..."

Сейчас все опять открыто. Словарь издан, выходит газета. Читать некому.

"Валдгейм"

В Израиле я спросил одного основоположника, что такое киббуц. "Молодой человек, — объяснил он, — это коммунизм. Только без коммунистов..."

В Биробиджане все было наоборот.

В отличие от живших здесь с середины XIX века забайкальских казаков и корейцев (первых раскулачили, вторых просто выселили) у евреев-переселенцев нечего было коллективизировать. Даже еврейство свое они оставили на прежних местах обитания. Разве что "Интернационал" пели на идиш.

Газеты писали: "Особая Дальневосточная армия послала на подмогу колхозникам, "на бирофельдский фронт", сто красноармейцев..." А вот о чем не писали: партийцы заехали на болото зимой и указали — здесь быть колхозу имени Кагановича. Партийцы уехали, колхоз построили, а летом болото растаяло...

ГУЛЖДС

Мой дед Герцель Гутман, по паспорту Григорий, построил в Биробиджане первый кинотеатр. И железную дорогу рядом со знаменитым Транссибом. Та магистраль была проложена при царе и называлась "первые пути", а эта, дедовская, — "вторые". Зачем они понадобились, новые пути, толком никто не знал, пока не пошли по железной дороге новые грузы. Назывались "зеки". Дед был среди них дважды, один раз до строительства дороги, другой раз — после.

Совсем недавно дед был еще жив, в свои девяносто в здравом уме и ясной памяти, только по ночам не спал: перед глазами, говорил, жизнь разматывается, как кино... Он помнил начальника ГУЛАГа Матвея Бермана — их в НКВД было несколько, братьев Берманов, и все кончили одинаково. Матвея незадолго до ареста назначили наркомом связи. Он вызвал к себе моего деда и сказал: "Я бы взял тебя с удовольствием, но ты же знаешь: я жду".

"Чего?" — не понял я. "Смерти, — объяснил дед. — Если человека назначали наркомом связи, значит, собирались расстрелять". — "И он понимал?" — "Понимал". "А зачем они это делали?" — с ужасом спросил я. "А черт их знает... — сказал дед. — Указание Сталина..."

С какой стороны ни посмотришь на Дальний Восток, от лагерной темы не уйти. В Хабаровске останочка автобуса: "Гупровский город", все сходят, не задумываясь, что это сокращенное "Главное управление принудительных работ". В Биробиджане видел тюрьму, на тюрьме выложено кирпичом: "Слава КПСС".

Современный Биробиджан.

Непосредственным начальником деда в ГУЛЖДСе был Френкель, которого Солженицын в "Архипелаге" называет автором идеи использования в СССР массового труда заключенных. Дед с Солженицыным не согласен: "Сделал из Френкеля чудовище". — "А он кем был?" — "Заключенным на Соловках".

До Френкеля, по словам деда, люди не были обеспечены даже в лютые морозы едой и одеждой. А благодаря Френкелю зеки могли в ы ж и т ь. "Он не гробил людей, — говорил дед. — Человека гробят окончательно, когда оставляют его без работы..."

Френкель был до того требовательным, что измерял толщину лагерного пирога. На особо ответственных участках, когда мороз доходил до сорока градусов, каждому заключенному выдавался горячий пирог с картошкой. Перед выдачей Френкелю приносили этот пирог — и не дай Бог, если он видел, что тот короче или тоньше на сантиметр...

Тут бы мне вспомнить лозунг на воротах Бухенвальда, но я молчу. Какое право у меня — судить их? Френкеля, деда... Что я понимаю в Аду, где были свои театры и изостудии, мастерские для починки обуви, наилучшие портные, краснодеревщики и слесаря. "Вот замок, — говорил дед. — Он, помнишь, стоял на старой квартире, я его снял и сюда переставил. Крепкий замок. Его сделал один мастер оттуда. Ты не знаешь?"

Мне плохо. Прожил жизнь и не знал, что дверной замок в доме, где я родился, из ГУЛАГа. И бабушкины туфли оттуда же...

ЗЭ-СЭ-ЭР

На соросовских курсах учителя из Еврейской области обучались "валеологии" — здоровому образу жизни. Группа, закрыв глаза, повторяла за преподавателем: "Я спокоен. Мне хорошо. Все прекрасно..."

В санатории, где проходят курсы, тепло, вкусно кормят, как в старых домах отдыха. Никто никуда не спешит, можно кого-то выбрать в собеседники — и часами гулять по лесным дорожкам. Тишина, снежные еловые лапы. Что-то из детства 50-х — Новый год, бой курантов по радио. "Чук и Гек"...

Доценту-филологу из Биробиджанского пединститута моя ассоциация нравится. "Это потому, — говорит, — что Дальний Восток — самый настоящий СССР. Дальневосточник — самый советский человек..."

В Октябрьском районе, говорят, снег выпал — дети не пришли в школу. Не в чем. Как полтора года назад. А учителя... "Чем меньше, — говорят, — нам платят, тем больше ковыряемся". А что еще делать на границе отчизны? Ах отчизна, родина, куда ни ткни, ощущение конца, края и одновременно бескрайнего пространства — это, наверное, наше самое советское. "На что живем? На картофельные, на детские, "смертные", — объяснила Мария Григорьевна Лисова из села Екатерино-Никольское. — Не слышали, что это? Коэффициент пограничный. Мы его "смертными" зовем. Если что, мы даже эвакуации не подложим. Своими же ракетами накроют".

Рассказ учителей из Ленинского района на границе с Китаем: "Выживаем только за счет армии или колонии. Идут туда контрактниками и мужчины, и женщины. На любые солдатские должности — писарем, надзирателем... Дети стоят с котелками в очереди после солдатского обеда. Если бы не армия — нам конец".

А вы как думали? Ничего же другого не построили, ничего, кроме э т о г о, нет. Э т о и подкармливает.

Называется, между прочим, не только ЕАО, но и Ээ-Сэ-Эр. Соответственно, все местные жители — "засранцы". Ни за что не догадаетесь, что такое ЗСР. Зона свободного экономического развития. Опять, заметьте, э о н а...

"За счет чего живем? — весело переспрашивает философ Илья Ривич (новый вопрос, наряду с "быть или не быть?" и "что делать?"). — За счет дач. Я на даче фотографию увеличенную повесил — Пастернак на огороде, в сапогах, с лопатой. В качестве высокого, так сказать, примера..."

Биография Ривича обычна для его круга. Вернулась семья после эвакуации в Крым, а дом их занят. В Березовке, бывшем еврейском "соцдорфе" ("социалистической деревне"), колодцы забиты трупами. Мысль: уехать! Куда? Тут как раз говорят: есть чудный край... Наших там — то есть евреев — как в Израиле... В общем, подались из Крыма с коровой Белкой в "Валдгейм". В первый год

собрали сорок мешков картошки. Рыба на перекате, кета вот такая, можно ловить наволочками. Воспряли духом.

А в городе — общество, букет актеров, музыкантов, писателей из Москвы, Ленинграда, приехали по зову сердца. Ну и загремели все в лагерь. Кто выжил — вернулся в начале "оттепели". Году в шестьдесят седьмом, говорит Ривич, он с друзьями, тогда школьниками, захотели, чтобы в Биробиджане был университет, обратились к власти. Там их встретили дружелюбно: "Еврейский университет? Хорошо, подумаем..."

Подумали — и стали по одному таскать в КГБ, шить национализм. И все кануло в болото. "Я знаю наших человек сто по всему миру: в США, в ФРГ, в Израиле..."

В Кремле, считает Ривич, сидели люди, понимавшие, что самый надежный способ скрыть следы преступлений — разорвать связь поколений. Ведь преуспели! "Мой дед — голос на магнитофонной пленке, — загибаю пальцы, слушая Ривича, — моя старшая дочь — в Иерусалиме, младшая — в Москве, сам я — мотаюсь по стране, ища единомышленников... Попробуй, восстанови связи..."

"Может быть, нужны коллективы, пронизывающие всю Россию? — загорается философ. — Может быть, — бежит он за мной по узкой лесной тропинке, — нужна установка на творческий молодежь? Москва — Дальний Восток — температурное коромысло. Мы недееспособны без Москвы, но и вы без нас... вы не будете услышаны! Не знаю, как вы, а мы тут засиделись. Мы, как Иван-дурак, — он на печи сидит, у него уже, извините, яйца перевешивают..."

Есть разные версии происшедшего в нашем веке в окрестностях Биробиджана. Одна — лакированная открытка с надписью: "Жемчужина таежного края".

Но есть и другая версия — что это был просто "сталинский эксперимент". Во всем мире, как слышат "Биробиджан": "А, — говорят, — гетто!" "Почему гетто? — обижаются биробиджанцы. — Мы там прожили жизнь..."

Мы прожили жизнь. Гордиться особенно нечем. Но и самоуничижение не к лицу. Построили то, что могли. Колхоз на болоте под названием "Валдгейм". В переводе на русский — "Дом в лесу"...

Публикуется в сокращении.

Полный текст: <http://book.net.ua/ju/birobid/zirul>

Ферер Иосиф Исвакович (род. 16.09.1905, с.Сосновка Гродненской губ.). На фотографии во втором ряду второй слева. До 12 лет учился в хедере. После окончания I Мировой войны семья выехала в местечко Чигжев, Польша. В 1923 г. Иосиф уехал в Аргентину, все остальные члены семьи — в Полтаву, на Украину.

В Аргентине работал столяром на многих хозяев. Некоторое время был безработным. Состоял в Союз Синдикалистов. В 1930 году зарегистрировался в организации «Прокор», занимавшейся переселением евреев в СССР. В апреле 1931 года выехал на товарном бельгийском пароходе в Бельгию, затем на поезде в Германию, где получил визу для въезда в СССР. Ехал в советскую Россию с желанием строить еврейскую жизнь в Биробиджане.

Прибыл в Биробиджан, где прожил до 1937 года. Был председателем колхоза «Икор» Смидовичского района Еврейской АО до ареста 20 ноября 1937 г. по статье "контрреволюционная деятельность и шпионаж" в пользу Польши. (Постановление от 4.01.1938 г. — трудлагерь на 10 лет). Отбывал наказание в Коми АССР, где, как говорят официальные документы, 17 мая 1946 года скончался. Реабилитирован посмертно 25 мая 1957 г.

Иосиф Исвакович Ферер с группой евреев на корабле, идущем из Аргентины в Европу.

По материалам экспозиции «Старые еврейские фотографии», г. Новгород.

Счастливые повороты судьбы

С Президентом Института Демократии в Восточной Европе Ирэнэи ЛЯСОТЭИ
беседуют Андрей Блинущов и Юлия Середэ

— Ирэнэ, ты — человек очень известный в среде польской интеллигенции, бывших диссидентов и активистов “Солидарности” 80-х годов. Но говорят, что ты — не полька и родилась где-то на Западе?

— Я родилась во Франции. Моя мама — француженка, а папа — еврей из Польши. Папа родился еще в 19-ом веке, он приехал во Францию уже в 20-х годах нового столетия. Когда мне было два с половиной года, моя семья (мама, папа и мой старший брат) переехала в Польшу. Так и началась моя жизнь в Польше — с 1949-го до 1970-го года.

— Ты, кажется, училась в Варшавском университете?

— Да, в шестьдесят втором я поступила на философский факультет университета. К шестьдесят восьмому я уже прослушала полный курс и писала свою магистерскую работу. Ну, и началось. 8-го марта меня арестовали. И, как результат, — выгнали из университета...

— Серьезно госбезопасность к тебе отнеслась...

— Если бы ко мне одной! Наш факультет вместе с двумя другими тогда принял очень активное участие в студенческой революции 1968 года. Власть настолько ожесточилась, что “прикрыли” весь наш курс. Если я не ошибаюсь, именно тогда устроили процедуру “филтрации” — студенты всего философского факультета были объявлены отчисленными. И должны были заново подавать заявление с просьбой о зачислении в университет. Тут-то их и просеивали...

— В 1968 году в Париже были сильные студенческие беспорядки...

— И не только в Париже. В это время в Польше происходили так называемые “мартовские события”. Очень известный в Польше эпизод борьбы против коммунистической власти, который, на мой взгляд, вполне заслуживает отдельной публикации в “Карте”. Конечно, в каком-то смысле те польские события были отражением происходящего во Франции. Но и совершенно другими: в Польше студенческие выступления 1968 года были хорошо организованными, полностью лишены элементов анархии.

— А кем они были организованы? Какой-то группой оппозиции?

— Дело в том, что уже с середины 60-х годов в Варшавском университете сложились организованные студенческие группы на факультетах философии, соци-

логии, физики, математики. Они проводили дискуссионные встречи. В те годы мы вместе с моей однокурсницей руководили одной из таких студенческих групп. Нельзя сказать, что эта группа была нелегальной, но особо, как вы понимаете, мы свою деятельность не афишировали.

В группе мы не только обсуждали существующее положение дел и читали запрещенную литературу, но и проводили различные акции. Распространяли в университете книги, листовки, самиздат. Различные группы объединялись для проведения совместных акций, например, в защиту арестованных Яцека Куроня и Кароля Модзелевского. В 1967 году коммунистические власти затеяли многочисленные кампании, “доказывающие” торжество социалистической идеи. Наши студенческие группы организовывали противостояние этим кампаниям.

В январе 1968 года власти запретили спектакль по “Дедам” Мицкевича в одном из варшавских театров. В спектакле есть эпизоды духовного сопротивления, которые власти трактовали как “антироссийские”. А публика бурно аплодировала как раз в этих местах. Вот власти и решили спектакль запретить. Студенчество возмутилось. Несколько групп организовало акцию в театре по окончании последнего представления “Дедев”, а затем — уличную демонстрацию протеста. Были схвачены, по мнению властей, зачинщики этих вызывающих студенческих акций. И посажены, естественно. Потом их отпустили, но из университета выгнали.

Тогда мы организовали митинг и сбор подписей в поддержку наших репрессированных товарищей — 20 тысяч подписей поставили варшавские студенты! Подписи решили направить на имя председателя польского парламента. Кто-то должен был написать письмо председателю с приложением этих подписей. Я и написала это письмо, и указала полностью свои данные.

А 8 марта 1968 года мы организовали на территории университета митинг, на который пришло несколько тысяч человек. Мне выпала честь зачитать резолюцию. Такая масштабная студенческая акция протеста прошла в Польше первый раз. И власти очень болезненно реагировали, — понаехала уйма милиционеров, и началось избивание студентов. В тот самый день меня и арестовали...

— Властям удалось тогда сбить волну студенческих протестов?

— Как бы ни так! Буквально на следующий день начались новые митинги. По всей Польше университеты

“просыпались” один за другим. Студентов арестовывали, отчисляли, забирали в армию. Судебные процессы по делам студенческих активистов шли вереницей целых полтора года.

“Март 1968”. Так называют события, которые происходили в Польше весной 1968-го года. Прежде всего, имеется в виду то, что происходило в высших учебных заведениях (академическое движение и репрессии властей против его участников). Но как составную часть мартовских событий можно рассматривать и официальную пропаганду — кампанию против “сионистов”, “политических банкротов” и писателей. Также к мартовским событиям можно отнести и перемены в аппарате власти, в ходе которых пострадали, главным образом, люди еврейского происхождения. Их обвиняли в приверженности сионизму или в пособничестве сионистам. Результатом этой антисионистской кампании был, помимо прочего, выезд из страны людей, которые смогли подтвердить свое еврейское происхождение. Не все из них были членами ПОРП.

Ключевые моменты мартовских событий: запрет пьесы А. Мицкевича “Деды” в Народном Театре в Варшаве (последнее представление состоялось 30 января); всеобщее чрезвычайное собрание варшавского отдела Союза польских писателей (29 февраля); митинг в Варшавском университете (8 марта); пропагандистская кампания в прессе, а также митинги и демонстрации студентов, происходившие во всей Польше (начало — 11 марта); студенческие забастовки (14-16 марта во Вроцлаве, 15 и 16 марта в Варшавском университете, 21-23 марта в Варшаве и во Вроцлаве).

В противопоставление студенческим митингам власти организовали митинги и “массовки” на заводах, где принимались резолюции о борьбе с сионизмом и в поддержку Гомулки. Официальные лозунги этих митингов: “Студенты — к науке, писатели — к перу, сионисты — в Сион”. (Иногда на этих плакатах было написано: “Сионисты — в Сиам”, — не все знали, кто такие сионисты и где этот Сион).

Jakub Karpiński
“Polska. Komunizm. Opozycja.” Słownik.
London, 1985.

Я просидела в тюрьме пять месяцев, даже чуть больше. После этого дорога в университет была для меня закрыта...

Сидели мы все тогда в следственной тюрьме. Но не в одной камере, конечно. Мы через окна выключали друг друга по именам, разговаривали... Потом были суды. Нас, обвиняемых в принадлежности к тайной организации “Коммандос” было тринадцать человек. (Komandos — польск. “десантник” — прим. пер.)

Судили не в одном процессе, а в пяти разных. Вот это был цирк! Они не смогли доказать никакой организации и заявили, что организация была законспирирована настолько, что даже ее члены не знали, что состоят в ней. Сроки нам дали небольшие. Мне, например, — 18 месяцев, потом была какая-то амнистия...

Всерьез пострадали от этого процесса только двое — Яцек Куронь и Кароль Модзелевский, которые уже были осуждены в 65-м году, тогда их приговорили к трем годам. Теперь им снова дали по три с половиной года...

— Кем тогда были Куронь и Модзелевский?

— Они в шестьдесят пятом были молодыми ассистентами в университете. Написали открытое письмо к партии, за которое их выгнали из этой самой партии и сразу же — арестовали. Им дали по три года за этот “антипартийный” текст. А в шестьдесят восьмом они получили срок за то, что были лидерами студенческого движения. Между шестьдесят пятым и семьдесят вторым всего они просидели около семи лет. А позже, когда стали лидерами “Солидарности”, сидели еще раз.

— Трудно было в тюрьме?

— Да не сказать, чтобы очень. Хотя нас и держали в очень изолированной части варшавской следственной тюрьмы, где содержались наиболее важные обвиняемые. Говорили, что по соседству находится бывший гауляйтер Кох, какие-то шпионы, приговоренные к смертной казни. Следовательно, конечно, и тюрьмой нас пугали, и сроком пят-

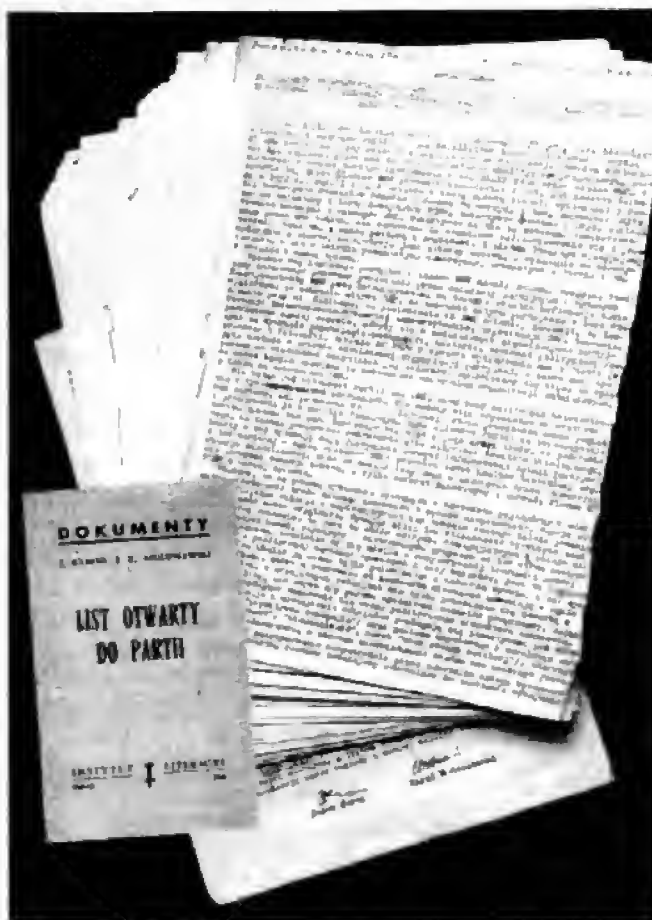
Март 1968 г. Официальная демонстрация. На плакате написано: “Сионистам путь в Израиль свободен”.

Март 1968 г. На здании факультета географии Варшавского университета плакаты: “Рабочие с нами” и “Освободить арестованных коллег”.

Лодзь. Манифестация в защиту арестованных и избитых студентов Варшавского университета.

"Тираж" "Открытого письма" Курона и Модзелевского — 7 экземпляров.

В 1964 г. мы с Каролем Модзелевским пришли к тому, что надо написать программный документ. Собрали группу ассистентов из разных институтов: Сташека Гомулка, Анджея Климовича, Иоанну Майерчик, Бернарда Тейковского и еще несколько человек, начали встречаться и вести дискуссии. Мы хотели предложить переустройство общества в духе истинной демократии трудящихся. Когда текст еще не был готов, в ночь с 14 на 15 ноября в квартиру Сташека Гомулки пришли полицейские. Забрали рукопись, а нас — арестовали. В первый раз. Когда через 48 часов нас отпустили, в университете уже ходили легенды о тексте письма. Мы решили этот вопрос прояснить. Вдвоём с Каролем написали Открытое письмо к членам парторганизации и ZMS (Союз социалистической молодежи — польский комсомол — прим. пер.). В этом письме мы изложили наши взгляды. 18 марта 1965 года мы перепечатали его на машинке и распространили среди людей, которым доверяли, а также отнесли в партийные и комсомольские организации институтов и университетов. В конце мы приписали: "За это письмо мы получим три года". Через день нас арестовали. Через четыре месяца суд вынес приговор: три года.

После нас такой же "номер" выкинул Шпотанский: своей сатирической поэме, которую читал на частных квартирах, он дал подзаголовок "Опера ценою в три года". И не ошибся, получил ровно три года.

Jacek Kuroń, Jacek Żakowski
"PRL dla początkujących".
Wrocław, 1995.

надцатилетним грозили. На самом деле наша посадка была эдакой показательной акцией властей.

— Почему все-таки вы не боялись? Не верили их угрозам?

— Видите ли, сначала нас обвиняли в том, что мы — агенты Израиля, агенты генерала Даяна... Многие из нас были еврейского происхождения, но и тех, кто не был, обвиняли в том, что они — евреи. К тому же были арестованы люди с еврейскими фамилиями, которые вовсе не имели отношения к нашим событиям. Это было время разгуга антисемитизма в Польше.

— А Лясота — это еврейская фамилия?

— Лясота — нет, но мой отец сначала носил фамилию Хершович, потом сменил ее. 19-го марта Гомулка выступал перед партактивом. Это было его программное выступление, в котором он изложил свое политическое кредо. По сути это было выступление против интеллигенции...

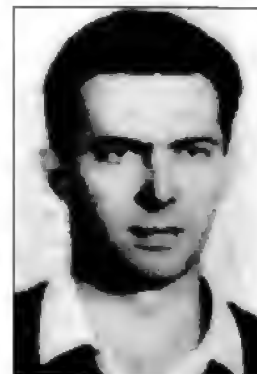
В нем звучали фамилии Киселевского, Ясеницы... Он назвал большой список интеллигентов, бывших "партийных ревизионистов" и — евреев-сионистов. В этом выступлении он, фактически, угрожая евреям уезжать из Польши. "Мы, — говорил он, — не будем препятствовать гражданам Польши еврейского происхождения выехать". А актив скандировал: "Сегодня, сегодня". То есть пусть уезжают прямо сегодня. А на встрече со студентами Гомулка сказал, что письмо в Сейм написала некая Ирзэ Лясота-Хершович. Хотя в документах я называлась Лясота, и первая фамилия отца нигде не звучала. Гомулка просто хотел показать, что и здесь замешаны евреи. А затем сказал, что резолюцию читала Ирзэ Лясота-Хершович, а потом выступали еще двое — "э-э-э, — сказал он, — поляков". Мои знакомые потом еще долго смеялись над этим "э-э-э поляков".

А если серьезно, это выступление было страшным. Особенно его тон. Гомулка, окруженный своим партактивом... Причем, смотреть-то было довольно смешно. А у тех, кто слушал по радио, было впечатление, что идет Нюрнбергский процесс. Мне кажется, что раньше ни один вождь в Польше не обращался к толпе, которая была объята такой ненавистью... Он обвинял Стефана Киселевского, известного, всеми уважаемого писателя, пожилого человека. Через несколько дней на Киселевского напали на улице и избili. Мы чувствовали — эта атмосфера висела над нами месяца два, — что правящая коммунистическая партия готова превратиться в банду, которая будет бить интеллигентов, ревизионистов, евреев.

Тогда из Польши уехало 20 или 30 тысяч евреев. Людей выгоняли с работы... А потом — все быстро успокоилось.

Яцек Куронь

Кароль Модзелевский

Так вот, возвращаясь к моему заключению. Сначала они не знали, что с нами делать. Устроить ли большой показательный процесс в каком-нибудь театральном зале или "спустить на тормозах"... Ну, вот вам пример. Когда меня арестовали, первую ночь я провела в отделении милиции. А в тот день милиция была студентами дубинками. Страшно была! И на улицах, и в отделениях. А меня эскортировали в судебную коллегию, которая должна была утвердить мой приговор — два месяца за хулиганство. Мы проходили через участок, где стояли милиционеры с дубинками. Они знают, что я — студентка. А меня ведут "мои" милиционеры. И один из тех, что стоят с палками, говорит, возбужденно сверкая глазами: "Я ей сейчас врежу!" А один из "моих" милиционеров отвечает: "Ей — нельзя". Видите, у них была уже некая идея: рядовых студентов мы будем бить и вышвыривать на улицу, а зачинщиков — я относилась именно к такой категории — пока посадим в следственную тюрьму. А статья "хулиганство" замечательно подходила для этого "пока". Два месяца я была полностью изолирована: не получала ни писем, ни посылок, ни с кем не встречалась. И так же было с теми тринадцатью, которые оказались группой "десантников". А численность этой группы менялась. То их было двадцать, то двадцать пять, то семь. Прибавляли, вычитали...

— Значит, защитить диплом тебе не позволили?

— Нет. Когда вышла из тюрьмы, я была уже отчислена из университета. Стала искать работу через бюро трудоустройства. И с каждой работы, на которую я устраивалась через это бюро, меня очень быстро выгоняли. В конце концов я устроилась официанткой в кафе и работала там несколько месяцев. А в январе семидесятого я уехала. В эмиграцию.

— У тебя тогда было французское гражданство?

— Было. Когда жила в Польше, французское гражданство у меня формально сохранялось, потому что я родилась во Франции и моя мать — француженка. Но, живя в Польше, я была гражданкой Польши.

* "Октябрьские события" — в октябре 1956 года в Польше происходили митинги и демонстрации с требованиями суверенности, демократизации, создания рабочих советов и новых молодежных организаций. "Октябрьские события" имели огромное значение в общественной, политической и культурной жизни Польши.

Слова Киселевского о "диктатуре неучей" наиболее точно отражали отношение польской интеллигенции к коммунистической действительности.

В университете наш арест вызвал изрядные волнения и накалил ситуацию. "Вальтеровцы" (течение в польском скаутском (харцерском) движении, основанное на ортодоксальной коммунистической идеологии, созданное Я. Куронем в середине пятидесятых годов в рамках Союза Польских Харцеров, — прим. пер.), в числе которых был Михник и его коллеги по Клубу Поиска Противоречий, создали группу, которую власти назвали "десантниками". "Десантники" сплоченной группой являлись на различные собрания и диспуты, организованные официальными властями, начинали задавать "неудобные" вопросы и высказывать "неполярные" суждения. Когда нас арестовали, некоторых "десантников" тоже какое-то время продержали под арестом, потому что власти хотели найти и забрать все экземпляры "Открытого письма". Потом "десантники" собирали деньги для наших семей, организовывали петиции с требованием освободить нас. Среди "десантников" была довольно большая группа "вальтеровцев". Они организовывали акции, требовали выпустить нас из тюрьмы. Движение, бывшее в зародыше, получив своих узников-мучеников, стремительно набирало силу.

В десятую годовщину Октября* сообщество "десантников" организовало в Варшавском университете специальное собрание, которое постановило выступить с требованием освободить меня и Кароля. Ведущие собрания — Лешек Колаковский и Кшиштоф Помян — резко критиковали Гомулку (первый секретарь Польской объединенной рабочей партии, глава государства в 1956-1970 гг. — прим. пер.) за отход от постулатов "оттепели". За это их выгнали из партии. Такая же участь постигла тех, кто за них заступился. Позже, в знак протеста, более десятка членов партии сдали свои партбилеты.

Когда в шестьдесят седьмом мы вышли на свободу, в университете уже существовало развернутое движение. Его создали "десантники": Адам Михник, Северин Блюмштайн, Тереза Богущая, Барбара Торунчик, Ян Литинский, Ирена Грудзинская; молодые ассистенты: Вальдемар Кучинский, Александер Смоляр, Ядвига Станишкис, Марчин Крупь, Анджей Менчвел, Малгожата Дзевульская, Роберт Мрозевич; известные профессора и ученые: Лешек Колаковский, Владзимеж Брус, Зигмунд Бауман, Стефан Моравский, Витольд Куля, а также старая профессура, после Октября вернувшаяся в университет, — люди такого масштаба, как Мария Оссовская, Мариан Фапский, Эдвард Липинский, Тадеуш Котрабинский.

Эти четыре компании взаимодействовали между собой, проводили частично пересекающиеся, в разной степени законспирированные дискуссионные собрания, полуприватные семинары и организовывали исследовательские группы.

Jacek Kuroń, Jacek Żakowski
"PRL dla początkujących".
Wrocław, 1995.

Адам Михник

Лешек Колаковский

Северин Блюмштайн

Так называемые "татранцы", вышедшие из мартовского движения, были первой польской группой, которая не только пришла к взаимопониманию с Гедройцем (редактор польского оппозиционного журнала "Культура", издаваемого в Париже, — прим. ред.), но и стремилась вовлечь эмигрантов в деятельность демократической оппозиции в стране. Как пишет Анджей Фришке, выезд на Запад части участников студенческого движения привел к тому, что дистанция недоверия, разделяющая Польшу и эмиграцию, уменьшилась. "Татранцы" решили использовать ослабление контроля на польско-чехословацкой границе и организовали постоянную переброску текстов и изданий с Запада в Польшу. Им помогали чешские друзья. Инициатором и руководителем этой акции был Матей Козловский. Свою позицию он обосновал в статьях, опубликованных в той же "Культуре". Общество, замкнутое в ловушке конформизма и "малой стабилизации", должно осознать собственное положение и найти выход из исторического тупика, в котором оказалось благодаря коммунизму. Для пробуждения от летаргического сна необходим критический диалог. Более всего на роль партнера в таком диалоге подходит "Культура". Она пользуется немалым авторитетом среди интеллигенции, но возможности ее влияния ограничивают препятствия как технические, так и психологические. Нужно обеспечить "Культуру" материалами о Польше, а Польшу — изданиями Литературного института*.

В январе 1969-го Козловский начал переброску через границу материалов о студенческом марте. Вскоре они были изданы в Библиотеке "Культуры". В марте 1969-го через массив Рысы в Татрах было переправлено несколько сот экземпляров книги "Зеленая улица", однако, закончилась в мае, когда на немецко-чехословацкой границе таможенники обнаружили в автомобиле Козловского и Марии Творковской 150 вывезенных из Парижа книг. Чехословацкая полиция задержала поляков и передала их службе безопасности. У Марии Творковской нашли еще и записку Гедройца, где говорилось, что он крайне заинтересован в контактах с Польшей. Служба безопасности изо всех сил старалась представить эту записку как шпионский документ. После многомесячного следствия пятеро "татранцев" получили, соответственно:

Матей Козловский — 4,5 года,

Якуб Карпинский — 4 года,

Мария Творковская и Кшиштоф Шимборский — 3,5 года,

Малгожата Шпаковская — 3 года.

Andrzej Stanisław Kowalczyk
«Giedroyc i "Kultura"»
Wrocław, 1995.

Книги "Культуры" несет через Татры Анджей Фришке.

— А твои родители жили в Варшаве?

— Да, и мама, и отец.

— Что с ними было, когда тебя арестовали?

— Это очень интересный вопрос. Я тогда работала на полставки в издательстве. Это было очень порядочное издательство. Они меня не выгнали. В тюрьме я получила письмо от директора, в котором говорилось, что поскольку я не хожу на работу, так как сижу в тюрьме, то мне полагается только половина зарплаты. А если окажется, что я не виновата, то они мне вернут зарплату полностью. Это была очень "неблагонадежная" позиция по отношению к власти, тогда с работы выгоняли всех подряд! Моя мама работала на радио диктором и переводчиком с французского. Ее уволили на следующий же день после выступления Гомулки, хотя она проработала там 17 лет. Сказали, что она — сионистка, чтобы немедленно уходила и больше у них не показывалась.

— А настоящей причиной было то, что она...

— То, что она — моя мама.

— А отец?

— Отец был уже на пенсии. Он ушел на пенсию полковником Войска польского. Был членом партии. Он вступил в коммунистическую партию в тридцать пятом году. В тридцать шестом он поехал добровольцем в Испанию, воевал в Интернациональных бригадах. Для этого ему пришлось сфальсифицировать дату своего рождения, он был слишком старым, чтобы его приняли в эти бригады. Но там ему не понравилось, потому что было слишком много политики. Тогда он перебрался в испанский батальон автоматчиков и с ним прошел всю испанскую войну, а потом вернулся во Францию. А всю Вторую мировую войну он провел в международных отрядах маки — французских партизан.

Знаете, у меня есть много причин гордиться своим отцом, но одна из них — особенная. Коммунистическая партия Франции запрещала своим членам воевать с Гитлером аж до июня сорок первого года. А международные отряды — все те, кто приехал из Испании, эмигранты — начали воевать сразу, как только Гитлер вошел во Фран-

*Литературный институт — дело Ежи Гедройца и его сотрудников — был организован в Риме в начале 1946 г. под названием Литературный институт "Casa Editrice Lettere". Институт располагал собственной типографией "Oggi". В 1947-1948 гг. институт издал 28 книг, а в июле 1947 года — первый номер "Культуры". Институт, как написал Ежи Гедройц, был результатом убеждения, что, "вопреки распространенному сейчас мнению, нас ожидает долговременная эмиграция, и это заставляет задуматься о необходимости культурно-политической работы, рассчитанной на много лет в совершенно новых и трудных условиях".

Позже институт переехал в Париж. Было принято решение прекратить выпуск книг и заняться исключительно выпуском ежемесячника "Культура". В 1953 году Литературный институт возобновил выпуск книг в серии Библиотека "Культуры". К середине 1985 года было издано 453 номера "Культуры" и 406 книг.

Jakub Karpiński
"Polska. Komunizm. Opozycja". Słownik.
London, 1985.

цию, в июне 40-го года. И мой отец получил от Де Голля орден за то, что борьбу начал в сороковом. А французские коммунисты выступили против Гитлера только год спустя, когда позволил Сталин.

— Когда тебя арестовали, отца выгнали из партии?

— Нет, он был уже старый, много болел, не ходил ни на какие собрания... На него просто не обращали внимания.

— Ирэна, а как родители относились к твоей деятельности?

— Очень беспокоились за меня, но и — гордились. Им было тяжело. Когда меня посадили, отец был болен. Выйдя из тюрьмы, я узнала, что за два или три дня до митинга к отцу приходили и убеждали его не пускать меня на митинг. А он мне ничего не сказал. Мы с мамой старались поменьше рассказывать отцу про всякие проблемы, берегли его. В день митинга я и маме не сказала, что собираюсь туда. А когда после митинга вернулась домой, рассказала маме, потому что чувствовала, что за мной вот-вот придут. А мама и говорит: "Я знаю, я там была". Оказывается, она обо мне все знала и тоже не старалась меня удержать.

— В эмиграцию вы уехали вместе с родителями?

— Нет, они остались. Я уехала с мужем. Он был ассистентом кафедры философии. Его тоже арестовали, разумеется, сразу же выгнали с работы. Сначала мы поехали во Францию. Специальность моего мужа — логика, достаточно узкая специализация, направление, которое тогда было хорошо развито в Америке. Так что во Франции мы только оформляли документы на выезд в Америку, где он сразу же получил работу, стал читать лекции.

— И с той поры ты живешь в Америке...

— Да, только с перерывом в десять лет. С восемьдесят четвертого до девяносто четвертого я жила во Франции.

— Зачем ты туда поехала?

— Трудно сказать — зачем... Так сложилось. Мы сначала поехали в Англию на год, потом — на полгода во Францию. Как раз тогда уже начали происходить разные события и в Польше, и в других странах Восточной Европы. И было удобнее жить во Франции, ближе все-таки. Тогда еще связь не была такой хорошей, труднее было звонить из Америки в Европу, было мало факсов... Из Франции было гораздо легче делать то, что мы делали в Восточной Европе. Но в Нью-Йорке у меня оставалась квартира, все это было временным. Впрочем, в моей жизни все так — временно.

— Рассказывай дальше по порядку. Вот, вы приехали во Францию, ждали документы на выезд в Америку...

— Шел шестьдесят девятый год. Тогда происходили разные судебные процессы: студенческий, потом так называемый процесс по "Татрскому" делу.

...В моей жизни самые важные моменты всегда каким-то причудливым образом переплетаются. Вот, например, в шестьдесят девятом было очень трудно пересылать информацию на Запад. В Польше многие старались собирать информацию о репрессиях, и вообще, о том, что тогда происходило. И была группа, которую называли "татранцы". — люди, которые переходили через Татры в Чехос-

ловакию и потом во Францию. А из Франции они привозили книги. Все это держалось в строгом секрете. А я была маленьким звеном в этой цепочке. Я говорю о шестьдесят девятом году. Но! В девяносто втором году я приехала в Польшу. Приходит ко мне молодой человек, которого я знаю с восьмидесятых лет, он занимался подпольной работой в "Солидарности". Он приносит мне документы, которые нашел в архивах тайной полиции. Он совершенно случайно увидел на этих документах мою фамилию, вот и принес мне. Это — учебные материалы под названием "Разработка тайных агентов парижской "Культуры". Я смотрю, первый раздел начинается с меня. Там пишется, что мы, то есть тайная полиция, знаем, что кто-то передает информацию. И вот, мы начинаем искать, кто это делает,

Якуб Карпинский, социолог и попутолог. В 1968 г. — участник студенческих забастовок. Автор нескольких публикаций, вышедших в издательстве Литературного института. В последнем слове на суде сказал:

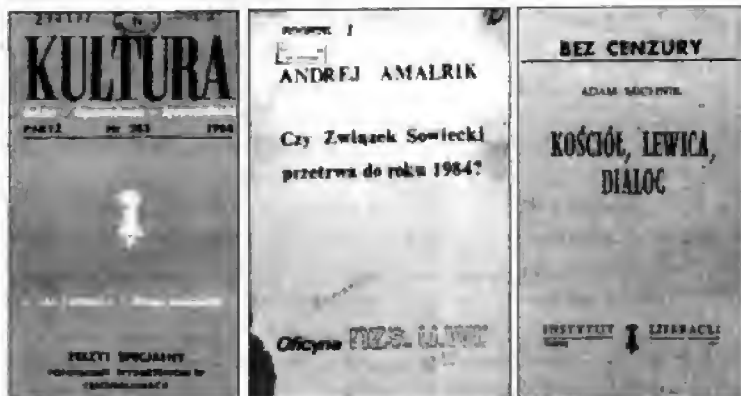
— Среди разнообразных средств воздействия на людей можно выделить слово и железо, уговоры и силу. Противостояние этих средств сыграло в истории человечества немалую роль. Слово не однажды пытались выжечь железом, истребить с помощью меча, запереть за решеткой... — здесь прокурор прервал.

— Это не относится к делу!

Andrzej Stanisław Kowalczyk
«Giedroyc i "Kultura"»
Wrocław, 1995.

и обнаруживаем, что этим занимается некая Ирэна Лясота. Потом там говорится, что полиция начинает акцию по поимке Ирэны Лясоты, "обкладывает" со всех сторон мою квартиру и убеждается, что там действительно скапливается информация, а я что-то делаю с этой информацией и передаю ее дальше. Потом организуется подделка, полным-полно тайных агентов — в общем, кошмар! Потом кто-то из наших по неосторожности приводит полицию к другой группе, затем она выходит на группу "татранцев". Их захватывают на границе. Через "татранцев" они выслеживают чешскую группу, в которую входит некий человек с офсетным станком, на котором печатаются разные материалы для Польши. И вот, в девяносто втором году я читаю все это в самолете, который летит в Прагу, где на аэродроме меня ждет моя подруга Петрушка Шустрова. Я, естественно, взбудоражена этим чтением, и мои первые слова к Петрушке: "Ты знаешь такого-то? — называю фамилию того чеха с офсетным станком, — его арестовали в шестьдесят девятом". А Петрушка отвечает: "Это мой друг. А я тоже сидела за связь с той самой польской группой". Почему я это рассказываю? А потому, что это — одно из тех удивительных, странных совпадений, которые

Издавания Литературного института.

случаются в моей жизни все время. Так уж получается, что все те контакты, благодаря которым мне удается создавать эти организации, эту международную сеть, — все они — результат таких вот удивительных случаев, таких переплетающихся между собой встреч. Я даже пробовала нарисовать схему этих пересечений, кто где с кем встретился, — не хватило огромного флипчарта! Вот и с Петрушкой я пересекалась не только в шестьдесят девятом. Первый раз я поехала в Прагу в семьдесят восьмом в совершенно другой роли — переводчиком одного французского издателя. Он тогда собирался выпускать первый номер журнала "Alternative" о Хартии-77 и искал чешско-французского переводчика. Я ни слова не знала по-чешски, но знала его жену. Она знала, что я не знаю чешского, но страшно хочу поехать в Чехословакию, и сказала мужу: "Вот эта дама будет твоей переводчицей". Так я поехала в Прагу. Мы вошли в квартиру, где я увидела Петрушку. Всем, кто там был, я сказала, что буду переводить на польский, и они меня не выдали. Издатель на основе моих переводов успешно сделал первый номер "Alternative", прекрасный номер. Потом я снова встретилась с Петрушкой через семь лет и подружилась со всей ее семьей. И мы все время разговаривали по-русски. После революции я снова приехала в Прагу, и Петрушка мне говорит (по-русски): "Ты знаешь, я была во Вроцлаве на чешско-польском фестивале, на меня такое впечатление произвели разговоры, которые я там услышала!" Я спрашиваю: "Петрушка, на каком языке были эти разговоры?" Она отвечает: "На польском." — "Ты говоришь по-польски?" — "Конечно, я даже перевожу с польского", — говорит Петрушка. "А почему ты мне никогда об этом не говорила?" Она удивилась: "А разве ты говоришь по-польски?" — "Я — полька!" — "Ты — полька?! А я думала, что ты — "белая" русская. Из Парижа".

Так вот, шестьдесят девятый год. Париж. Я нахожусь под сильным впечатлением событий шестьдесят восьмого. Первая моя работа в Париже — это даже не секретарь, можно сказать, что я пыль стираю со столов в "Культуре". "Культура" — это как "Континент"*, и даже больше. Потом мы едем в Америку, я учусь. Изучаю язык и заканчиваю факультет — по-английски это называется Special Education for Socially Difficult Children — специальное обучение социально трудных детей. И я всегда говорю,

что эта специальность в жизни мне пригодилась больше, чем вторая: я еще закончила Колумбийский университет по специальности Political Sciences. International Relations. International Communism. (Политические науки. Международные отношения. Специализация — международный коммунизм.)

Году в семьдесят четвертом или семьдесят пятом через студентов Калифорнийского университета я нахожу группу Amnesty International* в Нью-Йорке и сразу знакомлюсь с теми, кто занимается Советским Союзом. Ко мне подходит человек, который задумал создать специальную отдельную координационную группу по Советскому Союзу. Я с ним сотрудничаю год или два, потом создаю отдельную координа-

ционную группу по Восточной Европе, но продолжаю поддерживать отношения с группой Советского Союза. В то время я много занимаюсь Мустафой Джемилевым и членом Украинского Национального Фронта Зиновием Красивским. Езжу на какие-то встречи, мы собираем подписи, изучаем лагеря, в которых сидели крымские татары... у меня до сих пор остались листовки с той поры. И одновременно я занимаюсь Польшей, держу связь со своими друзьями. А меня в Польшу не пускают. Я пробовала поехать туда много раз. Да еще была проблема денег. В семьдесят пятом году у меня впервые появилось достаточно денег, чтобы поехать в Европу. Я первый раз попала в Польшу. С французским паспортом. И с тех пор каждые два года я либо как-то пробивалась в Польшу, либо встречалась с друзьями в ГДР или в Венгрии. Все мои польские друзья, так или иначе, занимались политикой. Нескольким раз я въезжала в Польшу почти нелегально. А в семьдесят девятом мне даже удалось попасть на заседание KOR***.

С семьдесят шестого года я держу связь с американскими профсоюзами, встречаюсь с активистами, участвую в их встречах и заседаниях, передаю им информацию от KOR...

*Русскоязычный общественно-политический журнал, издаваемый в эмиграции писателем Владимиром Максимовым.

** Amnesty International — международная правозащитная организация.

*** KOR — Komitet Obrony Robotników — Комитет защиты рабочих. Первоначальное название "Комитет защиты рабочих — жертв репрессий в связи с событиями 25 июня 1976 года". Создан в сентябре 1976 года, когда 14 человек подписали "Обращение к обществу и власти ПНР". Комитет собирал и распространял информацию о преследованиях рабочих и о предпринимаемых акциях в их защиту. В 1977 году Комитет расширил круг своих задач и был переименован в Komitet Samoobrony Społecznej — Комитет общественной самозащиты, при этом название KOR оставалось широко известным.

События 25 июня 1976 года — забастовки, вызванные повышением цен на крупных заводах в Радоме, Урсусе и других городах Польши. Во время подавления забастовок большое число участников было арестовано и избито, сила применялась милицией и во время допросов и следствия. Около 2500 человек было задержано, около 370 приговоров вынесено в "ускоренном порядке", возбуждено около 500 судебных дел.

Радом, 25 июня 1976 года. Двое убитых, несколько сот раненых, около 2,5 тысяч задержанных полицией, около 500 судебных дел.

В семьдесят девятом пишу свою диссертацию. Во Франции. Но я ее так и не написала.

— На какую тему была диссертация?

— О том, как распадется французская коммунистическая партия. В то время она как раз распадалась. Но и диссертация не состоялась. Не до нее было.

Еще я работаю как внештатник на Радио Свобода. А еще — подрабатываю официанткой, а еще — по ночам в интернате для трудных детей. А летом я два года подряд работала в Еврейском институте... В восьмидесятом — восемьдесят первом я преподавала в университете Форда в Нью-Йорке и в Йельском университете.

— Трудно же тебе пришлось!

— Да, времени не хватало катастрофически. Свою организацию мы создали 14 декабря 1981 года. Сначала мы не имели денег на зарплату, содержали только секретаря и бухгалтера. И только с 1994 года я получаю в этой организации зарплату.

— А что, американские фонды тогда не давали денег на работу, например, в Польше?

— Давали! Но мы не брали денег на зарплату. Надо сказать, это только прибавляло уважения к нам.

— Рассказывай, пожалуйста, что с тобой было дальше.

— Мы все время нарушаем хронологию...

— Бог с ней, с хронологией!

— Ну, хорошо. Как все, конечно, знают, в восьмидесятом году в Польше прошел первый съезд "Солидарности". Можно сказать, что вечером 13-го декабря резко повысилась моя общественная активность. (13-го декабря в Польше было введено военное положение. В ответ во многих городах начались многочисленные забастовки и уличные беспорядки. На подавление их были брошены огромные силы полиции при поддержке войск. — прим. ред.) Не днем, а вечером, из-за разницы во времени. До 13-го декабря я, как и многие другие, занималась тем, что добывала информацию из Польши, распространяла ее в Америке... К тому времени я уже познакомилась с девятнадцатилетним студентом Колумбийского университета Эриком Ченоветом, который вырос в кругу американских социал-демократов антикоммунистов и с детства слышал, что коммунисти-

ческие страны — очень "нехорошие" и что непременно настанет день, когда рабочие этих стран восстанут против системы. Вот, когда это случилось, ему кто-то сказал, что есть такая Ирэна, которая все знает об этом, и он пришел ко мне. Он создавал студенческие комитеты, приглашал меня рассказывать студентам о "Солидарности", организовывал кампанию по изготовлению маек с надписью "Солидарность", работал с американскими профсоюзами, передавал им информацию о "Солидарности", убеждал их помогать "Солидарности", организовывал контакты одних с другими. У Эрика была своя небольшая организация социал-демократической молодежи и даже был офис.

А когда мы узнали о военном положении, на следующий же день организовали первую демонстрацию под окнами польского посольства. И почти сразу — Комитет помощи "Солидарности". Наш нынешний Институт Демократии в Восточной Европе (по-английски — *Institute for Democracy in Eastern Europe* — IDEE — прим. пер.) — это продолжение Комитета. Потому что в девяносто пятом практически те же самые люди и почти тот же самый совет спонсоров учредили наш Институт. До недавнего времени и Комитет, и Институт существовали параллельно.

— Для чего вы создавали Институт?

— Мы хотели расширить поле деятельности. Сначала мы занимались только помощью польским подпольным издательствам. Но у нас уже были связи с людьми из Чехословакии и Венгрии. Уже в восемьдесят пятом году мы чувствовали, что у нас есть опыт, и надо поделиться этим опытом. Мы сумели найти деньги для помощи друзьям в этих странах. Но нас стали спрашивать, почему это Комитет поддержки польской "Солидарности" просит деньги на помощь Чехословакии и Венгрии. Тогда мы зарегистрировали Институт Демократии в Восточной Европе. Вопросы прекратились. Но это, конечно, была не главная причина.

— Ирэна, ты поддерживала контакты с советскими диссидентами?

— Да, я ведь уже говорила, что была связана с "советской" группой Amnesty International. Например, я встретила Буковскую почти сразу же, как он приехал в Америку. И вообще, я знала многих. Когда я приехала в Нью-Йорк, получилось так, что я сняла квартиру в доме, где никто больше не жил. Мне было скучно жить там одной, и через некоторое время в этом доме жило уже довольно много людей. А поскольку большая часть моих контактов шла через Amnesty, среди этих людей было много эмигрантов из Союза. И еще в гости к ним приходили друзья. Там-то я и выучила русский по-настоящему, в польской школе я его учила плохо.

Приехав в Париж, я познакомилась и подружилась с Натальей Горбаневской, а через нее — с людьми из "Континента", из "Русской мысли". Я даже писала для "Континента". И еще я знала Эдда Клайна. Он издавал по-русски и по-английски "Хронику текущих событий". Ее я читала постоянно. Если ты знаком с Эддом Клайном, ты просто не можешь не читать того, что он издает. Читала еще "Хронику литовской католической церкви", множество литературы с Украины. А из "Хроники" мы узнавали, что

происходит в Грузии, в Эстонии, в Армении... Я хорошо помню дело Ковалева, дело Марченко, дело Кузнецова. Помню, многие тогда вышли из Amnesty, потому что она не хотела признать Кузнецова узником совести. Когда на английском вышла книга Анатолия Марченко — это было одно из сильнейших впечатлений моей жизни.

Я вышла из Amnesty двадцать лет назад, когда столкнулась с тем, что они применяют двойной стандарт. И почему-то, после того, как получили Нобелевскую премию, они выстроили несоразмерно большой бюрократический аппарат. Но главная причина была в том, что они назначили главным наблюдателем в Лондоне человека, который до этого назначения был членом президиума коммунистической партии Тасмании. И на мой взгляд, во времена колоссального влияния КГБ, наблюдателем Amnesty, к которому стекается информация о положении узников коммунизма из разных стран, не может быть коммунист. Я и еще несколько моих друзей написали в Amnesty, что мы считаем такое положение неправильным. Они ответили, что это — не проблема, он уже вышел из коммунистической партии. И я решила, что не могу быть в организации, которая не понимает таких вещей.

— Буковский — член совета спонсоров IDEE. Он действительно помогает вам в работе?

— Когда мы приглашали людей в наш совет спонсоров, мы заранее обещали им, что будем обращаться только в особо важных случаях. Так и есть, мы беспокоим Буковского и других, только если проводим какую-то экстренную акцию. А просить его помочь нам достать деньги, отвлекая его от собственной работы. — это, знаете ли...

— Ирэна, теперь расскажи про твой "румынский" период.

— Подожди, еще до Румынии было кое-что интересное. Мы получали деньги на помощь подпольным издательствам "Солидарности". Там, в Польше, они на эти деньги покупали офсетные машины. И, когда в восьмидесят девятом году в Польше уже наступила свобода, эти офсетные были уже не нужны для подпольной печати. Некоторые из них потом использовали в частном бизнесе, некоторые — продали. Но многие из тех, кто делал подпольные типографии, отремонтировали, привели в порядок свои станки и передали их на Восток. Некоторые даже

Митинг перед Варшавским университетом в 21-ю годовщину "Марта-68". 8 марта 1989 г.

сами отвозили. Недавно я нашла листок, на нем написано: "Я, Давид Бердзенишвили, получил офсетный станок для Республиканской партии Грузии." (Давид Бердзенишвили — член грузинской неправительственной организации "Центр развития и сотрудничества", партнер IDEE и "Карты" — прим. ред.)

— Ирэна, один из таких станков получили и мы! Это было в девяносто третьем. Если бы не он, возможно, "Карта" не выжила бы тогда!

— А кто вам его дал? Ядвига Хмелевская?

— Нет, Петр Митцнер. (Один из основателей польского независимого исторического журнала "Karta". В настоящее время работает в русскоязычном журнале "Новая Польша" — прим. ред.) А кто это — Ядвига Хмелевская?

— Это замечательная женщина. Она занималась тем, что специально возила эти офсетные на Восток. У нас даже была такая договоренность: не нужны нам уже офсетные мы отдавали Ядвиге Хмелевской, а уж она распоряжалась ими наилучшим образом. От нее станки попали и к Ландсбергису в Литву, и в Грузию, и в какие-то вообще невероятные места Советского Союза.

Ну вот, мы и подошли к Румынии. В конце восьмидесят девятого года активно распадается соцлагерь. В начале девяностого года NED обратился к нам с предложением поехать в Румынию и в Болгарию, где происходили бурные события. В 1989 году IDEE начал издавать журнал "Uncaptive Minds" ("Независимое мышление"). В нем, с самого первого номера, печатались статьи практически обо всех странах Восточной Европы. Я сейчас перечитываю и сама удивляюсь.

— Удивляешься, какие вы были умные?

— В основном тому, какие умные и дальновидные авторы у нас печатались. Ну, мы тоже были умные, потому что умели находить этих авторов. А иногда они сами нас находили.

То есть Румынией мы интересовались уже давно. И вот, март девяностого. О том, что я поеду в Румынию, я узнаю за неделю до поездки. Можно сказать, поехала неожиданно. Я никого там не знала, даже не знала, где остановлюсь. Бухарест был сильно разрушен, Чаушеску постарался... Я позвонила моему другу в Париж, он румын. Я говорю ему: "Я даже не знаю, как добраться от

Варшава. 13 декабря 1981 года.

Организация сети заканспирированных типографий, снабженных современными офсетными станками, была возможной только благодаря помощи Запада.

аэропорта догорода". Ответил: "Не волнуйся, тебя встретят. Ищи табличку "Ирэна". Знаете, это как у Макиавелли: человеку мало одного ума, нужно еще и везенье. История, которую я сейчас расскажу, как раз о моем везении. Прилетаю в Бухарест, вижу мужчину и женщину с табличкой "Ирэна". Они говорят: "Там, на площади, собралось сотни тысяч людей. Ты хочешь поехать домой отдохнуть или поедем на площадь?" Поехали, конечно, на площадь. Поздний вечер. Огромная толпа людей, все что-то кричат, кто-то выступает с балкона... Моя спутница мне переводит, что скандирует толпа. "Свобода! Свобода!", потом что-то еще. Потом они стали скандировать: "Личиану! Личиану!" "А это что значит?" Моя переводчица смущается: "Это — наша фамилия". Оказывается, меня в аэропорту встречал один из лидеров румынского демократического движения. Вот так мне удалось попасть в среду самых хороших, самых порядочных людей в этой стране. Ну, это ли не везение!

Когда я собиралась ехать, гранта на поездку еще не было. Я взяла деньги с другого гранта, подумала, что они могут пригодиться там. И пригодились!

Студенты проводили митинги. У них были мощные усилители, было хорошо слышно, и так они управляли ходом митинга, представляли выступающих, контролировали толпу, предупреждали о приближении полиции, не допускали провокаций. А толпа была огромная. Митинги продолжались уже две недели. Я познакомилась с некото-

Ирэна Лясота и участницы семинара международной Сети женщин-лидеров Кавказа, Грузия, г. Боржоми, сентябрь 1999 г.

рыми лидерами, среди них был такой парень Мариан Монтеану. Однажды ночью полиция украла у них эти усилители. Они в отчаянии: "У нас нигде невозможно купить такие усилители, надо лететь в Стамбул, но туда даже постоянных рейсов нет". Мы с женой Габриэля Личиану поехали по магазинам и нашли нужные усилители. За две тысячи долларов. А инфляция там идет бешеным темпом! У меня были две тысячи, но поменять их на лей было очень сложно. Пришлось в гостинице менять нелегально. Так ко мне выстроилась целая очередь этих менял! Две тысячи долларов — это была огромная сумма, ни у кого не было столько денег. У меня набрался целый мешок румынских денег.

На другой день встречаемся с теми студентами около музыкального магазина. Смотрю, они все в майках, разрисованных лозунгами "Долой коммунистов". Нет, говорю, переоденьтесь, ребята, а то и эти усилители не доvezете до места. Купили, наконец, эти самые колонки. Я запретила им рассказывать, откуда взялись деньги, а в магазине Мариан сказал, что я — его богатая тетя из Америки.

Через полгода я снова приехала в Румынию, снова встретилась со студентами. Вдруг мне говорят: "Вы не общайтесь с такими-то, они — провокаторы". И Мариан в их числе. "Откуда вы знаете, что они — провокаторы?" — "Мы точно знаем. Они привезли усилители, и никому не говорят, откуда взяли. Значит, точно, получили от полиции". Пришлось рассказать.

— Ирэна, а Афганистаном вы занимались?

— В семьдесят девятом году я жила в Нью-Йорке. Да, когда началась война, мы связались с нью-йоркской афганской общиной. Потом, когда мы проводили митинги в поддержку "Солидарности", афганцы приходили к нам, а мы приводили поляков на афганские митинги. Польские демонстрации были очень крупные, но всегда у организаторов возникали какие-то разногласия. Например, священник на митинге прочитал молитву, а потом оказалось, что он из какой-то не той конфессии. Получился скандал. И так было не раз. А однажды я вижу, что на наш митинг пришла большая группа афганцев, и среди них — мулла. И я объявила: "Сейчас наш митинг благословит мулла". Он прочитал прекрасную мусульманскую молитву, и за "Солидарность", и за Валенсу, и за Афганистан. В этот раз довольны остались все.

— Скажи, где ты чувствуешь себя лучше всего? В Польше? Во Франции? В Америке?

— В самолете!

— Ирэна, приезжай в Россию. Ей-богу, тебе не будет скучно...

Перевод с польского: Юлия Середа

В публикации использованы фотографии из архива Института Демократии в Восточной Европе и книг: Jakub Karpiński "Polska. Komunizm. Opozycja": Słownik London, 1985; Jacek Kuroń, Jacek Żakowski "PRL dla początkujących". Wrocław, 1995; Andrzej Stanisław Kowalczyk «Giedroyc i "Kultura"». Wrocław, 1995.

В подготовке материала принимали участие Александр Гурьянов и Сергей Романов.

Юрий ТЕЛЕГИН

Клуб друзей Евы

Я, Юрий Петрович Телегин, родился в городе Воткинске, в Прикамье.

Я прожил на родине своих предков до 19 лет, вплоть до моего отъезда в Ленинград и поступления на архитектурный факультет Академии художеств. Меня распределили на работу в институт "Гипроарктика", проектировавший жилье и специальные объекты для Заполярья. Потом я переехал в Гродно.

Ева Сарбова – девушка из Чехословакии. В юности она училась музыке, была пианисткой, закончила Карлов университет по курсу чешского языка и литературы. Однако тяжелое заболевание вынудило ее оставить музыкальные занятия. Отныне Ева недвижно лежала в постели. Для любого человека потерять способность двигаться – величайшая трагедия, а для пианистки... К счастью, она владела кроме родного еще английским, французским, немецким и русским языками. Она стала писать в разные страны, рассказывая о себе и о Чехословакии. О ней сообщил в большой статье журнал "Юность мира", после чего ей стали писать молодые люди из многих стран. Это был конец сороковых годов.

Одним из ее корреспондентов был мой двоюродный брат Михаил. Его это настолько увлекло, что он решил и меня познакомить с Евой, повинувшись естественному человеческому желанию делиться хорошим. Михаил прислал мне несколько ее писем. Это были великолепные образцы эпистолярного жанра, в которых ярко сверкал талант молодой, интеллигентной, весьма начитанной девушки. У нас тоже завязалась переписка. Ева очень много читала русской классики. Собственно, обмен мнениями шел, в основном, по поводу прочитанных книг. Это были замечательные письма, возвышающие духовно. Я берегу их уже полвека...

Вскоре я познакомился с молодым гродненским поэтом Владиленом Задорным. Он тоже был корреспондентом Евы, а ее имя было лучшей рекомендацией. Мы сблизились. Оказалось, что многие из тех, кто в СССР переписывался с Евой, тоже перезнакомились между собой. Образовался сам собой некий круг друзей Евы Сарбовай. Владилен решил придать ему официальный характер. Надо сказать, что после двадцатого съезда международные клубы друзей по переписке были популярны и находились под опекой ВЛКСМ. Владилен списался со многими людьми и, получив одобрение, составил устав клуба, который он назвал "Клуб друзей Ивушки", и стал его согласовывать с местной комсомольской

организацией. Все это было очень интересно и увлекательно. Но...

Но вдруг, как гром среди ясного неба, в местной партийной газете "Грозненская правда" появился фельетон "Клуб джокеров". Джокер, как известно, — карточный шут. То есть – клуб шутов. Из текста следовало, что молодой повеса В. Задорный, окончательно запутавшийся в своих отношениях с женщинами, пытается собрать легковверных молодых людей вокруг известной сектантки и

богоскательницы Е. Сарбовай, которая давно связана с Америкой, где столь враждебно относятся к пролетариату. Пафос фельетона – только неблагонадежные люди могут писать за границу.

Я был возмущен и клеветническими измышлениями, и тоном этого пасквиля. Кроме этого, я не мог понять, откуда в статье могли появиться цитаты из моих писем. Одна из них была строкой из стихотворения моего брата Михаила, который никогда и нигде его не публиковал. Фельетонист привел ее и позлорадствовал: тоже, мол, мне – поэт. Я стал разбираться и пошел к автору на квартиру. Его не оказалось дома, а простодушная жена на мой вопрос ответила: "Ну как откуда, у него же целая палка фотокопий разных писем была". Я понял, что все мы были под негласным надзором КГБ и что моя переписка с Евой постоянно перлюстрировалась.

Я написал в газету, в обком партии и "Комсомольскую правду". Мне было в это время 33 года.

В ответ на мои письма было организовано многолюдное комсомольское собрание, с явным намерением провести показательно-воспитательное воздействие. Много чего говорилось на этом мероприятии, резюме было таким: НЕ ТЕМ ЗАНЯЛИСЬ! Я получил порицание за политическую близорукость. Нечего и говорить, как было мерзко на душе... Ведь растоптали очень чистое и очень личное...

Как потом оказалось, все люди, давшие согласие Задорному участвовать в клубе, у себя на местах тоже подверглись разного рода допросам и проработкам. Брата Михаила вызвали в КГБ и долго с ним беседовали. Пеняли ему, что он, такой бывалый человек, отсидевший 10 лет по 58-й в Ивдельлаге, вновь проявил политическую несознательность и ввязался в переписку с заграницей. А дело в том, что многие корреспонденты Евы начинали переписку между собой. Вот и Михаил, получив письмо от девушки из Южной Африки, ответил ей. Другими словами, получалось, раз бывший зэк – не имеешь больше права писать в другие страны.

А из моего письма в "Гродненской правде" состряпали нечто вроде объяснения-покаяния. Будто бы я ничего не знал, кто такая Ева, а был введен в заблуждение Задорным. Разумеется, ничего подобного я не писал и был страшно возмущен откровенной ложью этой публикации. Была даже мысль подать на газетчиков в суд, но в те времена это было крайне трудно, почти невозможно. Я в то время был просто психологически подавлен...

Клуб распался, но это, конечно, мелочь. Главное – Ева. Она была настолько больна, что все эти неприятности в СССР окончательно подорвали и так невеликие ее силы. Ева умерла. После клеветнической статьи в "Гродненской правде" она прожила меньше года...

Я узнал об этом из некролога в журнале "Чехословацкие профсоюзы", купленном в газетном киоске города Душанбе. (В Гродно я жить не мог буквально физически. К тому же у сына было неважное здоровье, и мы перебрались в солнечный Таджикистан). Некролог был написан одним из бывших корреспондентов Евы в Израиле. Из него явствовало, что Ева по убеждениям была очень демократическим человеком. На вопрос одного из интервьюеров, состоит ли она в коммунистической партии, Ева ответила – нет, но почла бы частью быть членом партии Юлиуса Фучика.

Я сообщил об этом двоюродному брату и всем, состоявшим в переписке с Евой, кому только мог.

Все они сожалели о ее ранней смерти...

Так трагически закончилась эта история, очень в чем-то типичная для тех времен.

Ева Сарбова, Чехословакия, 1948 год.

Александр ГУРЬЯНОВ

Александр Эдмундович Гурьянов — руководитель польской программы Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Москва), автор и соавтор ряда отечественных и зарубежных

публикаций, посвященных теме репрессий против поляков и польских граждан в СССР.

ПОРОЧНАЯ АРИФМЕТИКА

В «Независимой газете» от 28 сентября 2000 года напечатана статья Владимира Гривенко под названием «100 тысяч квадратных километров и другая арифметика. О «грузе прошлого» в российско-польских отношениях». Эта статья дала начало серии публикаций в «Независимой газете» (6 и 19 октября, 3 ноября 2000 года, 13 января 2001 года), затрагивающих новейшую историю наших отношений с Польшей. Причем после статьи Амана Тулеева «Нельзя жить на коленях» дискуссия была переведена главным образом на тему судьбы наших красноармейцев, попавших в польский плен в 1919-1920 гг. Несмотря на эту переориентацию, необходимо вернуться, прежде всего, к положениям статьи В. Гривенко. Сначала подчеркнем три несомненно положительных момента его публикации:

1. Так называемый «освободительный поход» Красной Армии на Западную Украину и Западную Белоруссию, предпринятый 17 сентября 1939 года, однозначно назван ничем не спровоцированной агрессией СССР против Республики Польша с целью отторгнуть от нее часть территории. Эта совершенно справедливая квалификация советских действий (никогда не вызвавшая сомнений за пределами СССР) — редкое явление на страницах нашей прессы.

2. Допускается ответственность Сталина за гибель варшавян при подавлении немцами Варшавского восстания 1944 года.

3. Поднят вопрос об ответственности России за советские массовые репрессии против польских граждан, осуществленные в сороковые годы (после 17 сентября 1939 г.). За публичную постановку этой темы «Независимая газета» и ее автор заслуживают искренней признательности, так как многие российские граждане даже не догадываются о существовании подобной проблемы и способны лишь горестно и недоуменно вопрошать: за что же нас так не любят в мире?

В. Гривенко идет дальше — не только выдвигает проблему, но и настаивает на ответе, сводящемся к утверждению: наша страна давно предоставила Польше «вполне адекватную территориальную компенсацию» за репрессии против польских граждан и поэтому ответственности уже не несет.

К сожалению, приветствуя факт постановки вопроса, приходится решительно возразить против предложенного автором ответа. Формула «территории государству в об-

мен на репрессии против его граждан» представляется совершенно неприемлемой с правовой точки зрения. Не потому, что никакие материальные компенсации не воскресят погибших, не вернут утраченного здоровья уцелевшим, не возместят горя и страданий их семей. Любые компенсации в этой области несоразмерны утратам, но они все равно необходимы — и уцелевшим репрессированным, и членам семей жертв репрессий — не только как подспорье в их зачастую бедственном материальном положении, но, главным образом, как вещественная форма признания того, что совершенное над ними государственное насилие было несправедливым, незаконным и преступным.

Формула, отстаиваемая автором «Независимой газеты», неприемлема потому, что компенсации адресованы не самим пострадавшим, а их государству. По этой специфической логике компенсация реабилитированным российским гражданам, репрессированным при Сталине, например, в Ивановской области, должна была бы состоять в том, что наше правительство «прирезало бы» этой области какие-нибудь земли (разумеется, в распоряжение областной администрации). К счастью, и российский закон от 18 октября 1991 года о реабилитации жертв политических репрессий, и немецкие компенсации жертвам гитлеризма основаны на ином подходе: компенсации предоставляют только пострадавшим, а не их странам.

Формула «территории государству за репрессии против его граждан» — это, по сути, отголосок тоталитарной концепции безусловного верховенства интересов государства и пренебрежения правами отдельного человека. Той самой концепции, которая в своей большевистской или фашистской ипостаси как раз и послужила идейным обоснованием массовых политических репрессий в сталинском СССР и в гитлеровской Германии.

Не только концепция компенсаций по Владимиру Гривенко порочна. Недостоверной оказывается и его «политическая арифметика», призванная реализовать «на бумаге» эту концепцию. Сначала автор «доказывает», что территориальное приобретение в виде более 100 тысяч кв. км бывших германских территорий, включенных в 1945 году в состав Польши, никак не обосновано ее вкладом в разгром немцев и людскими потерями в период оккупации. Мол, число павших в боях с Германией польских военнослужащих и партизан маловато¹, и число погибших от рук немецких оккупантов мирных жителей (включая людские потери при подавлении немцами Варшавского восстания) преувеличено поляками «фантастическим» образом.

Да к тому же, они еще и в германской армии, и в польско-немецких полицейских формированиях служили, якобы в таких масштабах, что число погибших коллаборационистов (по В. Гривенко — несколько десятков тысяч)

¹ Причем польские официальные данные, по мнению Владимира Гривенко, завышены в результате различных махинаций, — например, польские пропагандисты посмели включить в это число украинцев, белорусов и литовцев — граждан довоенной Польши, в также тех погибших поляков, чьи семьи в дальнейшем оказались за пределами послевоенной Польши!

может даже и уравновесить число погибших в боях против Германии. В общем, не заработали себе поляки на эти 100 тысяч кв. километров!

Этот вывод — первый шаг, необходимый для осуществления концепции В. Гривенко. Поскольку концепция ущербна, то и со вспомогательным выводом спорить бессмысленно. Пожалуй, важнее то, какими средствами он достигнут, — а это полная бездоказательность всех использованных «политико-арифметических» выкладок, отсутствие упоминаний о каких-либо исследованиях даже в тех случаях, когда автор оспаривает уже давно существующие в историографии оценки людских потерь среди польских военнослужащих и гражданского населения.

Но бездоказательны не только «воздушные» цифры В. Гривенко. В частности, он никак не объясняет противоречие между своим сенсационным тезисом о сопоставимости масштабов коллаборационизма и антигитлеровской борьбы поляков и тем фактом, что среди оккупированных европейских стран Польша — единственная, в которой немцам не удалось найти «польского Квислинга». Им не удалось сформировать марионеточный орган управления из представителей местного населения. И именно польское антигитлеровское подполье было самым сильным во всей Европе. Вряд ли представителям России стоит выдвигать в адрес других стран обвинение в коллаборационизме, — вспомним, что в вооруженных формированиях на стороне Германии состояло около миллиона советских граждан².

Следующий шаг рассуждений В. Гривенко — «доказательство», что «прирезанные» 100 тысяч кв. км не только не заслужены поляками участием в разгроме Германии и гибели гражданского населения от рук немецких оккупантов, но и не могут считаться компенсацией за земли, отторгнутые в 1939–1940 годах Советским Союзом. Хотя лидеры антигитлеровской коалиции, не исключая и СССР, принимая решение на Ялтинской и Потсдамской конференциях о передаче Польше немецких территорий, именно такой компенсацией их и считали!

По В. Гривенко, компенсация за восточные территории довоенного польского государства не полагается, поскольку они издавна принадлежали восточным славянам («Львов, Галич, Брест и Гродно — древнерусские города»). А польская довоенная статистика, оценивавшая долю польско-язычного населения этих земель примерно в 40%, была сфальсифицирована, к тому же, значительная часть польско-язычного населения — это никакие не поляки, а «ополяченные» восточные славяне.

Не будем ввязываться в спор относительно этнического состава населения, «расовой чистоты» его отдельных групп (кто из них «настоящие» поляки, а кто «ополяченные» украинцы, белорусы, литовцы) и «исконных прав» той или иной нации на ту или иную территорию. Ведь ссылка на «исконные права нации» антинаучна и антиисторична. Историки знают: нация не является неизменным образованием — ее состав, язык, культура, самоощущение на протяжении веков непрерывно меняются. Ареал ее поселения не зафиксирован раз и навсегда, у каждой нации за всю ее историю он не раз изменялся как целое, то и дело сокращался или расширялся! Когда аргумент «сотни лет назад в таком-то месте проживал такой-то народ, значит, и сейчас это место по праву принадлежит ему же» использует политик — это свидетельствует о его цинизме, желании поднять и использовать в своих целях волну национализма и ксенофобии. Когда же этот аргумент использует автор, претендующий на звание историка, — это

свидетельствует о его невежестве и научной несостоятельности³.

Так В. Гривенко подошел к своему главному выводу: раз 100 тысяч кв. км, полученных Польшей в 1945 году, во-первых, кровью поляков оплачены недостаточно и, во-вторых, не могут считаться компенсацией за территориальные потери на востоке, то значит, это — предоставленная Советским Союзом компенсация за репрессии: отправку в 30–40-е годы в лагеря ГУЛАГа и на спецпоселение сотен тысяч жителей довоенной Польши (от себя уточним — более полумиллиона), а также за казни в 1939–1940 гг. около 25 тысяч польских граждан.

И неважно, что это компенсация за чужой счет (ведь не свои же территории СССР отдавал Польше), что забыты Великобритания и США, которые вместе с СССР принимали решение о передаче земель! Об ущербности принципа «территории в обмен на репрессии» уже говорилось выше. Здесь спросим лишь, почему В. Гривенко ограничился только периодом 1939–1940 гг., разве позже казней не было? Ведь из архивных документов НКВД следует, что только на рубеже июня-июля 1941 года, в порядке так называемой «эвакуации тюрем» западных областей УССР и БССР, были расстреляны без суда еще около 10 тысяч польских граждан⁴.

В качестве еще одного аргумента против дальнейших компенсаций полякам упоминаются и 600 тысяч советских военнослужащих, павших в боях против немцев на всей территории современной Польши (в том числе на бывших германских землях, переданных Польше в 1945 году). В «политической арифметике» В. Гривенко их гибель — это еще одна разменная монета «в уплату» за советские массовые репрессии против польских граждан. Вот только наши красноармейцы о том не догадывались, они считали, что не щадят своих жизней в борьбе с фашизмом!

Нельзя согласиться и с заключительным тезисом В. Гривенко о том, что в отличие от германских нацистов, пришедших к власти легитимным путем, большевики получили власть в результате завоевания страны, а значит, ответственность современной России за преступления тоталитарного советского режима меньше, чем ответственность Германии за преступления гитлеризма.

Вряд ли справедливо представлять российское общество невинной жертвой злодеев-большевиков. Большевикизм вырос не на какой-нибудь, а на российской почве. Без массовой поддержки со стороны одних и пассивного согласия со стороны других слоев общества репрессивная советская система не могла бы существовать в течение десятилетий. Как это ни печально, та или иная ответственность, во всяком случае, моральная, за преступления советского режима лежит на всех гражданах страны, переходя и на нынешние поколения. — ведь не станем же мы отрекаться от своих родителей и дедов. В отношении себя и своей страны — Германии — нынешние немцы поняли это намного раньше нас.

Степень моральной ответственности каждый определяет для себя сам. Определил ее и Аман Тулеев в своей статье «Нельзя жить на коленях», вышедшей в «Независимой газете» 6 октября 2000 года. Причем определил не

³ *Да что там сотни лет — всего 55 лет тому назад абсолютное большинство населения Львова и Вильнюса составляли поляки, но если бы на этом основании кто-нибудь сейчас потребовал вернуть Польше эти отторгнутые в результате советской агрессии города, то это требование было бы совершенно справедливо отклонено — ведь сейчас там в большинстве проживают украинцы и литовцы.*

⁴ *См., например, статью А. Гурьянова и А. Кокурина в 6 номере российского исторического и правозащитного журнала «Карта» за 1994 г.*

² *См., например, фундаментальную книгу П. Поляна «Жертвы двух диктатур», Москва, 1996.*

только для себя, но и для всей страны: «...С комплексом вины не обретишь крылья для дальнейшего движения... покаяться — встанем в полный рост».

Непонятно, на каком основании А. Тулеев утверждает, что «комплекс вины стал визитной карточкой России», что «Россия покаялась и повинилась». Подобное утверждение делает и Владимир Дайнес в своей статье «Россия – Польша» в «Независимой газете» за 3 ноября 2000 года. Странно, но такое признание вины прошло в России незамеченным. Ведь преступления прошлого до сих пор официально не названы у нас преступлениями. Вспомним хотя бы полугодовой давности заявление российского МИДа с отказом признать советское вторжение в Польшу в сентябре 1939 года актом агрессии.

Подобно В. Гривенко, Аман Тулеев исповедует тезис об узурпации власти большевиками и оккупации ими России (в частности, ответственность за «красный террор» он возлагает на латышских стрелков), подразумевая, что тем самым проблема гражданской ответственности с нас снимается.

Вся статья А. Тулеева, касающаяся не только Польши, изобилует демагогическими приемами (как и его интервью Андрею Романову, опубликованное в «Независимой газете» за 3 ноября). Однако здесь кратко остановимся лишь на допущенных им искажениях фактов, относящихся к истории российско-польских отношений.

Гибель красноармейцев в польском плену в 1919–1921 гг. у нас в стране уже несколько лет пытаются использовать в качестве «противовеса» Катынскому преступлению. Вот и А. Тулеев обвиняет Польшу в «варварском уничтожении 80 тысяч пленных красноармейцев... в польских концлагерях, лытках, в которых превосходили зверством лалачей Освенцима», утверждая при этом, что нынешняя Польша вообще избегает обсуждения этой трагедии.

Как и В. Гривенко, Аман Тулеев не обременяет себя обоснованием своих утверждений и ссылками на исследования. К счастью, «Независимая газета» в номере за 19 октября 2000 года предоставила слово польскому историку Збигневу Карпусу, опубликовавшему еще в 1991 году книгу «Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924» («Русские и украинские военнопленные и интернированные в Польше в 1918–1924 годах»).

Согласно выкладкам З. Карпуса, основанным на документах польских архивов, из 110 тысяч красноармейцев, попавших в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг. в лагеря военнопленных на территории Польши, умерли около 16–18 тысяч человек, прежде всего от недоедания и болезней. З. Карпус и другие польские авторы, приводя ряд фактов жестокого обращения с военнопленными, их бедственного положения в лагерях, вместе с тем опровергают версию о преднамеренном и целенаправленном истреблении красноармейцев в плену.

В начале 1990-х годов польская сторона предложила российским историкам самим изучить польские архивные материалы по этой теме. Если наши отечественные поборники концепции «контр-Катыни» (включая авторов «Независимой газеты», «Известий» за 17 ноября 2000 года, «Версии») несогласны с польскими историками по существу — пусть документально оспаривают их выводы и подсчеты (как это делает Ирина Михутина в «Независимой газете» от 13 января 2001 г.), а не дезинформируют российских читателей, заявляя о молчании польской стороны.

Возможно, новые исследования позволят уточнить картину событий 80-летней давности и, в частности, пересмотреть оценки Збигнева Карпуса, однако «политико-

арифметический» подход, предполагающий «взаимозачет» Катыни за гибель пленных красноармейцев и фактически означающий полное пренебрежение к жертвам и страданиям их родственников, необходимо отвергнуть сразу.

Однако вернемся к Аману Тулееву, который сознательно или по незнанию вводит читателей в заблуждение и по другим аспектам российско-польских отношений. В частности, в годы, предшествовавшие пакту «Молотова-Риббентропа», СССР никогда не запрашивал Польшу о продлении мирного договора, ибо в этом не было никакой необходимости: мирный договор 1921 года, заключенный в Риге, был бессрочным, а в 1932 году был еще заключен советско-польский пакт о ненападении, продленный в 1934 году на следующие 10 лет (т. е. до 1944 года).

Столь же бездоказательно утверждение А. Тулеева о повсеместном характере осквернения, при попустительстве властей, кладбищ советских воинов, погибших в 1944–1945 гг. в ходе освобождения Польши. Да, к сожалению, в последние годы в Польше имели место постыдные акты в отношении отдельных кладбищ наших солдат. Однако такие случаи известны наперечет. Как правило, кладбища советских воинов поддерживаются в Польше в достойном состоянии. Я сам имел возможность убедиться в этом в отношении кладбища в городке Жагань на западе Польши, когда в ответ на запрос, отправленный по просьбе одного из жителей Сыктывкара, чей родственник воевал и погиб в тех местах в феврале 1945 года, мы получили из Польши сделанные для нас фотографии этого благоустроенного кладбища и подробную схему расположения могил.

Сам Аман Тулеев не приводит ни каких-либо статистических данных, подтверждающих «повсеместность» осквернения кладбищ советских солдат, ни фактов, позволяющих обвинить польские власти в попустительстве этому позорному явлению. Можно не соглашаться с решением городских властей Кракова о переносе мемориала советским воинам, павшим при освобождении города, но назвать этот перенос осквернением вряд ли возможно. К сожалению, явление надругательства над кладбищами не чуждо и нашей стране: в частности, в октябре 1996 года у деревни Новиково Рязанской области было варварски разрушено одно из очень немногих в России мемориальных кладбищ умерших в заключении польских граждан⁵ (могилы большинства из них в других местах и поныне остаются в забвении). К чести местных правоохранительных органов, злоумышленники были установлены и понесли наказание в уголовном порядке. Мы осуждаем осквернение могил вне зависимости от того, в какой стране оно происходит.

Отвергая недобросовестность аргументации А. Тулеева, нельзя, вместе с тем, не приветствовать факт, что и этот автор «Независимой газеты» публично затронул проблему ответственности за наше тоталитарное прошлое. Значит, проблема наконец-то начинает проникать в российское общественное сознание — и это вселяет надежду.

г. Москва

⁵ На этом же кладбище похоронены еще и немецкие военнопленные и интернированные.

Справка «Карты»: Публикуемый текст в середине октября 2000 года был предложен редакции «Независимой газеты», которая сообщила автору об отказе в публикации. 8 февраля 2001 года «Общая газета» опубликовала сокращенный вариант текста под названием «С репрессированных причитаются?» Журнал «Карта» предлагает вниманию читателей полный текст работы.

История в документах

Совершено преступление _____ копия
 Начато следствие _____
 Окончено следствие _____
 Дело поступило в ВТ _____
 Рассмотрено в ПЗ _____

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

6 декабря 1949 г.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННО – МОРСКОГО ГАРНИЗОНА

в составе: председательствующего — майора юстиции — Ковалева,
 народных заседателей: капитана 2 ранга Паскина и инженер — майора Шерстабитова,
 при секретаре — капитане — Самусеве,

с участием заместителя Военного прокурора ВМЧ ЛГ подполковника юстиции Арван и адвокатов Лобызенко и Кроленко, в закрытом судебном заседании, в трибунале, рассмотрев дело по обвинению слушателей Военно – Морской Медицинской Академии — капитана медицинской службы — А Ф А Н А С Ь Е В А Игоря Всеволодовича, 1924 года рождения, уроженца города Ленинграда, русского, беспартийного, до военной службы учащегося, женатого, на военной службе с 1942 года, ранее не судимого и старшего лейтенанта медицинской службы — АЛЕКСАНДРОВСКОГО Вадима Геннадиевича, 1924 года рождения, уроженца города Сталинграда, русского, члена партии с 1940 года, до военной службы учащегося, на военной службе с 1941 года, женатого, ранее не судимого, —
 обоих, в преступлении, предусмотренном ст.58 – 10 ч.1 УК РСФСР, —

установил нижеследующее:

Афанасьев и Александровский, начиная с 1946 года, среди окружающих их слушателей Военно – Морской Медицинской Академии проводили антисоветскую пропаганду, направленную против мероприятий, проводимых советским правительством, а именно: осенью 1946 года, после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», они на семинарских занятиях в присутствии ряда лиц выступали с антисоветской оценкой этого постановления.

В 1947 году на занятиях по диалектическому материализму выступали с вопросами провокации — оиноного характера, подвергая сомнению отдельные положения этой науки, и распространяли среди тех же слушателей академии анекдоты антисоветского содержания.

В этом же 1947 году Афанасьев восхвалял жизнь рабочих в Америке и клеветал на положение рабочих и инженеров в Советском Союзе, а Александровский также клеветнически отзывался о материальном положении рабочих Советского Союза и восхвалял условия жизни рабочих Финляндии. Кроме того, Афанасьев в 1948 году распространял содержание антисоветских передач заграничных радиостанций «Би – Би – Си» и «Голос Америки», клеветал на демократию и систему выборов, а Александровский в антисоветском духе заявлял об отсутствии подлинной демократии в Советском Союзе.

Страница 2

Виновность Афанасьева и Александровского подтверждается показаниями свидетелей: Морозова, Лебеда, Бетаки, данных ими на предварительном следствии и на суде, свидетелями: Яхлакова, Гаран, Пинкина и Карамутдинова, данных ими на предварительном следствии.

Подсудимые на предварительном следствии признали себя виновными в полном объеме предъявленного обвинения, а на суде признали себя виновными частично.

На основании изложенного, Военный Трибунал признал Афанасьева и Александровского виновными в проведении антисоветской пропаганды, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР, и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военный Трибунал

п р и г о в о р и л :

А Ф А Н А С Ь Е В А Игоря Всеволодовича и
А Л Е К С А Н Д Р О В С К О Г О Вадима Геннадиевича

за совершенные ими преступления, на основании ст.58—10 ч.1 УК РСФСР, лишить свободы в исправительно—трудовых лагерях сроком на десять (10) лет каждого, с поражением в политических правах на четыре (4) года каждого и с лишением прав на ношение медалей Афанасьева : «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «XXX лет Советской Армии и Флота» и Александровского — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «XXX лет Советской Армии и Флота».

Зачесть осужденным предварительное до суда заключение и срок отбытия наказания исчислять Афанасьеву с 27 августа 1949 года, а Александровскому с 29 августа 1949 года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военный Трибунал войсковой части 10727, через Военный Трибунал Ленвоенморгарнизона в течение 72 часов, с момента вручения копии приговора осужденным.

Подлинный за надлежащими подписями,

с подлинным верно: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
майор юстиции —
/ КОВАЛЕВ /

подпись, печать: «Военный Трибунал Ленинградского ВМ Гарнизона»

«Положение учителей хуже арестантского...»

В секретных обзорах политического состояния СССР, которые готовила госбезопасность (Объединенное Государственное политическое управление), постоянно присутствовали два класса — рабочие и крестьяне. Изредка находилось место и для других социальных групп. В следующем обзоре говорится о сельском учительстве. (Октябрь 1926 года.)

Рязанская губерния. Учитель Гиблицкой школы Касимовского уезда говорит: «Интеллигентному человеку в настоящее время жить чрезвычайно трудно. Рабочий на заводе Карла Либкнехта получает 100 р., а ученый человек — 40 руб.»

Гомельская губерния. Среди учителей Носовичской волости Гомельского уезда отмечается недовольство низким уровнем зарплаты. Учитель Зябровской школы в разговоре со своими коллегами заявил: «Печать сообща-

ет, что бюджет Гомельской губ. возрос на 100 % против прошлого года, а зарплата учителям осталась на прежнем уровне и по моим подсчетам равна 12 р. 50 к. довоенных. Раз так, надо и работать на 12 р. 50 к.»

Уманский округ. В Жашковском районе учителя говорят: «В окружном центре на разных фабриках и заводах ответственные работники получают колоссальное жалование и обжираются, а мы, зеркало Соввласти, забытые, заброшенные, существуем на 30 руб., должны владеть жалкое существование и выносить все трудности на своих плечах».

Минусинский округ. Учитель средней Шушенской школы (член ВКП) говорил: «Учительское жалование крайне недостаточно. Я имею жену и ребенка и никак не могу справиться себе и жене обуви. Имею всего одни брюки, да и те требуют капитального ремонта. Особенно тяжело су-

ществовать на учительское жалование нашему брату — семейному».

Первомайский округ (Украина). В местечке Добровеличковка, того же района, учителям не выплачена зарплата за 3 месяца, благодаря чему необеспеченная часть учительства живет почти впроголодь.

В Домановском районе учительству РИКом не выплачено жалование еще за август месяц.

Саратовская губерния, Атакарский уезд. Баландинский ВИК имеет задолженность по зарплате учителям за 5 месяцев. Уполномоченные ВИКа, проводя кампанию по сбору недоимок, на жалобы крестьян, что платить нечем, заявляют, что деньги нужны для погашения задолженности по зарплате учителям, которые якобы грозят ВИКу судом. Подобные заявления восстанавливают население против учительства.

Троицкий округ (Урал). В Нижне-Увельском районе учителям систематически задерживается выплата зарплат. Так, например, учительство пос. Петровского не получило зарплату еще за июнь месяц. Средства, получаемые РИКом из округа на выплату зарплат учителям, расходуются на оплату векселей по постройке РИКовской мельницы.

Владивосток, Посыетский район. Учительский персонал района уже третий месяц не получает зарплату. На неоднократные запросы со стороны учителей о времени выплаты зарплат РИК не отвечает.

Изыумский округ (Украина). 12 учителей с. Андреевка и прилегающих хуторов подали заявление об увольнении, мотивируя свой уход тем, что мало платят, да и то несвоевременно. Учителя выкинули лозунг: «Разбегайся, кто куда может».

Иркутский округ (Сибирь). Среди иркутского учительства на почве недовольства материальным положением велась агитация за объявление забастовки. Распространялись воззвания и листки, призывающие к забастовке. Вмешательством Губ. ОНО забастовка была прекращена.

Читинский округ. Учителя Кирьяновского района уходят с работы в школах и поступают на работу на железную дорогу.

Курская губерния. В гор. Корочи на волостной учительской конференции по вопросу об участии учителей в общественной работе в деревне выступил учитель слободы Погореловки и заявил, что «нужно сначала накормить учителя, а потом уже навязывать ему всевозможные роли в деревне». С аналогичным заявлением по вопросу об общественной работе выступил предместкома Белгород-

ского уезда и сказал: «Даешь денежку и получишь общественную работу».

Днепропетровский округ. В с. Петраковка, того же района, учителя совершенно не участвуют в работе сельбуда и устраивают спектакли и разные закрытые вечеринки у себя на квартирах. Крестьяне же возмущены и говорят: «Нам, крестьянам, придется остаться одним, ибо интеллигенция с нами не идет и работать с нами не хочет».

Кубанский округ. В ст. Уманской группа реакционно-настроенных учителей ведет агитацию среди учительства об отказе от общественной работы в виде протеста против низкого уровня зарплат: «Как нам платят, так мы и работать будем».

Уманский округ. Учителя в селах Бродецкое и Колодезное Екатеринопольского района говорят: «Положение учителей безвыходное, если поставить на голосование, за кого мы стоим: за царя или соввласть, то мы голосовали бы за царя».

Кубанский округ. Учительница ст. Архангельской Тихорецкого района среди крестьян говорит, что «ВКП состоит из босяков и хулиганов и представляет из себя неопределенную шайку».

Учительница ст. Славянской того же района, в беседе с тремя другими учительницами, уверяла последних о скором падении существующего строя, указав, что «ничего, потерпим еще 6 месяцев и власть изменится. В Москве коммунисты разделились на два лагеря: за коммуны и против коммуны, и те, кто против коммуны, победят, т.к. за ними весь народ. К тому же Польша выставила войска на границе и война неизбежна».

Армавирский округ, Григориполисский район. Школьный учитель ст. Григориполисской в беседе с крестьянами говорит: «Пусть берут налог, это только разъярит крестьян, ведь даже рабочие и те недовольны на соввласть, а крестьяне и тем более. Если вдруг будет заварушка или война, то крестьяне не простят — они покажут, как с них 10 шкур драть». Одновременно уверяет, что война неизбежна.

Красноярский округ. На одной из районных конференций учителей отмечалась следующая агитация анти-советски настроенных элементов: «Положение учителей хуже арестантского потому, что государство бросает больше деньги на агитацию за границей, на содержание агентуры и шпионов, а потому и получается дефицит в госбюджете».

(По материалам программы «Документы прошлого» Радио Свобода, редактор и ведущий — писатель Анатолий Стреляный)

Российский проект журнала «Index on Censorship» начался в феврале 1997 года. Фонд защиты гласности — партнер «Index on Censorship» по проекту — учредил журнал «Досье на цензуру».

Основная задача российского журнала «Индекс/Досье на цензуру» — защита информационной среды обитания человека от разрушительного воздействия власти, корпоративных интересов и самого человека.

Издатели журнала напоминают, что несмотря на официальную отмену цензуры в России, она продолжает существовать в разных обликах.

Журнал исследует проблемы доступа к информации, изучает правовое поле, в котором существуют средства массовой информации.

Журнал публикует произведения известных писателей и переводные материалы из английского «Index on Censorship»

119021, Москва, Зубовский бульвар, д.4, комн.447

Тел./факс: (095)201-5086

E-mail: edit@index.org.ru <http://www.index.org.ru>

Андрей СУСЛОВ

Протокол одного заседания

Спецпереселение, организованное Сталиным и верным ему Политбюро, сорвало с насиженных мест и ураганом понесло в неизвестность сотни тысяч крестьян. Тяжелее всего пришлось тем, кого захлестнула первая волна зимой – ранней весной 1930 г. Именно на это время пришлось наибольшее число безобразий, неоправданной жестокости, нарушений и без того малогуманных советских законов. В широком масштабе практиковались повальные конфискации «под гребенку», выселения раскулаченных в чистое снежное поле «под березку» и т.д. Выселенным во второй половине 1930-го – в начале 1931-го тоже приходилось несладко. Исполкомы и хозяйственные организации, в чье ведение попадали спецпереселенцы, не справлялись с обустройством огромного числа людей, не могли обеспечить снабжение продовольствием и товарами первой необходимости, организовать строительство сносного жилья, из рук вон плохо велось трудоустройство.

С середины 1931 года политическое руководство страны переносит акцент переселенческой политики на извлечение максимального хозяйственного эффекта от их труда. Спецпереселенцев передают в ведение ОГПУ, делая ставку на административные возможности этой организации. Наряду с этим принимаются и другие меры. В частности, правительство пошло на резкое ограничение политических прав спецпереселенцев, одновременно обязав все хозяйственные организации, использующие их труд, уравнивать высланных в снабжении и оплате труда с рабочими¹.

Директивы центра обсуждались и проводились в жизнь партийным руководством в различных регионах страны. На закрытом заседании бюро Уралобкома ВКП(б), 4 августа 1931 г., обсуждался вопрос о спецпереселенцах. Перед этим группа членов Уралобкома ВКП(б), совместно с представителями ОГПУ, провела обследование усьвинских копей и прилегающих к ним спецпереселенческих поселков. До нас дошел протокол этого заседания², передающий атмосферу времени и настроения партийной верхушки. Документ рисует весьма неприглядную картину положения спецпереселенцев и раскрывает подходы к решению их проблем партийными руководителями области, весьма откровенно высказавшими свои мысли на закрытом заседании.

Неудивительно, что многие старые подходы к организации труда и быта спецпереселенцев в 1931 году уже критиковались: новые директивы следовало исполнять. Неудивительно и то, что сложившаяся ситуация анализировалась прежде всего под углом улучшения хозяйственного использования спецпереселенцев. Именно таким образом осмысливал проблему докладчик т. Фейгина. Одним из главных недостатков он назвал нерациональное размещение рабочей силы. На лесных работах оказалось занято не менее трети стариков, инвалидов и прочих физически не годных к этому труду людей, а масса пригодных к физическому труду размещалась в других районах. Не принималась в расчет специальность спецпереселенцев. К примеру, украинцы попадали на лесозаготовки, в то время как выходцы из Сарapulьского района, знающие лесное дело, не использовались на промышленных предприятиях. В случае иного распределения рабочей силы производительность труда могла бы увеличиться: сарapulьцы заготавливали в среднем до четырех кубометров древесины в день, а украинцы только полтора. Нерациональной признавалась и высылка больших семей в лесные районы, поскольку женщин и детей невозможно было задействовать на лесоповале.

В ходе обследования поселков был выявлен вопиющий факт: спецпереселенцы более года, т.е. с момента их прибытия, не получают зарплаты. Однако Фейгина это интересует лишь постольку, поскольку теряется стимул для увеличения выработки. Паск выдается в любом случае, а зарплаты нет, люди приходят к выводу, что работают бесплатно.

«В области жилищного строительства, — говорится в докладе, — дело обстоит отвратительно скверно, главным образом по причине того, что мы сами заморозили это дело». Для руководителей большинства организаций отсутствие директивы об отвлечении части людей на заготовки леса под жилищное строительство было равнозначно запрету: наказания за инициативу, не санкционированную свыше, стали обыденным явлением того времени. Людей уже успели отучить действовать в соответствии со здравым смыслом, если это противоречило инструкциям. Характерным примером может служить боязнь отступления от рекомендованных проектов жилых домов для спецпереселенцев.

Из доклада т. Фейгина на заседании бюро Уралобкома ВКП(б)

Мужик умеет строить избышку для себя, а в лесных районах сидит прораб, который обязан строить дома по определенному типу, что не могут делать находящиеся там плотники. Прораб, с которым я говорил, признает, что нельзя так строить, но так как ему приказано и несколько месяцев тому назад другой прораб был отдан под суд за то, что строил не по проекту, а исходя из целесообразности, то он не рискует строить печи в других местах. Мы были свидетелями, что поставлены избышки, а печей нет. Наиболее разительным примером может служить поселок на коях Усьвы: там строят 2-х этажный барак, в котором предусматривается только 2 печи на 420 человек, 4 уборных и 2 плиты. Вообразите положение, когда 210 человек должны готовить пищу на одной печи. Получается совершенно невероятное дело.

Почему в районах, где имеется много леса, при помощи рабочей силы кулаков не заготовить лес и построить 1-2-4 квартирные дома с тем, чтобы размещать территориально так, чтобы на это дело употребить рабочую силу семей кулаков? Тут строятся огромные бараки при полной невозможности ведения сельского хозяйства. Опять должны мучаться со снабжением продовольствием и т.д. при не использовании детей, тогда как можно построить дома, где есть земля и неплохая.

Фейгин также обращает внимание членов бюро на отчаянное положение со снабжением продовольствием и промышленными товарами, на отсутствие медицинской помощи и издевательства над переселенцами. Его сообщение невозможно читать без содрогания...

Из доклада т. Фейгина на заседании бюро Уралобкома ВКП(б)

Отвратительное дело с продовольствием в лесных поселках благодаря полному отсутствию дорог... Мы были в сравнительно близких поселках и еле добрались, потому что добраться можно только верхом... Сейчас нужно подвозить продовольствие, потому что положение мучительное. Маленькие дети перемерли, остались только 6-8-летние дети, которые могут питаться хлебом, которым не столько нужно молоко, как маленьким детям, они живут, хотя вид очень тяжелый. От любой царапины развиваются опухоли. Состояние детей плохое от недостаточного питания, развивается слепота, трахомы и др. заболевания.

На распределительном пункте, куда прибывают новые партии, где мы видели маленьких детей, они несомненно умирают, нет молока, у них жуткий вид... Скверно с одеждой, мы не знаем, кому нужно и не нужно давать одежду. Первая партия кулаков прибыла почти без одежды. Некоторая часть кулаков, попавши в тяжелые условия, распродала. Сейчас прибывают кулаки, обеспеченные полностью одеждой и продовольствием...

Следующий вопрос о медицинской помощи: полное отсутствие врачей и фельдшеров. Я ставлю вопрос не только с точки зрения спасения жизни, а с точки зрения и производства. Люди, бывает, симулируют, а тут неизвестно, симуляция это или нет. Была такая система, что болел или нет, иди на работу, если не идешь, не получишь хлеба. Это не соответствует директивам вышестоящих организаций. В итоге значительная часть превратилась в инвалидов...

И надо отметить скверное обращение с ними. Безобразия, когда из-за невыработки нормы садят на 30 суток в баню при 30-градусном морозе; днем работать, а ночью иди в заморозженную баню. Женщин садили на 8 суток, мужчин на 30 суток. Один из милиционеров за отказ от работы застрелил спецпереселенца, этого милиционера не только не наказали, а перевели только в другой район...

О чем бы ни шла речь, обкомовцы рассматривали положение спецпереселенцев с точки зрения получения производственного эффекта от применения их труда. Например, обсуждаются жалобы хозяйственников на плохую работу кулаков, невыполнение норм и т.п. Выясняется, что в качестве стимулов применяется лишь комплекс наказаний. Все коменданты руководствуются телефонограммой, согласно которой не выполняющие нормы лишаются пайка, трудоспособные переводятся на паек нетрудоспособных, у провинившихся изымается все запасы продовольствия, они лишаются выходных дней. Член обкома Разказчиков ставит эту проблему так: «Если убивают человека, то его расстреливают или вешают, что-нибудь одно. А тут [человеку] не платят заработную плату, его же лишают пайка, отбирают все имеющиеся запасы продовольствия и лишают выходных дней. Выходит, человек должен работать как скотина; скотина и та имеет отдых, и за ней ухаживают».

Даже весьма смягченная критика недостатков в работе со спецпереселенцами вызвала болезненную реакцию представителей различных ведомств, радующих за честь мундира. Обкомовец Головин заявил о несогласии с тем, что обком не давал директив, получалось, что во всем виноваты безынициативные хозяйственники. Представитель ОГПУ Клингман отверг обвинения в адрес ОГПУ, обратив внимание на то, что чекистам поручили «обслуживание» спецпереселенцев только с 1 июня 1931 г. и за истекшие два месяца они уже много сделали для наведения порядка. «Когда я сюда приехал, — сказал он, — был ужас, тысячи телеграмм из районов получали о том, что голодаем, ничего нет и т.д., а сейчас ни одной тревожной телеграммы нет». Ту же позицию занял полномочный представитель ОГПУ по Уралу Нодев, сделав упор на промахи местных работников и на объективные трудности, не зависящие от уральских органов ОГПУ. Сам того не замечая, Нодев, по существу, раскрывает несобдуманность, слабую подготовку и преступное невнимание центральных органов к людям при форсированном проведении широкомасштабной кампании переселения «кулаков».

Из выступления т. Нодева на заседании бюро Уралобкома ВКП(б)

Тов. Фейгин говорит, что люди размещены неправильно. Возможно, известные промахи есть, но согласитесь, тов. Фейгин, когда на известной станции принимается до 3 тыс. человек, устраивать в области сортировку каждого жилища, — этого ни транспорт, ни наличие помещений делать не позволяют...

Нами учтены все специалисты, и специалистов начинаем использовать там, где целесообразно...

О плохом состоянии медобслуживания говорили неоднократно. Какие директивы тов. Коновалов в этой области ни давай, но я считаю, без вышестоящей помощи со стороны Наркомздрава тов. Коновалов не в силах ничего сделать. Врачей нет, 6 тыс. людей спецпереселенцев прислано в дыры, при всех недостатках питания, жилищного обустройства и т.д., заболеваемость увеличивается.

Можно ли Уралу выйти из положения со своими кадрами? Нет. Однако ни одного врача Коновалов не получил. Медикаментов тоже нет. Получил тов. Коновалов деньги? Нет...

По части снабжения спецпереселенцев Ураллеса, имеется постановление ЦК о том, чтобы всех спецпереселенцев, занятых на лесозаготовках, приравнять к кадровым рабочим. Однако это постановление ЦК саботируется центральными организациями...

Действительно, рассматривая положение спецпереселенцев, нельзя забывать о весьма тяжелых условиях, в которых находились советские трудящиеся в целом. Объективно существовал дефицит товаров и продуктов. Разумеется, руководящие органы предпочитали ориентироваться в первую очередь на снабжение рабочего класса. Вряд ли можно было ожидать от них иного. Другой вопрос, насколько целесообразно было переселять миллионы людей, усугубляя проблему снабжения в целом...

Из выступления т. Ошвинцева на заседании бюро Уралобкома ВКП(б)

Расселить 600 тыс. на территории области и предоставить в течение 2-х месяцев все то, что не имеет уральских рабочих, который живет в отдельных случаях в худших условиях. — эти требования были бы нецелесообразны...

Мы бы очень хотели приравнять всех кулаков к снабжению рабочих, но из этого ничего не выйдет, наравне питать кулаков с рабочими не пойдет. Мы обязаны из имеющихся фондов снабжать в первую очередь рабочих. Другое дело, когда фонды будут определяться 100% полностью в снабжении рабочих и переселенцев, которых имеется 1 млн. Это невозможно. Вопрос сводится к тому, что мы должны максимально организовать снабжение, необходимое для производительности труда, и дать заинтересованность в работе.

Спецпереселенцы страдали и потому, что тоталитарная система формировала подсистему страха руководящих работников; страх оказаться заподозренным в лояльном отношении к «врагам народа». В начале 30-х гг. спецпереселенцы, безусловно, входили в их число, хотя сам этот термин еще не был введен в официальную лексику. Характерный в этом отношении случай привел на заседании бюро обкома представитель Усвинского района Гулин: «Четыре месяца назад, когда мы принимали спецпереселенцев, в столовой остался обед, хозяйственники предложили накормить спецпереселенцев, а партийные организации предложили не давать этого обеда спецпереселенцам, и весь обед вылили на землю, а людей голодных не накормили».

Читая сегодня про протокол закрытого заседания высшей властной инстанции Уральской области, не устаешь удивляться ведомственно-бюрократическому стилю мышления собравшихся. Они могут выяснять, как правильно исполнить спущенные директивы, спорить том, кто виноват в допущенных просчетах, обсуждать, как лучше наладить быт и снабжение спецпереселенцев. Но все это отнюдь не из сострадания к обездоленным и несчастным людям. Человек, а тем более классово чуждый кулак, для них лишь материал, из которого можно лепить что угодно по своей воле. Главное для облеченных немалой властью людей — максимально точное исполнение приказов вождей и соблюдение ведомственных интересов. И это страшно...

1. Постановление СНК «Об устройстве спецпереселенцев» от 1 июля 1931 г. — ГАРФ, ф. р-1235, оп. 2, д. 776, л. 58.
2. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 9, д. 53, л. 37-54. Все документы далее по тексту цитируются по этому источнику.

Права человека в России (Human Rights Online)

Портал открывает окно в правозащитное сообщество миллионам пользователей российского Интернета. Это самый крупный правозащитный ресурс на русском языке – более 6,5 тысяч документов, почти 80 мегабайт информации. Читатели портала знакомятся с новостями, принимают участие в правозащитных акциях, обсуждают общие проблемы на форуме «Наши права», изучают документы и практические пособия.

В 2000 году пользователи Сети обращались к страничкам разделов и подразделов портала около трех миллионов раз. Строгий дизайн, информативность, ежедневное обновление – все это привлекает к ресурсу новых посетителей.

<http://www.hro.org>

NED

Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной
Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Двкор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса
Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу
за могилами жертв войны и
репрессий

Общественный Центр
(Варшава)

Karta

Полиграфическая фирма Петера
Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

Всероссийский чрезвычайный Съезд
Стр. 3-9